

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 4 (107) / 2020

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. Г. Задворная,
Т. П. Карпилович, Г. Ф. Лепесская, Ю. В. Овсейчик,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Егоров Н. В.</i> Композиционная структура медийной научно-популярной статьи на английском и белорусском языках	7
<i>Завацкая В. В.</i> Функционирование прецедентных имен собственных в публицистическом дискурсе (на материале англо-, итало- и русскоязычных печатных СМИ).....	13
<i>Зуевская Е. В., Кестер М. М.</i> Особенности функционирования союзов причины в русском и немецком языках (на материале художественных текстов)	22
<i>Иванов А. Э.</i> Роль невербального компонента в реализации кооперативных стратегий в разговорном дискурсе	30
<i>Ключенович Т. П.</i> Феномен синтаксического эллипсиса речеводного глагола в ремарках белорусских и британских прозаиков	38
<i>Козлова В. В.</i> Прагматические функции высказываний мнения в информационных и аналитических жанрах медийного дискурса	45

Романское и германское языкознание

<i>Ключенович С. С.</i> Финальная контракция сложных слов с тождественным компонентом в разнотипных дискурсивных условиях	52
<i>Корбачёва Т. В.</i> Квантитативный метод определения значимости конститuentов цикла (на примере суточного и недельного циклов в испанском языке).....	58
<i>Крот Л. Г.</i> О функционировании звукоподражаний в художественном тексте.....	65
<i>Крючкова А. Е., Ковалихина А. А.</i> Романские заимствования в современном английском языке	72
<i>Курбаленко Н. В.</i> О межкатегориальных связях (на примере каузативности, модальности и императивности)	80

<i>Овсейчик Ю. В., Тимофеева В. М.</i> Лингвопрагматические особенности реализации персуазивной коммуникации во французском политическом дискурсе (на материале официальных страниц Facebook Э. Макрона и М. Ле Пен).....	87
<i>Сокол В. В.</i> Фонетическая языковая игра в американских ситкомх «Friends» и «The Big Bang Theory».....	95

Исследования славянских языков

<i>Борзенец С. Е.</i> Новейшие англоязычные заимствования сферы массовых развлечений и досуга в Беларуси: функционирование, семантизация, место в лексической системе.....	101
<i>Свиштун Т. И., Ильичева И. Л.</i> Виды прецедентных явлений в белорусском массмедийном дискурсе.....	108
<i>Хомцова Е. В.</i> Модели семантической деривации на базе области-источника ‘животное’ в русском и белорусском языках	115

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Меньшенина И. А.</i> Структура компонента «Введение» в научных медицинских статьях на английском языке.....	123

Литературоведение

<i>Кудрявцева И. К.</i> Гибридный характер новеллистики Фланнери О’Коннор (на примере рассказа «Озноб»).....	129
<i>Первушина Л. В.</i> Художественная репрезентация исторической памяти в прозе М. Слоуки: эмиграция, идентичность, культурный опыт	136
<i>Наши авторы</i>	146

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Yahorau M. V.</i> Compositional Structure of Media Popular Science Articles in English and Belarusian.....	7
<i>Zavatskaya V. V.</i> The Functioning of Proper Names in Publicistic Discourse in English, Italian and Russian Print Media.....	13
<i>Zuevskaya E., Kester M.</i> Specific Features of the Usage of Reason Conjunctions in Russian and German (Based on Fictional Texts)	22
<i>Ivanov A. E.</i> The Role of the Non-Verbal Component in Realization of Cooperative Strategies in Conversational Discourse.....	30
<i>Klyuchenovich T. P.</i> The Phenomenon of Syntactic Ellipsis of Verbs in Belarusian and British Authors' Remarks	38
<i>Kozlova V. V.</i> Pragmatic Functions of Opinions in the Informational and Analytical Genres of the Media Discourse.....	45

Romance and Germanic Linguistics

<i>Klyuchenovich S. S.</i> Final Contraction of Compounds with an Identical Component in Different Discourse Conditions.....	52
<i>Karbachova T. V.</i> Quantitative Method of Determining the Significance of Cycle Constituents (on the Example of Daily and Weekly Cycles in the Spanish Language)	58
<i>Krot L. G.</i> Functioning of Onomatopoeia in the Literary Text	65
<i>Kruchkova H. E., Kovalikhina A. A.</i> Romanic Borrowings in Modern English	72
<i>Kourbalenko N. V.</i> Intercategory Relations (in Terms of Causation, Modality and Imperativeness).....	80
<i>Auseichyk Y. V., Timofeeva V. M.</i> Linguopragmatic Features of the Implementation of Persuasive Communication in French Political Discourse (Based on the Official Facebook Pages of E. Macron and M. Le Pen).....	87
<i>Sokol V. V.</i> Phonetic Language Play in American Sitcoms "Friends" and "The Big Bang Theory"	95

Slavonic Languages

<i>Borzenets S. E.</i> New English Borrowings in the Entertainment and Leisure Industry in Belarus: Functioning, Semantization and the Place in the Lexical System.....	101
<i>Svistun T., Ilyichova I.</i> Types of Precedent Phenomena in Belarusian Mass Media Discourse.....	108
<i>Khomtsova E. V.</i> Semantic Derivation Models on the Basis of the Source Domain ‘Animal’ in the Russian and Belarusian Languages	115

Applied Linguistics

<i>Mianshenina I. A.</i> The Structure of the Introduction Section of the English Scientific Medical Articles.....	123

Literary Studies

<i>Kudriavtseva I. K.</i> The Hybrid Nature of Flannery O’Connor’s Short Fiction (based on the Short Story “The Enduring Chill”)	129
<i>Pervushina L. V.</i> Artistic Representation of Historical Memory in the Fiction of M. Slouka: Emigration, Identity and Cultural Practice	136
<i>Our authors</i>	146

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Н. В. Егоров

КОМПОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА МЕДИЙНОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Автор рассматривает композиционную структуру медийных информационно-аналитических статей научно-популярного дискурса на английском и белорусском языках. Композиция представляет собой универсальную схему структурной организации текста, где отражены строение, взаимное расположение и связь ее составных частей. В медийных научно-популярных статьях на двух языках наблюдается идентичная композиционная структура – заголовок, подзаголовок, лид, основная часть, заключение, послетекстовые блоки (ссылки, сноски, примечания). Все композиционные части выполняют закрепленные за ними прагматические функции, наличие которых вызвано необходимостью реализации автором коммуникативных установок, предопределенных особенностями научно-популярного дискурса.

Хотя композиция отражает лишь общее членение содержательной структуры текстовой материи, она считается важным параметром, поскольку обладает информативностью. Организация научной информации по определенной композиционной модели как индикатора направления познавательной деятельности с выделением ее главных этапов следует признать эффективной с коммуникативной точки зрения, поскольку она «обеспечивает рациональный способ кодирования и декодирования научного знания, способствует ориентации читателя в содержании» [1, с. 24] как научного, так и научно-популярного текста.

Под композицией понимается «схема организации структурной упорядоченности целого текста (произведения), отражающая строение, соотношение и взаимное расположение его частей, членение на смысловые элементы, степень и характер выраженности этих элементов, порядок их следования и взаимосвязь между ними» [2, с. 168].

Фактическим материалом настоящего исследования послужили 100 информационно-аналитических статей научно-популярного профиля из американских изданий «Popular Mechanics», «Popular Science», «National Geographic», «The New York Times», «Nature», «Science» и статей того же жанра из белорусских журналов «Беларуская думка», «Родная прырода» и газеты «Звязда» за период 2014–2019 гг. Анализ материала проводился с применением методов контекстуального, количественного и сопоставительного анализа.

В рамках композиционной структуры медийной информационно-аналитической статьи научно-популярного дискурса нами выделены следующие композиционные части: *заголовок, подзаголовок, лид, основная*

часть, заключение, послетекстовые блоки (ссылки, сноски, примечания). Некоторые авторы объединяют заголовок, подзаголовок и лид в заголовочный комплекс [3; 4].

Заголовок служит первым компонентом структуры научно-популярной статьи, занимая стилистически «сильную» позицию в тексте. Являясь самым кратким связным текстом [5, с. 360], заголовок служит отправной точкой для установления контакта автора с читателем и задает общую интонацию общения между ними [6]. В анализируемых статьях научно-популярного дискурса заголовки представлены словами и словосочетаниями (*The Water (Re-)Cycle* ‘(Повторный) цикл воды’¹ (Popular Science, 03–04.2017); *Каштоўная сыравіна* (Родная прырода, 06.2018)), простыми предложениями (*We See Your Pain* ‘Мы видим вашу боль’ (Popular Science, 07.2015); *Беларусь можа заняць месца на перспектыўным рынку беспілотнікаў* (Звязда, 11.12.2018)); сложными предложениями (*Bugs Are In Our Food – And That’s Ok* ‘Жучки – в нашей еде, и это нормально’ (National Geographic, 02.2017); *Распрацавана мабільная праграма, якая дапаможа людзям з тугавухасцю* (Звязда, 21.10.2016)). Синтаксическая структура заголовков научно-популярных статей отражена в таблице.

Синтаксическая структура заголовков научно-популярных статей информационно-аналитического характера на двух языках

Тип заголовка		Употребительность в статьях, %	
		англоязычных	белорусскоязычных
Слово и словосочетание		42	34
Предложение	простое	48	62
	сложное	10	4

Англо- и белорусскоязычные заголовки обладают экспрессивностью, поскольку в них, как правило, используются оценочные лексические единицы, разговорная лексика, игра слов, вопросительные и восклицательные предложения. В примере *Bird Brainiacs* (National Geographic, 02.2018) автор обыграл тему интеллекта птиц игрой слов *bird* и *brain* ‘пернатые умники’. В примере на белорусском языке *Выць ці не выць ваўку ў Беларусі?* (Родная прырода, 12.2017) внимание читателя привлекается к теме истребления данного хищника в Беларуси.

Приведенные выше примеры демонстрируют прагматические функции заголовков медийных научно-популярных статей: 1) информативно-познавательная – сообщение центральной темы статьи; 2) вводно-ориентационная (прогностическая) – привлечение и подготовка читателя к восприятию и пониманию содержания; 3) интригующая (рекламная) – возбуждение интереса, создание определенной загадочности вокруг описываемого в статье

¹ Здесь и далее перевод наш.

научного явления; 4) графическая – визуальное выделение заголовка с помощью шрифтового и цветового оформления (экстралингвистических средств) для придания всей статье наглядности и выразительности, а также разграничения медийных материалов на страницах печатного издания. По сути заголовок вызывает у адресата определенные ожидания и, тем самым, способствует формированию у него соответствующей коммуникативной установки.

Лид (вводка по Т. А ван Дейку [7]) необходим адресанту для быстрого «погружения» читателя в содержание статьи. Анализ информационно-аналитических статей показал, что употребление данного композиционного элемента в белорусскоязычных публикациях (96 %) носит системный характер и встречается практически в два раза чаще, чем в англоязычных статьях (51 %). Таким образом, в американском научно-популярном медиадискурсе ему отводится факультативная роль.

Данный композиционный элемент выступает связующим звеном между заголовком и основной частью статьи. Приведем пример лида в англоязычной статье «The Internet Knows What You Did Last Summer» ‘Интернет знает, что вы делали прошлым летом’ (Popular Mechanics, 03.2016): ***Data analytics is growing more sophisticated by the minute, monitoring your behavior in ways you haven't even thought about. This is fascinating, terrifying – and might save your life*** ‘Аналитика данных с каждой минутой становится все более изощренной, за вашим поведением наблюдают таким образом, что даже сложно представить. Это завораживает, наводит ужас и может спасти вашу жизнь’. Приведем пример лида в статье на белорусском языке «Чаму чалавецтва пакуль не знаходзіць разумнага жыцця ў космасе» (Звязда, 11.09.2018): ***Дзе ж гэтыя таямнічыя і нябачныя іншاپланецяне? Існуюць яны на самай справе ці іх выдумалі пісьменнікі-фантасты? А можа, яны вельмі добра ад нас хаваюцца?***

Следует отметить, что лид в медийных научно-популярных статьях на сопоставляемых языках практически всегда выделяется шрифтом, цветовым фоном или иным графическим способом.

В лиде содержится наиболее важная информация в краткой, концентрированной форме об освещаемом в статье научном знании. В функциональном плане назначение лида состоит в привлечении и интенсификации внимания адресата к содержанию статьи. В целом наличие в статьях лида предопределено требованием релевантности, т.е. необходимостью представления важной информации в начале сообщения [4; 8]. По мнению М. И. Шостака, лид создается автором с учетом читательского интереса, но не столько сообщает, сколько оттягивает сообщение главной информации в текст статьи [9].

Следующим композиционным элементом является *подзаголовок* (внутреннее заглавие по Н. В. Кириченко [10]), который носит факультативный характер [7, с. 256]. Анализ статей показал примерно одинаковый показатель использования подзаголовков в англоязычных (68 %) и белорусскоязычных (67,3 %) статьях. Подзаголовки выражены словосочетаниями,

простыми предложениями, где в лаконичной форме представлено содержание фрагмента текста, или вопросительными предложениями, ответ на который автором приводится в последующем отрывке. Например, подзаголовок *The Little Skate Walks Using The Same Nerves And Genes As Mammals* 'Скат двигается благодаря тем же нервным клеткам и генам, что и млекопитающие' из англоязычной статьи «Primitive Fish's Sea-Floor Shuffle Illuminates The Origins Of Walking» 'Передвижение примитивной рыбы по дну моря проливает свет на истоки ходьбы' (Nature, 08.02.2018) выступает кратким содержанием следующего за ним фрагмента основного текста. В статье на белорусском языке «Навукоўцы знайшлі спосаб зазірнуць у самае сэрца цемры» (Звязда, 28.07.2017) подзаголовок *Як гэта працуе?* задает тон дальнейшему повествованию и подталкивает адресата к прочтению ответа на поставленный вопрос.

Прагматическая функция подзаголовков состоит в том, что они уточняют и дополняют тему сообщения, придают статье четкую структуру, т.е. выполняют роль «текстового информатора и коммуникативного организатора» [10]. Одновременное использование подзаголовков для деления текстовой материи статьи на структурно-смысловые части способствует адекватному восприятию читателем содержания и акцентирует его внимание на каждом смысловом фрагменте, тем самым способствуя формированию у него ментальной модели текста, т.е. его *макроструктуры* [7]. Например, в англоязычной статье «Did You Miss The Cryptocurrency Boat?» 'Опоздали на рейс до криптовалюты?' (Popular Mechanics, 04.2018) для раскрытия сути понятия криптовалюты автор использует три пронумерованных подзаголовка (01. *The Currency* '01. Типы Валют'; 02. *The Tools* '02. Приложения'; 03. *The Timing* '03. Расчет Времени'), что способствует четкому структурированию основной части статьи и выделению полезной для читателя информации. В белорусскоязычной статье «Формула вады» (Родная прырода, 02.2018) встречаются четыре подзаголовка (*Хімічныя "невідзімкі"*; *Кантроль сцёкаў*; *"Рэдкая птушка даляціць да сярэдзіны Дняпра..."*; *Як "адмыць" ваду?*). Таким образом, через сегментирование статьи на отдельные смысловые фрагменты с подзаголовками автор постепенно раскрывает главную тему, равномерно распределяя внимание читателя по всей публикации.

Основная часть эксплицирует и конкретизирует тематическое ядро научно-популярной статьи. В проанализированных статьях на обоих языках отмечено как наличие сегментации текстовой материи на смысловые части, оформленные с помощью подзаголовков или целых цитатных блоков, выделенных отдельным шрифтом или цветовым фоном, так и полное отсутствие рубрик, т.е. основная часть статьи может представлять собой единый смысловой блок.

Заключительная часть в научно-популярной статье не имеет соответствующего заголовка, как в научной статье («Conclusion; Заключение»). Также автор статьи, как правило, отдельно не выделяет данный композиционный элемент особым шрифтом или цветом. Заключение обычно выражено в последнем абзаце статьи, поскольку в нем конкретизируется информация

о новом научном знании, подводится итог в форме мнения автора или ученого/специалиста о научном исследовании и его дальнейших перспективах, т.е. заключение фактически выражает рему всей статьи – ее основной смысл. Примеры на сопоставляемых языках: *Paying with your phone in the current environment is like driving an electric car. You're not alone, and there is some infrastructure to support you, but before you head out, you need to know exactly where you're going. And you need to tell everyone you know just how much you're improving the world by doing it* [заключительное мнение автора] ‘Оплачивать покупки с помощью телефона в современном мире – это все равно что водить электромобиль. Вы не одиноки, развитие инфраструктуры налицо, но перед поездкой нужно четко определить направление движения. Также нужно всем твердить о том, насколько мир становится лучше благодаря тому, что вы пользуетесь этой технологией’ (Popular Mechanics, 08.2015); Вадзім Беявец [дацэнт кафедры археалогіі, кіраўнік археалагічных раскопак] рэзюмаваў: “Вынікі раскопак у Яскавічах дазваляюць выказаць здагадку, што далейшыя археалагічныя даследаванні на Беларускай Палесі дазваляць выявіць і іншыя помнікі, якія адносяцца да эпохі заключнага этапу этнагенезу славян, і тэорыя аб тым, што прарадзімай сучасных славянскіх народаў было менавіта Палессе, атрымае новыя пацверджанні” [заключительное мнение ученого-археолога] (Звязда, 18.07.2018).

В ряде исследуемых статей за заключительной частью следуют блоки добавочной информации, которые представляют собой ссылки или примечания автора. Примером может служить статья «Baldness: The Last Frontier» ‘Облысение: последний рубеж’ (Popular Mechanics, 04.2017), где обсуждается проблема облысения и в конце публикации автором размещаются ссылки на перспективные методы лечения:

Micro-needling

STATUS: Available in some doctor's offices

HOW IT WORKS: Doctors prick balding areas of the scalp with very tiny needles. The tiny injuries cause the skin to go into repair mode, which in turn releases cytokines that make hair go into a growing phase. Micro-needling has been used on its own, but has also been shown to be effective in conjunction with Rogaine.

‘Микроукалывание

СТАТУС: услуга оказывается некоторыми врачами

КАК ЭТО РАБОТАЕТ: Врач обкалывает облысевшие области головы очень тонкими иглами. Кожные покровы начинают процесс восстановления и стимулируют выработку цитокина, который активирует у волос фазу роста. Микроукалывание применяется отдельно, но также оказалось эффективным в комплексе со средством Rogaine.’

Приведем пример белорусскоязычной статьи *Дыханне гарадоў* (Родная прырода, 01.2018) об экологической обстановке в белорусских городах, где в конце публикации автором размещена краткая справка *Трэба ведаць* о наиболее распространенных в воздухе вредных веществах:

ТРЭБА ВЕДАЦЬ

Фармальдэгід – бясколерны газ з моцным пахам. Ён выдзяляецца з розных будаўнічых матэрыялаў і аўтатранспарту. Выклікае галаўны боль, хранічны насмарк, раздражненне вачэй, алергічныя рэакцыі і хранічныя захворванні дыхальных шляхоў.

Аксід вугляроду – газ без колеру і паху, які выдзяляе аўтатранспарт. Выклікае млоснасць і галаўны боль.

Цвёрдыя часціцы рознага дыяметру ўяўляюць сабой сумесь арганічных і неарганічных рэчываў, і таму ацаніць іх уплыў на здароўе досыць складана. Тым не менш, яны выклікаюць кашаль, прыступы астмы і прыводзяць да павелічэння смяротнасці з прычыны рэспіраторных захворванняў.

Несмотря на схожесть композиционной структуры медийных научно-популярных статей на сопоставляемых языках, следует отметить и различие. Использование лида белорусскоязычными авторами носит системный характер, тогда как в американских статьях данное композиционное звено встречается в два раза реже, т.е. играет роль факультативного элемента.

Композиция носит универсальный характер и отражает общее членение семантической структуры медийных научно-популярных статей на английском и белорусском языках. Каждый из композиционных элементов играет определенную прагматическую роль и используется автором статьи для реализации соответствующих коммуникативных установок, обусловленных научно-популярным дискурсом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпилович, Т. П. Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта, 2003. – 696 с.
3. Фатина, А. В. Функционирование заголовочных комплексов в современной российской газете (стилистика-синтаксический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Фатина ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2005. – 25 с.
4. Ким, М. Н. Основы творческой деятельности журналиста : учебник для вузов / М. Н. Ким. – СПб. : Питер, 2011. – 400 с.
5. Рождественский, Ю. В. Лекции по общему языкознанию / Ю. В. Рождественский. – М. : Высш. шк., 1990. – 381 с.
6. Дускаева, Л. Р. Фатика как речевая форма реализации развлекательной функции в медиатексте / Л. Р. Дускаева, Н. А. Корнилова // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 4 (28). – С. 67–71.
7. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петров ; под ред. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

8. *Клинк, Е. И.* Коммуникативное моделирование жанра имиджевой статьи (на материале газетно-журнальных текстов на русском языке) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. И. Клинк ; Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – 27 с.
9. *Шостак, М. И.* Журналистика новостей / М. И. Шостак // Журналист. – 1997. – № 9. – С. 59–62.
10. *Кириченко, Н. В.* Специфика выражения коммуникативной задачи предтекстов в композиционно-смысловой структуры научно-популярной статьи / Н. В. Кириченко // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. Н. Кожинной. – Пермь, 1988. – С. 61–68.

The article deals with the compositional structure of media news and analytical articles in English and Belarusian popular science discourse. The articles in both languages have an identical composition including, but not limited to the headline, crossheading, lead, main body, the concluding part, and additional sections (references, remarks, and notes). The above components perform certain pragmatic functions stipulated by the author's communicative intentions.

Поступила в редакцию 10.07.2020

В. В. Завацкая

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале англо-, итало- и русскоязычных печатных СМИ)

Статья посвящена выявлению закономерностей употребления онимов (в том числе прецедентных) в сопоставительном аспекте.

В проведенном исследовании установлены закономерности функционирования онимов (в том числе прецедентных), выявлен функциональный потенциал контекстного употребления различных видов онимов, разработан алгоритм семантико-прагматического анализа публицистического дискурса.

Сравнительный анализ публицистического дискурса разных стран позволяет определить как закономерности мирового общенационального характера, так и черты, свойственные той или иной стране.

В рамках теории прецедентности, возникшей на базе теории интертекстуальности, выделяются прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации. Данные феномены работают на социумно-прецедентном, национально-прецедентном, а также универсально-прецедентном уровнях [1, с. 96]. Каждый из видов прецедентных феноменов имеет свои критерии и характеристики. Для проведения исследования на материале нашей работы, фундаментальным понятием является **прецедентное имя**, под которым понимается широко известное имя собственное, которое используется в тексте не для обозначения конкретного человека (города, организации и т.д.), а в качестве культурного знака или символа определенных качеств, событий.

Согласно толкованию энциклопедии «Русский язык» под редакцией Ю. Н. Караулова, «*оним* (от др. греч. *опута*, *опота* – имя, название), *имя собственное* – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других в том же классе, например, поселения, имена и прозвища, художественные произведения» [2, с. 288].

В настоящем исследовании под именами собственными мы будем понимать имена, которые даются индивидуальным предметам, выделяемым из круга им подобных предметов. Имена собственные не только указывают на называемый ими объект, но и несут дополнительную экстралингвистическую информацию.

Наиболее типичные носители имени собственного – это люди, животные, географические и астрономические объекты. К периферии имен собственных относятся наименования объектов, созданных трудом человека. Это названия кораблей, учреждений, компаний, произведений литературы, искусства, науки и т.п. Следует отметить, что степень известности выдающегося лица в разных странах различается.

При описании функционирования прецедентных имен необходимо разделение на «прямое» и «переносное» употребление.

Согласно А. В. Суперанской, в языке наблюдается постоянное взаимодействие между именами собственными и именами нарицательными, что обогащает словарный состав языка. Автор уточняет, что имя нарицательное соотносит предмет или группу предметов с классом, а имя собственное связано не с классом, а с индивидуальным предметом или несколькими одноименными предметами. При переходе имени собственного в нарицательное оно приобретает новое значение. Коннотация и возможность перехода в нарицательные возникают у имен собственных в тех случаях, когда:

1) денотат имени приобретает достаточную известность у всех членов определенного языкового сообщества;

2) имя перестают связывать с одним определенным денотатом, и оно становится типичным для многих похожих друг на друга в какой-то степени людей, объектов и т.п. [3, с. 116].

Имена нарицательные, в свою очередь, способны переходить в имена собственные, когда они употребляются в значении индивидуальных обозначений. Например, в следующем предложении онимы *the White House* и *the Kremlin* используются в переносном значении и функционируют коннотативно (*Кремль всегда утверждал*). Белый дом и Кремль олицетворяют исполнительную власть данных стран:

However, the Kremlin had always maintained that they had not received any official notice from the White House calling off the meeting and that an informal discussion was always set to go ahead [4].

‘Тем не менее, **Кремль** всегда утверждал, что они не получали какого-либо официального уведомления от **Белого дома** об отмене официальной встречи, а неформальная беседа всегда предполагалась’¹.

---

¹ Здесь и далее перевод наш.

В следующем фрагменте имя собственное *il Carroccio* обладает коннотативностью, употребляется в переносном значении и указывает на объединение людей, у которых есть своя программа и идеология. Прецедентное имя *il Carroccio* широко используется в качестве условного названия политической партии Лига Севера. Изначально это была повозка со штандартами коммуны Милана во время битвы при Леньяно (1176), в ходе которой ополчение Ломбардской лиги разгромили войска императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы. Затем Лига Севера стала использовать это названия.

Il vicepremier si domande se il Carroccio “chiede un voto per l’Europa o per la crisi di governo” e ribadisce: “Noi siamo per il governo” [5]. ‘Заместитель премьер-министра спрашивает, требует ли **Карроччо** «голосовать за Европу или за правительственный кризис», и заявляет: «Мы за правительство»’.

Условием полного, частичного или ситуативного перехода имени собственного в нарицательное является известность денотата имени, т.е. все члены данного сообщества должны знать о коннотациях имени (например, *Шекспир наших дней* – «великий писатель»). А. В. Суперанская добавляет: «Потенциально переход в нарицательные свойственен всем именам с широкой известностью» [3, с. 117]. Степень обобщения имени собственного, переходящего в нарицательное, может варьироваться от максимального обобщения до минимального обобщения, которое опирается на контекст. Например, итальянский политик Пьер Луиджи Берсани сравнил представителей политического Движения «Пять звезд» с Зелигом, героем одноименного фильма Вуди Алана, намекая на их способность перевоплощаться в других людей:

A suo parere il M5s è “come Zelig, assomigliano a quelli a cui stanno vicino” [5]. ‘По его мнению, сторонники Движения «Пять звезд» как **Зелиг**: они становятся похожи на тех, с кем близко общаются’.

Как правило, вторичная номинация реализуется на базе прецедентного имени: оно перестает связываться с одним определенным денотатом, так как объем его применения расширяется (например, *i grillini, i renziani (il fronte renziano)* – сторонники итальянский политиков Бeppe Грилло и Маттео Ренци, *Brexiters* – сторонники выхода Великобритании из Европейского союза). Далее приведем несколько примеров с данными онимами.

E che questo accordo saltò per il veto dei grillini a Boschi ministro, come invece voleva Renzi [6]. ‘И что это соглашение не состоялось, так как **гриллини** наложили вето на кандидатуру Боски в качестве министра, как этого хотел Ренци’.

“The Brexiters and their allies in the media and beyond pose a direct threat to the institutions that maintain democracy in this country,” he said [7]. ‘«**Брекситеры**» и их союзники в средствах массовой информации и за их пределами представляют прямую угрозу для учреждений, которые поддерживают демократию в этой стране», – сказал он’.

За каждым прецедентным именем стоит инвариант восприятия того предмета, объекта культуры, на который указывает данное имя.

Прецедентное имя может сохранять многие признаки имени собственного и вместе с тем в некоторой степени приближаться к имени нарицательному. Прецедентное имя собственное может переходить в имя нарицательное. При выявлении специфики имени собственного по сравнению с нарицательным специалисты основываются на соотношении между *словом* (звуковым образом, который отображается на письме при помощи букв), его *референтом* (предметом, которым обозначается данное слово) и *денотатом* (смыслом данного слова в высказывании). Значение слова – это отношение его звукового облика к референту и денотату. В одних случаях в этом значении преобладает связь с денотатом, а в других – с референтом [8, с. 28].

Максимальное приближение к нарицательному имени происходит, когда прецедентное имя употребляется в форме множественного числа. Форма множественного числа свидетельствует, что переход прецедентного имени в нарицательное уже начался или почти состоялся (например, *«две Америки»*): *На конференции, подчеркивает газета, Германия столкнулась с «двумя Америками»* [9]. В данном примере речь идет о конфликте между президентом США Дональдом Трампом и спикером Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси, которая является активным оппонентом Дональда Трампа.

Прецедентные имена собственные используются в тексте как для обозначения конкретного лица (города, организации и т.д.), так и для того, чтобы дать характеристику или оценку данному лицу. Следовательно, прецедентные имена могут функционировать денотативно и коннотативно. Они широко известны носителям языка и характеризуются довольно высокой частотой воспроизведения в различных контекстах. Данные феномены придают публицистическому тексту экспрессивность, позволяют автору кратко выразить свое мнение, вызвать у читателя определенные эмоции.

Таким образом, имя собственное становится прецедентным, если оно обладает рядом особенностей, среди которых коннотативность, индивидуальность, вторичность. Все эти термины характеризуют имя собственное с разных позиций, раскрывая его сущность как прецедентного феномена.

В ономастике существует несколько классификаций имен собственных. Например, А. В. Суперанская выделяет антропонимы, зоонимы, фитонимы, топонимы, космонимы и астронимы, фалеронимы, хрононимы, гемеронимы, документонимы, хреманонимы, мифонимы (теонимы, демонимы) и фиктонимы. О. И. Фонякова предлагает всего восемь видов имен собственных: антропонимы, топонимы, космонимы, зоонимы, хрононимы, хреманонимы, теонимы и мифонимы, а также литературные антропонимы, топонимы, зоонимы и т.п. Таким образом, первая классификация полностью включает в себя вторую, однако является более полной и рассчитана не на один язык.

Определенное внимание исследователей привлекают не только ядерные онимы (антропонимы), но и периферийные (гемеронимы, фалеронимы, документонимы и т.д.), поскольку они являются важными элементами текста, содержат страноведческие коннотации и вызывают определенные чувства. В предисловии к Словарю русской ономастической терминологии Н. В. Подольская выделяет две группы периферийных онимов в своей классификации имен собственных: идеонимы (названия объектов умственной деятельности) и прагматонимы (названия объектов прагматической деятельности). Некоторые разряды онимов отсутствуют в классификации Н. В. Подольской, например, фалеронимы, эргонимы (деловые объединения людей), политонимы (эмблемы, символы государства), но в словаре эти термины приводятся. Опираясь на материалы словаря Н. В. Подольской, Н. А. Максимчук выделяет следующие разряды периферийных онимов: хрононимы, политонимы, документонимы, хрематонимы и литературные имена. К политонимам она относит названия органов власти, партий, государственных и общественно-политических организаций, движений, союзов и т.п. Таким образом, можно констатировать, что в ономастике существуют различные классификации имен собственных, однако единой и четкой классификации периферийных онимов нет.

Изучив материал исследования, мы выделили следующие виды онимов в публицистическом дискурсе, которые функционируют как прецедентные: антропонимы (личные имена, фамилии, отчества), топонимы (названия географических объектов), политонимы (названия органов власти, партий и т.д.), гемеронимы (названия органов периодической печати), названия событий, названия литературных, музыкальных, научных и иных произведений.

Исследование проводилось на материале русской качественной прессы («Ежедневная деловая газета РБК», «Независимая газета», «Московский комсомолец»), итальянской качественной прессы («Il Fatto Quotidiano», «La Repubblica», «Il Sole 24 Ore»), английской качественной прессы («The Independent»). Рейтинг популярности данных изданий у читателей принимался нами во внимание, однако основой для выборки послужила тематическая принадлежность статей к рубрикам «Политика», «В мире», «Politica», «Politics», «World news» онлайн-версий авторитетных изданий. Единицей анализа является имя собственное в публицистическом дискурсе. В общей сложности в англоязычных статьях было изучена 211 употреблений 78 онимов, в италоязычных – 228 употреблений 101 онима, в русскоязычных – 236 употреблений 76 онимов.

Мы проанализировали текст каждой статьи на предмет наличия имен собственных. Наиболее частотные имена собственные при детальном изучении позволили обнаружить особенности их функционирования. А применение классификации имен собственных к нашему материалу привело к обнаружению типов имен собственных, имеющих тенденцию к прецедентности.

В англоязычных статьях анализу подверглись 78 онимов, представленных 211 словоупотреблениями. Среди них обнаружены 71 антропоним, 2 гемеронима, 62 топонима, 76 политонимов. Установлено, что из всех видов

онимов лишь политонимы и топонимы обладают прецедентностью. Таких словоупотреблений было выявлено 51. От общего количества выборки 13 % (27 словоупотреблений из 76) политонимов и 11 % (24 словоупотреблений из 62) топонимов выступили в качестве прецедентных. Для более наглядного представления полученных результатов можно обратиться к следующей диаграмме (рис. 1).

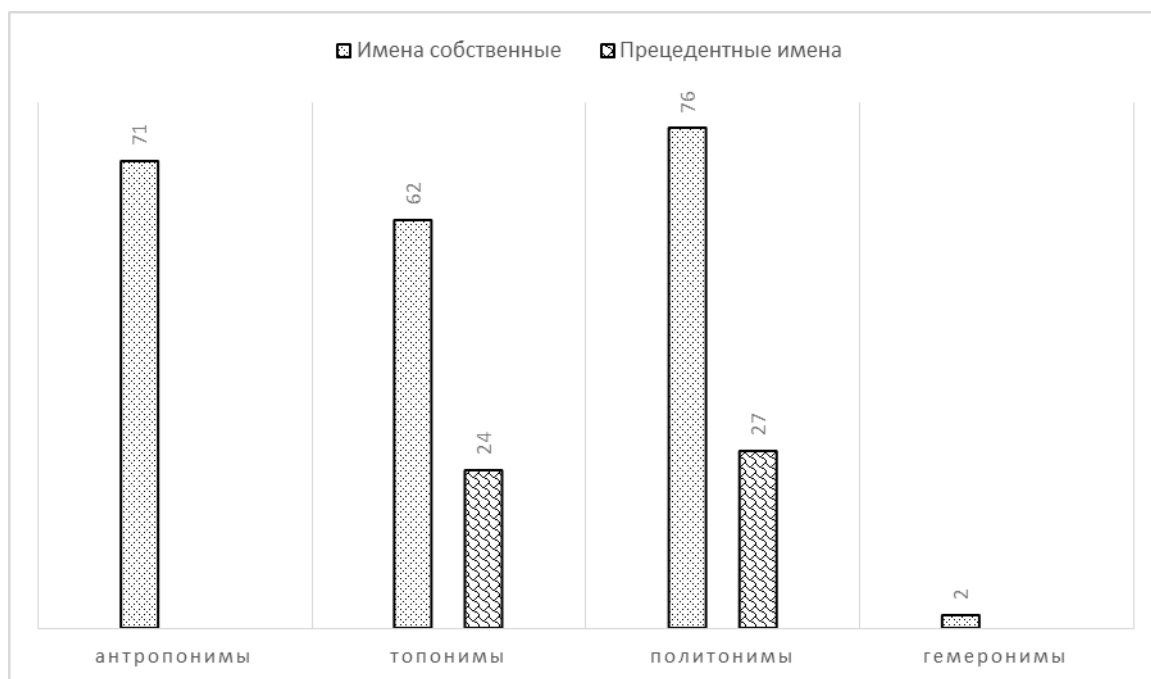

Рис. 1. Количественное соотношение имен собственных и прецедентных имен в англоязычных статьях

Среди политонимов мы выявили следующие прецедентные имена собственные: *Treasury* (2), *Brexiters* (5), *the EU* (9), *the European commission* (2), *the British Government* (2), *Westminster* (3), *the European Council* (1), *Labour* (1), *the White House* (1), *the Kremlin* (1). А к прецедентным топонимам мы относим *the UK* (2), *Russia* (4), *China* (1), *North Korea* (3), *the USA* (7), *Brussels* (2), *Pyongyang* (2), *Seoul* (1), *Turkey* (1), *Australia* (1). Мы полагаем, что данные прецедентные имена преимущественно соответствуют универсально-прецедентному уровню, поскольку они известны любому современному человеку. Антропонимы и гемеронимы в анализируемых нами англоязычных статьях не обладают прецедентностью.

В италиянских статьях мы изучили 101 имя собственное, которые были представлены 228 словоупотреблениями. Более детальное исследование привело к заключению, что 100 из них являются антропонимами, 11 – гемеронимами, 11 – топонимами, 106 – политонимами. Анализ показал, что состав прецедентных имен собственных формируется политонимами, антропонимами, топонимами. Таких словоупотреблений было выявлено 48. При этом 18 % (41 словоупотребление из 106) политонимов и 3 % (6 слово-

употреблений из 100) антропонимов входят в состав прецедентных имен собственных. Прецедентные топонимы составили 0,5 % (1 словоупотребление из 11) от общего количества выборки, а гемеронимы в анализируемых статьях не обладают прецедентностью. Количественные результаты исследования представлены в следующей диаграмме (рис. 2).

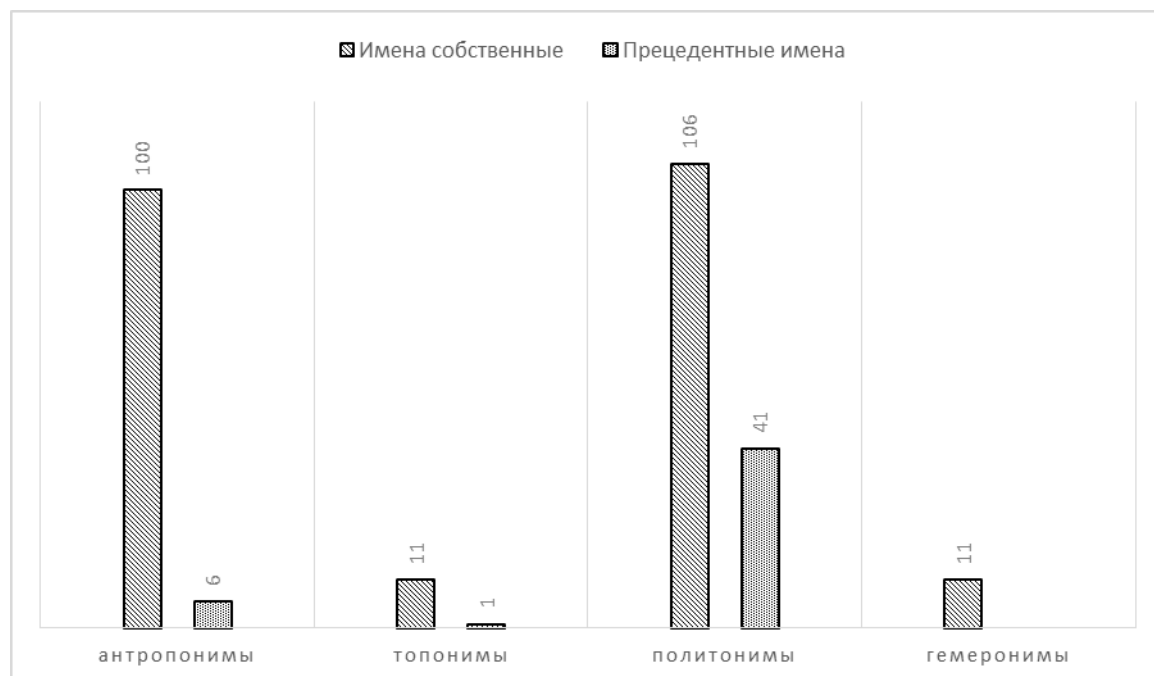

Рис. 2. Количественное соотношение имен собственных и прецедентных имен в италияязычных статьях

Среди топонимов мы обнаружили лишь одно прецедентное имя (*Mosca*). Среди политонимов мы выявили *l'Aula* (2), *il Quirinale* (3), *i 5 Stelle* (16), *il Movimento* (2); *Piazza Grande* (2), *i grillini* (3), *i renziani* (3), *l'Esecutivo* (2), *il Colle* (2), *la Lega* (1), *le Camere* (1), *Palazzo Chigi* (2), *il Carroccio* (2). Прецедентным антропонимами мы считаем *Zingaretti* (3), *Grillo* (1), *Mattarella* (2). Мы полагаем, что данные прецедентные имена относятся к национально-прецедентному уровню, поскольку они известны среднему представителю италияязычного сообщества. Гемеронимы в данных статьях не обладают прецедентностью.

В русскоязычных статьях мы выделили 76 имен собственных, представленных 236 словоупотреблениями. Среди них 72 антропонима, 19 гемеронимов, 102 топонима и 43 политонима. Состав прецедентных имен собственных формируется антропонимами, топонимами и политонимами. Таких словоупотреблений было выявлено 48. Наиболее частотными среди прецедентных имен собственных выступают топонимы 11 % (27 словоупотреблений из 102) и антропонимы 6 % (14 словоупотреблений из 72). Прецедентные политонимы составили 3 % (7 словоупотреблений из 43) от общего количества выборки, а гемеронимы в анализируемых статьях не обладают прецедентностью. Результаты исследования представлены в следующей диаграмме (рис. 3).

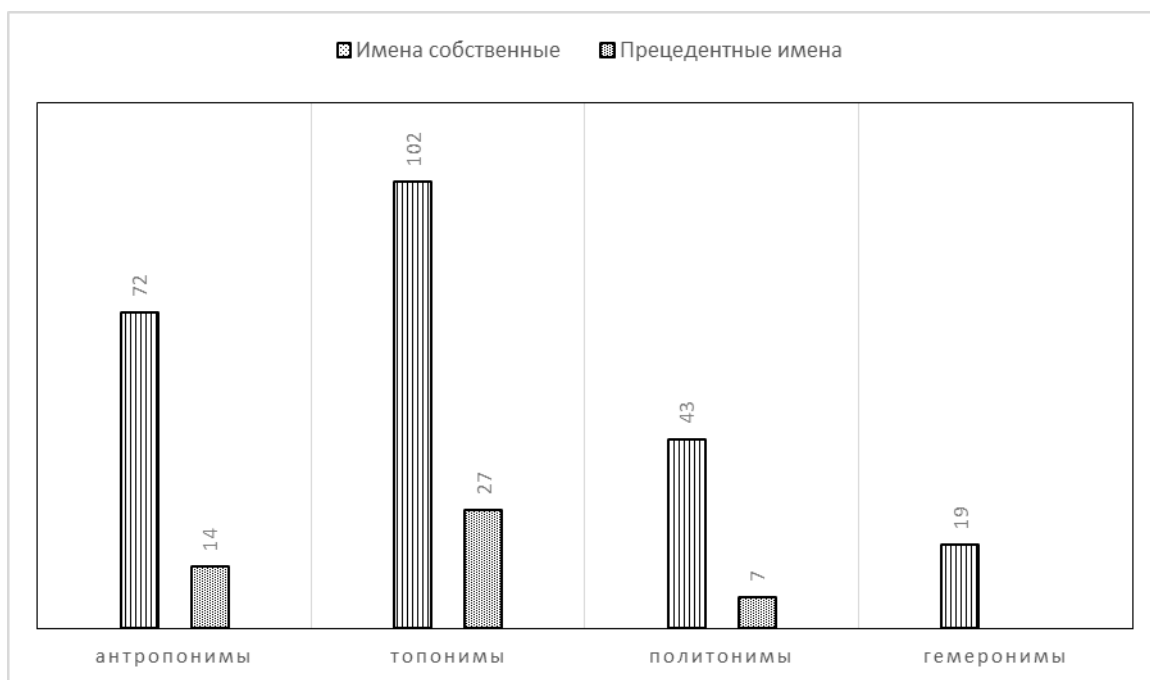

Рис. 3. Количественное соотношение имен собственных и прецедентных имен в русскоязычных статьях

Среди политонимов мы обнаружили всего четыре прецедентных онима (*Европа, ЕС, Запад, Вышеградская четверка*). К прецедентным антропонимам мы относим *Меркель* (4), *Макрон* (10). Прецедентными топонимами считаем *Франция* (6), *Германия* (4), *США* (4), *Москва* (3), *Брюссель* (2), *Берлин* (2), *Вашингтон* (2), *Мюнхен* (4). Мы полагаем, что данные прецедентные имена относятся к универсально-прецедентному уровню, поскольку они известны любому современному человеку. Гемеронимы в анализируемых нами статьях не обладают прецедентностью.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что употребление прецедентных имен в англо-, итало- и русскоязычных текстах отличается по своему содержанию. В англоязычных статьях ведущую роль для создания прецедентности играют политонимы и топонимы, в италоязычных – политонимы и антропонимы, в русскоязычных – топонимы и антропонимы. Несмотря на выявленные различия, можно с определенностью утверждать, что в общей массе изученных онимов преобладают политонимы и топонимы.

В плане стратификации установлено сходство в превалирующем использовании онимов универсально-прецедентного уровня в англоязычных и русскоязычных статьях. Что касается италоязычных статей, здесь отмечается тенденция к употреблению онимов национально-прецедентного уровня.

Анализ полученных данных позволяет говорить о существовании непосредственной связи между частотностью употребления онима и его прецедентным характером: чем чаще встречается в тексте оним, тем более высокой является вероятность его перехода в разряд прецедентных имен.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Красных, В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
2. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая рос. энцикл. ; Дрофа, 1997. – 703 с.
3. *Суперанская, А. В.* Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М : Наука, 1973. – 336 с.
4. *Gabbatiss, J.* «Trump met Putin on sidelines of G20 summit as all members back WTO reform [Electronic resource] / J. Gabbatiss // The Independent. – 2018. – Mode of access: <https://www.independent.co.uk/news/world/trump-putin-meeting-g20-summit-russia-us-ukraine-crimea-argentina-buenos-aires-a8662741.html>. – Date of access: 18.06.2020.
5. Governo, Bersani: “Se cade, no al voto. Sinistra discuta con il M5s”. Di Maio: “Parte Lega ha nostalgia di Berlusconi” [Electronic resource] // Il Fatto Quotidiano. – 2019. – Mode of access: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2019/05/22/governo-bersani-se-cade-no-al-voto-sinistra-discuta-con-il-m5s-di-maio-parte-lega-ha-nostalgia-di-berlusconi/5198074/>. – Date of access: 18.06.2020.
6. Pd, renziani contro Zingaretti: “Vuole alleanza con i grillini”. La replica: “Solo fango, io i 5 Stelle li ho battuti” [Electronic resource] // La Repubblica. – 2018. – Mode of access: https://www.repubblica.it/politica/2018/12/08/news/pd_zingaretti_renzi_calenda_m5s_richetti-213740354/?refresh_ce. – Date of access: 20.06.2020.
7. *Kentish, B.* Tory Brexiteers “a direct threat to British democracy”, Labour MP Chuka Umunna says [Electronic resource] / B. Kentish // The Independent. – 2018. – Mode of access: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/brexit-latest-chuka-umunna-tory-jacob-rees-mogg-steve-baker-brexiteers-direct-threat-democracy-a8193886.html>. – Date of access: 20.06.2020.
8. *Нахимова, Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : Ин-т социального образования, 2007. – 207 с.
9. *Никифоров, О.* Берлин и Вашингтон пошли разными дорогами [Электронный ресурс] / О. Никифоров // Независимая газета. – Режим доступа: http://www.ng.ru/columnist/2019-02-18/7_7511_germanyusa.html. – Дата доступа: 25.06.2020.

The article specifies the ways proper names function in a comparative aspect. In the course of the study some peculiar characteristics of proper names functioning were established, the functional potential of the contextual use of various types of proper names was determined, a procedure of semantic and pragmatic analysis was developed.

Поступила в редакцию 10.07.2020

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЮЗОВ ПРИЧИНЫ
В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале художественных текстов)

В статье рассматриваются особенности функционирования союзов причины в русском и немецком языках на основании исследования параллельного немецко-русского корпуса текстов. В ходе изучения отобранного материала выделены закономерности, которые влияют на передачу значения причины с помощью союза при переводе.

Одной из центральных проблем языкознания является изучение особенностей функционирования различных частей речи. Когда говорят о частях речи, подразумевают грамматическую группу лексических единиц языка, объединенную морфологическими и синтаксическими признаками [1, с. 155]. Традиционное разделение всех слов на знаменательные, обладающие лексической самостоятельностью и выполняющие номинативную функцию, и служебные, показывающие отношения между знаменательными словами [2, с. 82–85], выделяет как в немецком, так и в русском языке союз как часть речи, который «обозначает логико-грамматические отношения и связи не только между однородными словами и словосочетаниями в составе синтагмы или предложения, но и между группами слов, между синтагмами, предложениями, фразами в структуре сложных синтаксических единств» [3, с. 577].

Актуальность исследования данного класса слов обусловлена их недостаточной изученностью, особенно в сопоставительном аспекте. В данном случае это русский и немецкий языки, которые имеют много сходных черт в своей структуре, что в значительной степени объясняется их генетическим родством, благодаря чему отношения между единицами сходны, соответственно аналогичны семантические типы сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Наряду с этим различен объем значения союзов и различно их количество [4; 5]. Наблюдаемая количественная асимметрия заставляет задуматься о специфике функционирования союзов отдельных семантических групп в исследуемых языках.

Для проведения настоящего исследования требовалось установить наиболее полный список союзов причины в исследуемых языках. На основе анализа академических источников было выявлено, что к данной группе относятся 14 союзов в русском языке: *так как, потому что, оттого что, из-за того что, в силу того что, ввиду того что, вследствие того что, благодаря тому что, в связи с тем что, за то что, затем что, ибо, тем более что, поскольку* [6, с. 184; 7, с. 526; 3, с. 580–586; 8, с. 253; 9, с. 52; 10, с. 480–481] и 14 союзов в немецком языке: *denn, nämlich, doch, als, da, umso mehr/weniger als, weil, zumal, nun* [11, с. 298; 12, с. 417–440; 13, с. 67; 14, с. 141; 15, с. 341; 16, S. 388; 17, S. 631–624; 18, S. 711–740].

На следующем этапе исследования с помощью переводных словарей были установлены корреляты между русскими и немецкими союзами причины, имеющие в качестве переводного соответствия союз или союзы, результаты чего представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Коррелятивные отношения между немецкими и русскими союзами причины

Союз причины в немецком языке	Корреляции	Союз причины в русском языке
<i>umso mehr als</i>		<i>тем более что</i>
<i>zumal</i>		
<i>da</i>		<i>ввиду того что</i>
<i>denn</i>		<i>ибо</i>
		<i>оттого что</i>
		<i>поскольку</i>
<i>weil</i>		<i>потому что</i>
		<i>так как</i>

Таким образом, при равном количестве союзов со значением причины в немецком и русском языке, переводные словари демонстрируют корреляцию лишь между 5 союзами в немецком языке и 7 союзами в русском. При этом можно заключить, что семантически исследуемые союзы образуют две подгруппы с некоторыми смысловыми вариациями: союзы, выражающие основную причину, и союзы, используемые для того, чтобы подчеркнуть причину, выделить ее из ряда других причин.

С целью получения количественных данных о функционировании коррелирующих союзов причины был проведен анализ их вхождений в немецко-русский корпус текстов. В основе исследования функционирования союзов лежит гипотеза, что при переводе текста на язык-цель сохраняется логическая связь между частями конструкций, т.е. союз причины в исходном тексте должен быть представлен и в переводе союзом или другим аналогичным средством выражения причины. Соответственно, количество употреблений союзов в оригиналах должно приблизительно соответствовать количеству аналогичных союзов в переводах на язык-цель. Поэтому целесообразным было использование корпусно-ориентированной методики исследования, а именно, привлечение одного из подкорпусов Национального корпуса русского языка объемом 9 130 818 словоупотреблений [19] – параллельного немецко-русского корпуса текстов, который содержит художественные произведения как немецкоязычных, так и русскоязычных писателей и переводы данных текстов.

В приведенной ниже табл. 2 сопоставлено количество вхождений союзов причины немецкого языка в немецкоязычных произведениях и их переводных эквивалентов в переводах на русский язык.

Т а б л и ц а 2

Количество вхождений союзов немецкого языка в немецкоязычных произведениях и их переводных эквивалентов в переводах на русский язык

Союз причины в немецком языке	Кол-во вхождений		Коррелят	Кол-во вхождений
denn	2 243		потому что	1 434
			ибо	1 090
weil	1 848		так как	490
			поскольку	441
da	1 617		оттого что	155
			ввиду того что	10
Общее кол-во	5 708		Общее кол-во	3 620
Разница в кол-ве вхождений – 2 088 (36,5 %)				
zumal	57		тем более что	141
umso mehr als	25			
Общее кол-во	82		Общее кол-во	141
Разница в кол-ве вхождений – 59 (41,8 %)				

Полученные количественные данные свидетельствуют о существенной количественной разнице в немецкоязычных произведениях и их переводах на русский язык. Схожая картина наблюдается и при анализе функционирования союзов причины в русскоязычных произведениях и их переводных эквивалентов в переводах на немецкий язык (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Количество вхождений союзов русского языка в русскоязычных произведениях и их переводных эквивалентов в переводах на немецкий язык

Союз причины в русском языке	Кол-во вхождений		Коррелят	Кол-во вхождений
<i>потому что</i>	1 815		<i>weil</i>	2 499
<i>ибо</i>	578			
<i>так как</i>	335		<i>da</i>	1 602
<i>оттого что</i>	190			
<i>поскольку</i>	2		<i>denn</i>	1 309
<i>ввиду того что</i>	—			
Общее кол-во	2 920		Общее кол-во	5 410
Разница в кол-ве вхождений – 2 490 (46 %)				
<i>тем более что</i>	118		<i>umso mehr als</i>	55
			<i>zumal</i>	27
Общее кол-во	118		Общее кол-во	82
Разница в кол-ве вхождений – 36 (30,5 %)				

В ходе анализа количеств вхождений союзов в корпус выяснилось, что имеется существенная разница при сопоставлении данных. Независимо от того, на какой язык-цель делается перевод, количество союзов, выражающих основную причину, в немецком тексте примерно в 1,5–2 раза выше, чем в русском, что должно иметь основания не только чисто переводческие, но и языковые.

Для установления причин количественной асимметрии потребовался анализ контекстов и их переводов, в которых встречаются изучаемые союзы. Для каждого из союзов было проанализировано по 100 примеров из параллельного немецко-русского корпуса текстов и их перевод (для союзов причины немецкого языка – немецкоязычные произведения и их переводы на русский, для союзов причины русского языка – русскоязычные произведения и их переводы на немецкий). Проанализированы произведения разных авторов и переведенные различными переводчиками, так как, во-первых, не представляется возможным найти произведение, в котором есть все анализируемые союзы, во-вторых, каждый переводчик имеет свой «почерк», и предполагается, что при переводе определенных единиц, каждый из переводчиков прибегает к некому клише, выработанному за годы работы. Результаты данного анализа обобщены в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Способы передачи союзов причины в немецком
и русском языках на язык-цель, %

Союз	Способ передачи союза на язык-цель			
	Коррелят	Наречие, частица, устойчивое выражение	Другой вид придаточного	Переосмысление, трансформация
<i>weil</i>	73	7	3	17
<i>da</i>	65	4	8	23
<i>denn</i>	58	9	1	32
<i>zumal</i> ¹	55	8	–	37
<i>umso mehr als</i> ²	80	15	–	5
<i>так как</i>	75	2	2	21
<i>ибо</i>	93	–	–	7
<i>оттого что</i>	59	24	5	12
<i>потому что</i>	73	5	1	21
<i>поскольку</i> ³	–	–	–	100
<i>тем более что</i>	70	19	–	11
<i>ввиду того что</i> ⁴	–	–	–	–

¹ На основе анализа 39 контекстов.

² На основе анализа 20 контекстов.

³ На основе анализа 2 контекстов.

⁴ Союз не встречался в русскоязычных материалах. Всего входит в корпус 10 раз и только в переводах немецкоязычных текстов.

При анализе контекстов и переводов из немецко-русского корпуса текстов было выявлено, что в большинстве случаев (55–93 %) союзы переводились при помощи эквивалентов, указанных в переводных словарях, например:

*Ein Kampf mit Hélène war sinnlos, **weil** sie sich schon entschieden hatte, **weil** er schon entschieden war. – А борьба с Элен не имела никакого смысла, **потому что** Элен уже приняла решение, **потому что** исход борьбы уже был предрешен;*

*Er fragte direkt und konnte sich das leisten, **weil** er immer direkt fragte. – Задаёт прямые вопросы, и может себе это позволить, **так как** во все времена задавал прямые вопросы;*

*Lewin покраснел, поспешно сунул под сукно руку и положил направо, **так как** шар был в правой руке. – Ljewin wurde rot, steckte hastig die Hand unter das Tuch und legte die Kugel, **da** er sie in der rechten Hand hatte, nach rechts;*

*...Дерзновение человека, правды ищущего, не есть грех, **ибо** творится по внушению свыше. – ...Die Kühnheit des Menschen, der die Wahrheit sucht, ist nicht sündhaft, **denn** sie entspringt aus höherer Eingebung.*

Из полученных количественных данных следует, что такие способы перевода, как переосмысление и синтаксическая трансформация встречаются от 5 до 20 % для перевода русскоязычных текстов на немецкий:

***Weil die anderen es auch taten, die Spanier, die verfluchten Engländer, die impertinenten Holländer, mit denen man sich dann herumschlagen musste, was man sich überhaupt nicht leisten konnte. – Другие, видите ли, тоже так делали,** испанцы, проклятые англичане, начальные голландцы, с которыми потом пришлось сражаться, чего вообще нельзя было себе позволять;*

*Kein Wunder, dass die armen Hunde dann anfangen, sich zu prügeln, zu schießen, – es ist wie das Fussballspielen im Internat, nur, **da es erwachsene Männer sind,** unbarmherziger. – Нет ничего удивительного, что бедняги ковбои начинают колошматить друг друга и стрелять из пистолетов – это как игра в футбол у нас в интернате, **только здесь речь идет о взрослых людях** и поэтому все еще бесчеловечней;*

*Deshalb blieb auch Gregor vorläufig auf dem Fußboden, **zumal er fürchtete,** der Vater könnte eine Flucht auf die Wände oder den Plafond für besondere Bosheit halten. – Поэтому Грегор пока оставался на полу, **боясь к тому же,** что если он вскарабкается на стену или на потолок, то это покажется отцу верхом наглости.*

Для перевода с немецкого языка заметна тенденция к трансформации сложноподчиненного предложения на несколько простых – до 40 % случаев:

*Gerade dass sie ihn entdeckt zu haben glaubte, war ein sicherer Beweis dafür, dass da nichts Teuflisches zu entdecken war, **denn so dumm stellte sich der***

Teufel auch wieder nicht an, dass er sich von der Amme Jeanne Bussie entlarven ließ. – Именно потому, что ей кажется, будто она его обнаружила, ведь это верное доказательство, что никакой чертовщины нет и в помине, – Сатана не настолько глуп, чтобы позволять обнаружить себя кормилице Жанне Бюсси.

Причинами трансформации сложного предложения в несколько простых могут быть стилистические соображения, стремление к логичности представления информации, уменьшение объема предложений.

Союзы русского языка *ввиду того что, поскольку* характеризуются низким вхождением в состав корпуса, что можно объяснить функциональными особенностями данных союзов, которые изобилуют в научных текстах, в которых автор стремится к точности, логичности изложения, и редко встречаются в художественной литературе. Именно поэтому предложения с союзом *поскольку* переводятся только путем трансформации:

Поскольку мы отходим последними, на нас ложится задача по организации работы в тылу у немцев. – Wir müssen die polirische Arbeit im Hinterland der Deutschen organisieren.

В небольшом числе случаев (до 8 %) при переводе изменялся тип придаточного, чаще всего на придаточные условия, цели и уступки:

Не башмаки-с, ибо это хотя сколько-нибудь походило бы на порядок вещей, а чулки, чулки ее пропил-с! – Nicht die Schuhe, was doch einigermaßen natürlich wäre, aber die Strümpfe, ihre Strümpfe habe ich vertrunken!;

Проповедуй воздержание от деторождения во имя того, чтобы больше было приятности, – это можно; а заикнись только о том, чтобы воздерживаться от деторождения во имя нравственности, – батюшки, какой крик: род человеческий как бы не прекратился оттого, что десяток-другой хочет перестать быть свиньями. – Auch dann, wenn es den Eltern eine angenehmere Lebensgestaltung ermöglicht. Aber man sage nur ein Wort davon, daß man diese Enthaltsamkeit um der Sittlichkeit willen üben solle – o Gott, was für ein Geschrei wird dann gleich erhoben! Damit das Menschengeschlecht nur ja nicht aussterbe, wenn ein oder zwei Dutzend Menschen nicht länger ein unreines Leben führen wollten!.

В ходе анализа контекстов и переводов из немецко-русского корпуса текстов выявлено, что причиной количественной асимметрии между количеством вхождений союзов в текстах оригиналах и их коррелятов в переводах являлось изменение синтаксической структуры предложения: замена союзов на местоименные наречия в комбинации с союзом, замена союзов на частицы и устойчивые выражения, использование союза другого семантического типа, трансформация сложного предложения на несколько простых. Особенно ярко это проявляется в случаях выражения причины сочинительными союзами в немецком языке, поскольку значение причины

присуще в русском языке только подчинительным союзам, а в немецком языке данное значение могут выражать как подчинительные, так и сочинительные союзы:

*Sie sind mir verhaßt, Hélène Kohler, ich kann Sie nicht mehr riechen, **denn** Sie stinken nach Mord wie Ihr hündischer Vater und nicht nur nach Schnaps und Hurerei wie ich. – Вы ненавистны мне, Элен Колер, я вас теперь на дух не переношу, от вас, как и от вашего поганого папеньки, разит убийством, а не водкой и распутством, как от меня;*

*Den zehnten Teil auf alle Einkünfte verlangt der Herr Finanzminister neuerdings, und das ist ruinös, auch wenn man diesen Teil nicht zahlt, **denn** schon die ganze Geisteshaltung ist verderblich. – Господин министр финансов требует теперь отчислять ему десятую часть всех доходов, сплошное разорение, даже если не платить ему этой части, **раз** уж кругом царит такое падение нравов.*

Это свидетельствует о том, что в немецком языке зачастую присутствует одинаковая коммуникативная значимость причины и следствия, содержащихся в разных частях сложносочиненного предложения, что не свойственно русскому языку, соответственно применяемое при переводе изменение структуры предложения позволяет переводчику показать меньшую зависимость причины с точки зрения структуры предложения, которая свойственна немецкому языку, и добиться адекватного перевода. При использовании же союзов причины в аналогичных синтаксических структурах, а именно в придаточных предложениях, как правило, используются соответствующие корреляты, без изменения структуры предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслов, М. Ю. Введение в языкознание / М. Ю. Маслов. – М. : Высш. шк., 1997. – 272 с.
2. Кочергина, В. А. Введение в языковедение. Основы фонетики-фонологии. Грамматика : учеб. пособие / В. А. Кочергина. – 2-е изд. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.
3. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / В. В. Виноградов ; отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
4. Анохина, С. П. Сравнительная типология немецкого и русского языков : учеб. пособие / С. П. Анохина, О. А. Кострова ; под общ. ред. О. А. Костровой. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 208 с.
5. Buscha, J. Lexikon deutscher Konjunktionen / J. Buscha. – 1. Aufl. – Leipzig : Verl. Enzykl., 1989. – 158 S.

6. *Бабайцева, В. В.* Современный русский язык : учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» : в 3 ч. / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1987. – Ч. 3 : Синтаксис. Пунктуация. – 256 с.
7. *Белошапкова, В. А.* Современный русский язык : учебник для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова [и др.] ; под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.
8. *Голанов, И. Г.* Морфология современного русского языка / И. Г. Голанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1965. – 288 с.
9. *Гусева, О. Н.* Современный русский язык : тексты лекций для студентов специальности 1-47 01 01 / О. Н. Гусева. – Минск : БГТУ, 2015. – 80 с.
10. *Пешковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Яз. славян. культуры, 2001. – 510 с.
11. *Аверина, А. В.* Грамматика немецкого языка : учебник для вузов / А. В. Аверина, О. А. Кострова. – М. : Юрайт, 2018. – 614 с.
12. *Арсеньева, М. Г.* Немецкая грамматика. Версия 2.0 : учеб. пособие / М. Г. Арсеньева, Е. В. Нарустратг. – СПб. : Антология, 2012. – 544 с.
13. *Бирюкова, Е. В.* Языкознание : сравнительная типология немецкого и русского языков : учебник для бакалавриата и магистратуры / Е. В. Бирюкова, О. А. Радченко, Л. Г. Попова ; отв. ред. Л. Г. Викулова. – М. : Изд-во Юрайт, 2018. – 173 с.
14. *Зиндер, Л. В.* Пособие по теоретической грамматике и лексике немецкого языка / Л. В. Зиндер, Т. В. Строева. – СПб. : Учпедгиз, 1962. – 168 с.
15. *Шендельс, Е. И.* Практическая грамматика немецкого языка : для 1–3 курсов ин-тов и фак. иностр. яз. / Е. И. Шендельс. – 2-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1982. – 400 с.
16. *Die große Grammatik. Deutsch : Das umfassende Nachschlagewerk / I. Balcik, K. Rohe, V. Wröbel.* – 2 Aufl. – Stuttgart : PONS GmbH, 2009. – 655 S.
17. *Duden. Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch : Band 4 / Red. K. Kunkel-Razum.* – 8. überarb. Aufl. – Mannheim; Wien; Zürich : Dudenverl., 2009. – 1344 S.
18. *Engel, U.* Deutsche Grammatik / U. Engel. – Heidelberg : J. Groos Verl., 1996. – 888 S.
19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 08.04.2019.

The study of reason conjunctions in Russian and German using translation dictionaries made it possible to establish the correlates between them in the given languages. The analysis of the relevant German-Russian text corpus showed that for conveying the meaning of reason in similar syntactic structures, the corresponding correlates are normally used, without changing the structure of the sentence. The differences in the syntactic structures of sentences in German and Russian show a difference in the communicative significance of reason and consequence in both languages. This leads to transformations in the translation.

Поступила в редакцию 02.07.2020

РОЛЬ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В РЕАЛИЗАЦИИ КООПЕРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена проблеме соотношения вербального и невербального компонента в реализации кооперативных стратегий в разговорном дискурсе на английском и русском языках. В результате проведенного исследования в кинодискурсе на двух языках были выявлены различные фонационные, кинетические, тактильные и знакo-символические невербальные средства, которые в своем большинстве выполняют вспомогательную функцию, дополняя вербальное сообщение, и способствуют актуализации кооперативных стратегий солидаризации, искренности, разрешения конфликта и т.п.

В настоящее время особый интерес у лингвистов вызывают вопросы взаимодействия различных знаковых систем – как естественных, так и искусственных. В этой связи актуальным представляется изучение креолизованных текстов, основными составляющими которых являются вербальный компонент (речевой или языковой) и невербальный, который принадлежит другим знаковым системам [1] и зачастую является носителем важной информации, доля которой в процессе коммуникации по некоторым данным может достигать 80 % [2]. Яркими примерами креолизации служат рекламные тексты, плакаты, комиксы, афиши, а также различные жанры кинодискурса.

Кинодискурс, являясь «поликодовым когнитивно-коммуникативным образованием» [3, с. 11], обладает рядом таких характерных свойств, как аудиовизуальность, целостность, связность, коммуникативно-прагматическая направленность, медийность и информативность [4]. Особо следует подчеркнуть *аудиовизуальность*, так как именно данное свойство делает кинодискурс специфическим креолизованным образованием и открывает новые возможности для исследования корреляции вербального и невербального компонентов.

По критерию намеренности коммуникации невербальные средства могут быть выделены в три группы: поведенческие знаки, обусловленные физиологическими реакциями человеческого организма; ненамеренные знаки, или самоадапторы, связанные с привычками человека; и собственно коммуникативные знаки, представляющие собой сигналы – носители информации об объекте, событии или состоянии [5]. В этой связи именно последний тип средств является важным для лингвистических изысканий в целом, а также для исследований в области прагматики в частности. С этой точки зрения в настоящем исследовании невербальный компонент коммуникации (НKK) понимается как «базовая (наряду с вербальной) составляющая коммуникативного акта, объединяющая совокупность невербальных средств, функционирующих через невербальный канал коммуникации» [6, с. 8]. При этом единицами НKK, или невербальными средствами, являются «знаки различных семиотических систем, участвующие в организации высказывания как единицы устной и письменной речи» [Там же].

Из этого следует, что невербальные средства коммуникации обладают особым коммуникативно-прагматическим потенциалом, который играет большую роль при соблюдении правил и принципов речевого общения в различных типах дискурса. В данном случае речь идет о двух типах коммуникации – конфликтном и кооперативном, первый из которых характеризуется полным или частичным нарушением принципов кооперации и вежливости, а второй – следованием данным принципам. И целью данного исследования является определение роли невербального компонента при актуализации кооперативности и кооперативных стратегий в разговорных диалогах обиходно-бытового общения, а также установление специфики корреляции вербальных и невербальных средств.

Материалом исследования послужили 300 диалогов, взятых из англоязычных британских кинофильмов и русскоязычных фильмов белорусского производства. При отборе материала был соблюден ряд требований, а именно: все диалоги должны быть разговорными, а значит, обладать свойствами спонтанности и личной ориентированности, а также относиться к сфере неофициального бытового общения [7]; коммуникация в диалогах происходит в рамках, так называемой малой языковой группы, т.е. между членами одной семьи, родственниками или близкими друзьями; хотя бы один из участников диалога должен был использовать одну или несколько кооперативных стратегий. Для определения роли невербального компонента в реализации кооперативности был выбран именно разговорный дискурс, так как невербальное общение является спонтанным, произвольным и подсознательным, а следовательно, практически не поддается контролю и не позволяет коммуникантам скрыть свои истинные намерения [8].

В ходе предварительного анализа материала были установлены следующие кооперативные стратегии: солидаризации, искренности, самопрезентации, повышения статуса коммуникативного партнера (КП), создания позитивной тональности общения и разрешения конфликта. Ведущими и самыми частотными при этом являются стратегии солидаризации и искренности. Следует сразу отметить, что НКК в разной степени реализует каждую из стратегий, а также по-разному соотносятся с вербальным компонентом коммуникации. В соответствии с ролью в диалоговом движении выделяют несколько функций невербального компонента, а именно: дублирование (совпадение вербального и невербального кода), противоречие (несоответствие вербальных и невербальных знаков), замещение (использование невербального кода вместо вербального), усиление, или акцентирование, дополнение (невербальный компонент уточняет, разъясняет или модифицирует вербальный) и регулирование (невербальные знаки как средство поддержания речи) [9]. При анализе диалогов было установлено, что в реализации кооперативных стратегий в исследуемом типе дискурса роль невербального компонента сводится к трем основным функциям – замещению, дублированию и дополнению. Рассмотрим примеры различных типов невербальной коммуникации в разговорном дискурсе на английском и русском языках.

Одним из наиболее распространенных типов невербальных знаков являются кинемы, к которым относятся жесты и жестовые движения.

В приведенном ниже образце один из коммуникантов делится с другим важной, личной информацией. Между участниками диалога возникает доверие и понимание. Собеседник В в подтверждение своей солидарности с собеседником А использует тактику согласия (*I know exactly what you mean*) и подкрепляет свое вербальное сообщение активным кивком головы. Данный фрагмент демонстрирует реализацию стратегии солидаризации, основная функция невербального знака – дублирование высказывания:

А: *My father always used to say, you know, on the tube "Mind the gap."* 'Мой отец всегда говорил, знаешь, как в метро «Будьте внимательны»'¹.

В: *Uh. 'A'.*

А: *Oh, I don't know. It's just the distance between life as you... dream it and... life as it is. Do you know?* 'Я не знаю. Просто эта разница между воображаемой жизнью и реальной. Ты понимаешь?'

В: *I know exactly what you mean.* 'Я отлично понимаю, о чем ты' (х/ф «Скандалный дневник»).

Рассмотрим пример на русском языке:

В: *Бэйби, давай залезем на крышу этого «врата города».*

А: *Как ты залезешь на крышу этого «врата города», если оно закрыто? Оно похоже на то здание, куда можно залезть.*

В: *Ну, пойдём залезем туда* (х/ф «Любовь и партнерство»).

Приведенные выше реплики свидетельствуют об использовании тактики призыва к совместному действию одним из коммуникантов (*пойдем залезем туда*). При этом выделенные фрагменты сопровождаются активным указанием на одно из зданий и движением рукой, обозначающим призыв к действию. Данный невербальный знак также дублирует речевое сообщение, частично выполняя дейктическую функцию, и в целом реализует стратегию солидаризации.

Другой важной составляющей невербальной семиотики является такесика, центральная проблема которой – выявление роли прикосновений в коммуникации. Такемы широко представлены в разговорном дискурсе как на английском, так и на русском языках такими средствами, как поглаживания, прикосновения, похлопывания, объятия и т.п.

В следующем диалоге из британского кинофильма можно наблюдать доверительные близкие межличностные отношения между коммуникантами. Говорящие реализуют стратегию искренности, при которой один из собеседников призывает к откровенности, а другой делится опытом. Объятия в конце являются не только логическим завершением стратегии искренности, но и, выполняя функцию замещения языковых средств, также представляют стратегию солидаризации, поскольку данный невербальный знак направлен на укрепление отношений путем утешения и оказания эмоциональной поддержки:

---

¹ Здесь и далее перевод наш.

A: *I went to see Gaurika, Manoj's wife. 'Я сходилa повидаться с Горикой, женой Маноджи'.*

B: *Why? 'Зачем?'*

A: *I wanted to ask her how much she knew. <...> They had no secrets from each other. None. That's right, isn't it? That has to be right. It made me realize how much I'd failed Hugh. What's the use of a marriage when nothing is shared? 'Я хотела спросить ее, как много она знала. <...> У них не было секретов друг от друга. Никаких. Это правильно, да? Все должно быть так. Я представила, как сильно я подвела Хью. В чем смысл брака, если вы ничем не делитесь друг с другом' [она плачет, обнимаются] (х/ф «Отель Мэриголд: лучший из экзотических»).*

В примере их кинофильма на русском языке представлена стратегия солидаризации, при которой один из собеседников дает совет другому и одновременно пытается его успокоить и утешить. При этом невербальный знак «поглаживание» выполняет не только дополняющую, но также и замещающую функцию, так как полное вербальное выражение тактики утешения отсутствует:

A: *...Другого такого шанса стать для нее незаменимым не будет, у нее нет ни денег, ни мужа. Или делай это сейчас, или никогда.*

B: *Что мне делать?*

A: *Расскажи ей о своих чувствах, пригласи на свидание. А дальше как пойдет [гладит по спине] (х/ф «Подсадная утка»).*

Широкое распространение в разговорном дискурсе на двух языках получили проксемы (пространство между участниками коммуникации и их положения в нем). Единственным проявлением данной подсистемы в исследуемом материале, которое оказывает непосредственное влияние на осуществление кооперативного общения, является физическое сближение коммуникантов.

В примере диалога на английском языке один из коммуникантов в диалоге призывает сократить расстояние для осуществления более доверительной и интимной беседы (*come here, please*). Очевидно, тем самым происходит подготовка для реализации стратегии искренности:

A: ***Come here, please.** Charles and I had a talk in the car today. He was good enough to share his thoughts on motherhood.* 'Подойди сюда, пожалуйста. У нас был сегодня разговор с Чарльзом в машине. Он поделился со мной мыслями о материнстве'.

B: *What did he say? 'Что он сказал?'* [поворачивается и приближается].

A: *How wonderful Diana was.* 'Какой прекрасной была Диана' (х/ф «Королева»).

В приведенном ниже фрагменте один из коммуникантов пришел к другому, чтобы наладить и восстановить отношения после конфликта, принося свои извинения, выражая благодарность за оказанную ранее помощь и реализуя стратегию разрешения конфликта. Проксема в данном случае играет вспомогательную роль и выполняет функцию дополнения вербального сообщения:

А: Ты извини. Я поговорить. Спасибо хотел сказать, за то, что помогла [приближается и садится рядом].

В: Да, ладно.

А: Послушай. Ты пойми, я тебя там уважаю, все такое, просто не понял тогда (х/ф «Хрусталь»).

Определенное значение для реализации кооперативных стратегий также имеют такие фоновые средства, как плач, смех, вздохи и т.п. В приведенном ниже фрагменте коммуникант В реализует тактику запроса утешения и запроса эмоциональной поддержки, невербальный знак «плач» замещает вербальное сообщение. Следует также отметить, что в следующей реплике тот же коммуникант дополняет свое высказывание невербальной семиотикой, тем самым реализуя стратегию самопрезентации, целью которой является создание определенного образа:

А: Привет, ты одна. Чего ты плачешь? Рассказывай, что случилось.

В: [плачет].

А: Да ладно хватит тебе, рассказывай, что случилось.

В: Извини, что я тебя потревожила. Да, ничего особенного не случилось... [плачет] (х/ф «Бальное платье»).

Особая роль в исследуемом материале принадлежит акционально-практической деятельности, которая представлена поступками, как особыми невербальными сигналами [9]. Как в диалоге на английском языке, так и в диалоге на русском языке можно наблюдать совершение одним из коммуникантов поступка, направленного на установление или поддержание близкородственных или дружеских отношений. Функция поступков по отношению к вербальному компоненту зачастую дублирующая, так как данный невербальный знак сопровождается тактикой комментирования позитивного действия, при помощи которой один из участников диалога привлекает внимание к совершению действия в пользу другого участника:

А: *Banoffee pie?* 'Пирог баноффи?'

В: [кивок головы].

А: *Thank God. It would've broken my heart, if you'd said no. Can I come in?* 'Слава Богу. Ты бы разбил мне сердце, сказав нет. Я могу войти?' (х/ф «Реальная любовь»).

Фрагмент диалога на русском языке:

А: **Я купил таблетки.**

В: Спасибо, бейби. Даже водичку купил.

А: Да. Ну, что? Тебе уже лучше? (х/ф «Любовь и партнерство»).

В невербальной семиотике также выделяются другие подсистемы, например, гастика (вкусовые ощущения), окулесика (язык глаз и визуальное поведение), аускультация (слуховое восприятие звуков) и другие [8], однако упомянутые выше типы НКК либо не имеют большого значения при осуществлении кооперативности в разговорном дискурсе, либо не поддаются

объективному анализу вследствие некоторых свойств и характеристик кинодискурса. Отдельно следует выделить паралингвистику. В некоторых источниках многократно упоминается ведущая роль паралингвистических средств в оформлении некоторых речевых актов [6], тем не менее границы и задачи данной работы не позволяют провести перцептивный и акустический анализ с целью установления интонационных средств актуализации кооперативных стратегий.

В табл. 1 и 2 представлены данные о количественном соотношении различных типов невербального компонента в кинодиалогах, а также основных функций, выполняемых ими, и их стратегическом назначении.

Т а б л и ц а 1

Употребительность невербального компонента в реализации кооперативных стратегий в разговорном дискурсе на английском языке

№ п/п	Тип НКК	Кол-во употреблений в корпусе, %	Стратегическое назначение	Роль НКК
1	Такесика: а) объятия б) поцелуй в) прикосновение г) похлопывание д) поддержка за руку е) поглаживание	14 9 7 4 5 1	Все стратегии	Дополнение Замещение Дублирование
2	Кинесика: кивок головы	5	Солидаризация Разрешения конфликта	Дублирование
3	Проксемика	8	Искренность Солидаризация	Дополнение Замещение
4	Фонационные средства: а) плач б) смех в) вздох г) усмешка	14 12 2 6	Все стратегии	Дополнение Замещение Дублирование
5	Актоника: позитивное действие	8	Солидаризация Разрешение конфликта	Замещение Дублирование
6	Мимика: улыбка	5	Солидаризация искренность	Дополнение замещение

Т а б л и ц а 2

**Употребительность невербального компонента в реализации
кооперативных стратегий в разговорном дискурсе на русском языке**

№ п/п	Тип НКК	Количество употреблений в корпусе, %	Стратегическое назначение	Роль НКК
1	Такесика: а) объятия б) поцелуй в) прикосновение г) поглаживание	17 8 7 5	Все стратегии	Дополнение Замещение Дублирование
2	Кинесика: а) кивок головы б) призыв (движение рукой)	6 6	Солидаризация Искренность	Дублирование Замещение
3	Проксемика	17	Искренность Солидаризация	Дополнение Дублирование
4	Фонационные средства: а) плач б) смех	5 5	Солидаризация Искренность Создание позитивной тональности общения Самопрезентация	Дополнение Замещение
5	Актоника: позитивное действие	15	Солидаризация Разрешение конфликта Самопрезентация	Замещение Дублирование
6	Мимика: улыбка	8	Создание позитивной тональности общения Повышение статуса КП	Дополнение Замещение

Таким образом, в результате проведенного анализа диалогов разговорного дискурса можно отметить, что как представители британской, так и представители белорусской лингвокультур активно используют средства невербальной коммуникации для актуализации кооперативных стратегий, однако в англоязычном кинодискурсе невербальные средства более разнообразны по своему составу. И в англоязычном, и в русскоязычном разговорном дискурсе распространено употребление невербальных знаков, относящихся к гаптике – 39 и 37 % соответственно. Для англоговорящих коммуникантов более характерно употребление фонационных средств (плач, вздохи, смех – 34 %), для русскоговорящих – средств кинесики (12 %), проксемики (17 %) и актоники (15). Функции невербального компонента по отношению к невербальному распределены по трем позициям –

дополнение (60 и 61 % в английском и русском языках соответственно), замещение (23 и 17 %) и дублирование (17 и 22 %). Необходимо подчеркнуть, что некоторые типы НКК в соответствии с их природой предрасположены к выполнению той или иной функции, например, кинесические средства, как правило, дублируют вербальное сообщение, в то время как проксемика зачастую играет роль дополнения основного высказывания. Если сравнивать подсистемы невербальной коммуникации с их стратегическим назначением, то следует отметить что фонационные средства, как правило, способствуют актуализации стратегии позитивной тональности общения, а проксемика – реализации стратегии искренности. Стратегия разрешения конфликта как в англоязычном, так и русскоязычном разговорном дискурсе подкрепляется средствами актоники и такесики. Стратегия солидаризации как ведущая и самая частотная стратегия может дополняться средствами различных подсистем невербальной коммуникации. В целом, следует отметить, что в большинстве случаев НКК играет вспомогательную роль, т.е. дополняет или усиливает речевое сообщение (77 % в англоязычном кинодискурсе и 83 % в русскоязычном), однако также может брать на себя ведущую роль в реализации кооперативных стратегий – 23 и 17 % соответственно, способствуя соблюдению правил речевого общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорокин Ю. А.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 180–186.
2. *Mehrabian, A.* Silent Messages: Implicit Communication of Emotions and Attitudes / A. Mehrabian. – 2nd. ed. – Belmont, CA : Wadsworth, 1981 – 196 p.
3. *Лавриненко, И. Н.* Стратегии и тактики мены коммуникативных ролей в современном англоязычном кинодискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. Н. Лавриненко ; Харьков. гос. ун-т. – Харьков, 2011. – 20 с.
4. *Зарецкая, А. Н.* Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Н. Зарецкая. – Челябинск, 2010. – 180 л.
5. *Грушевицкая, Т. Г.* Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
6. *Антошинцева, М. А.* Невербальный компонент и его функции в коммуникативно-прагматической организации дискурса (на материале жанра интервью) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. А. Антошинцева ; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб., 2004. – 24 с.
7. *Борисова, И. Н.* Русский разговорный диалог : структура и динамика / И. Н. Борисова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 408 с.
8. *Крейдли, Г. Е.* Невербальная семиотика / Г. Е. Крейдли. – М. : Новое лит. обозрение, 2002 – 530 с.

9. Белозерова, А. В. Языковая репрезентация коммуникативного поведения инициатора конфликта в англоязычном художественном тексте (гендерный аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Белозерова. – Иваново, 2016. – 210 л.

10. Горбенко, В. Д. Невербальные компоненты коммуникации как средство выражения модально-оценочного значения достоверности (на материале русской художественной прозы XIX–XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. Д. Горбенко ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2007. – 23 с.

The article is devoted to the problem of non-verbal communication and its typology in its unity with verbal actualization of different cooperative strategies in English and Russian conversational discourse. The results of the research have demonstrated that the main function of non-verbal units is to complement verbal ones, contributing to the realization of the strategies under question.

Поступила в редакцию 15.07.2020

Т. П. Ключенович

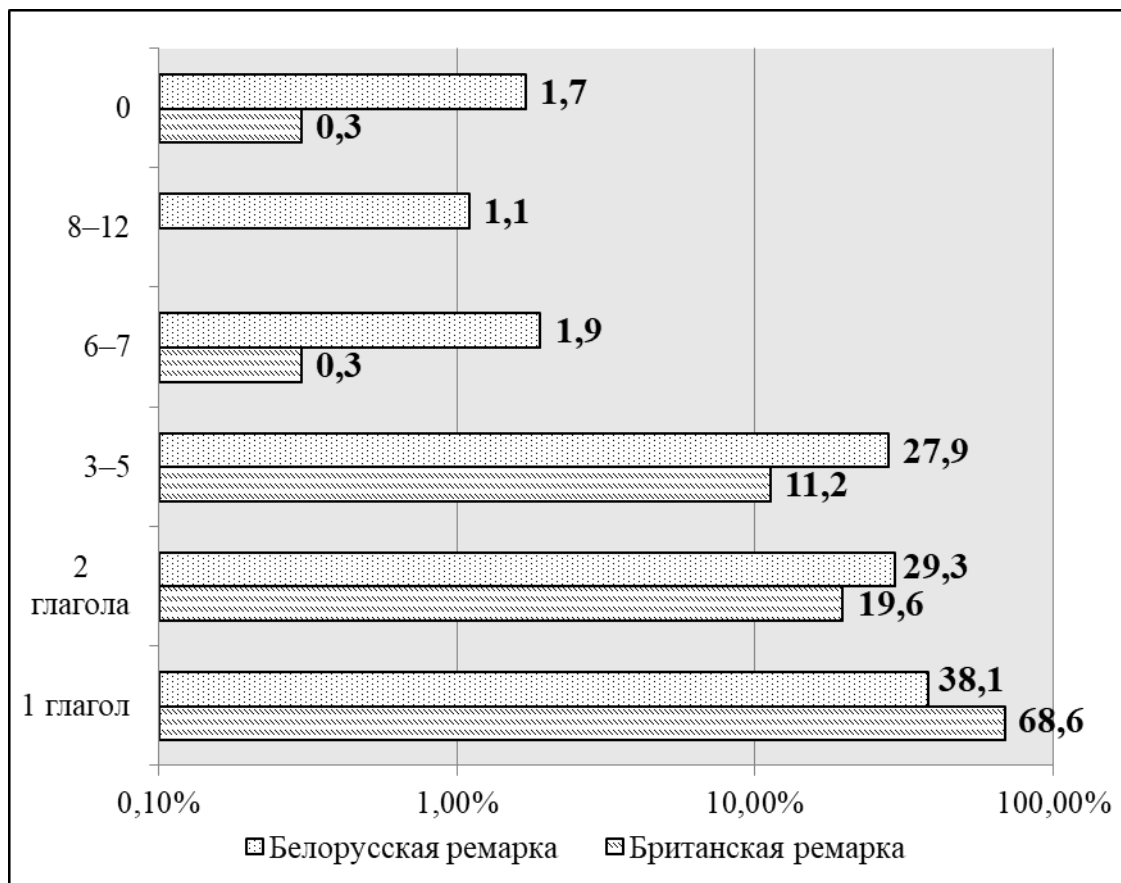
ФЕНОМЕН СИНТАКСИЧЕСКОГО ЭЛЛИПСИСА РЕЧЕВВОДНОГО ГЛАГОЛА В РЕМАРКАХ БЕЛОРУССКИХ И БРИТАНСКИХ ПРОЗАИКОВ

В статье рассматривается проблема структурной организации авторской ремарки в конструкциях с чужой речью в белорусской и британской художественной прозе. Ремарки сопоставляются по степени насыщенности глагольными единицами с выявлением соответствующих тенденций к одно-/полиглагольности в сопоставляемых дискурсах. Детальному рассмотрению подлежат ремарки с эллиптированным речевводным глаголом. В рамках обозначенной проблемы выявляется частотность использования этого приема в данных дискурсах, выделяются два типа синтаксического эллипсиса, выявляется прагматика использования эллиптированных конструкций авторами художественных произведений.

В процессе изучения конструкций с чужой речью (ЧР) в сопоставительном аспекте важной задачей является структурный анализ авторской ремарки, который предполагает выделение основных структурных типов ремарок и выявление сходств и различий в их структурной организации у представителей различных лингвокультур, а также определение тенденций в плане их прагматической направленности. Интерес представляет как структурная типология ремарок по отношению к репликам, так и компонентный анализ, в рамках которого мы рассматриваем степень развернутости ремарки и степень насыщенности глаголами [1].

Эмпирическую базу для данного этапа исследования составили 5 000 авторских ремарок (2 500 белорусских и 2 500 британских) в составе конструкций с ЧР, отобранные методом сплошной выборки из произведений художественной прозы второй половины XX – начала XXI вв. на двух сопоставляемых языках: белорусском и английском.

По результатам проведенного анализа в белорусской и британской ремарке зафиксирована различная степень насыщенности глаголами. Частотность представленности количества глаголов в ремарках отражена в виде логарифмической шкалы (рисунок), где ремарки объединены в группы (по количеству глаголов).

Представленность белорусских и британских ремарок по степени насыщенности глаголами, %

Результаты анализа текстового материала демонстрируют тенденцию к более высокой степени насыщенности глаголами в белорусской ремарке, которая проявляется в ремарках различных выделенных структурных типов. Так, в обоих рассматриваемых дискурсах одноглагольные ремарки являются наиболее типичными. Однако в британском дискурсе они обнаруживают ярко выраженную частотность (68,6 против 38,1 % в белорусской ремарке). Двуглагольные ремарки, напротив, превалируют в белорусской прозе, где составляют 29,3 против 19,6 % в британском. Ремарки, содержащие в своем составе от 3 до 5 глаголов, также превалируют у белорусских авторов (27,9 против 11,2 % у британцев). Аналогичная тенденция прослеживается и в отношении ремарок, которые включают 6–7 глаголов (1,9 и 0,3 % соответственно). Как явствует из анализа, ремарки, содержащие в своем составе 8–12 глаголов, являются этноспецифичными для белорусской художественной прозы (3 %), поскольку в произведениях британских авторов таковые ремарки зафиксированы не были (см. рисунок).

В рамках сопоставительного структурного анализа ремарок по степени их насыщенности глаголами отдельному рассмотрению подлежат ремарки с синтаксическим эллипсисом глагола, в которых речеводные глаголы (как речевые, так и неречевые) формально отсутствуют. Обозначенная проблема будет подробно рассмотрена в данной статье.

Проблема функционирования конструкций с синтаксическим эллипсисом глагола уже привлекала внимание ряда исследователей [2; 3; 4; 5]. А. А. Шахматов классифицировал подобные случаи как «недостаточные» предложения и видел здесь пропуск речеводных глаголов [6, с. 244]. О прагматической функции эллиптических конструкций говорил А. М. Пешковский, отмечая, что они широко используются в художественной литературе «как стилистическое средство, которое придает тексту динамичность, бóльшую выразительность, экспрессивность» [7, с. 205].

В результате текстового анализа зарегистрировано 1,7 и 0,3 % ремарок с **синтаксическим эллипсисом речеводного глагола** в произведениях белорусских и британских авторов соответственно (см. рисунок). Несомненно, полученные данные свидетельствуют о низкой частотности употребления таких конструкций в обоих рассматриваемых дискурсах, однако установленный количественный контраст говорит об определенном предпочтении данного приема представителями белорусского этноса. Детальное рассмотрение ремарок подобного типа выявило, что эллиптирование глагольной лексемы в авторской ремарке наблюдается только при определенных контекстуальных условиях, а именно, находит свое выражение двумя основными способами: посредством дистантной экспликации либо элиминации (полной импликации) речеводного глагола.

Рассмотрим случаи, в которых синтаксический эллипсис речеводного глагола поддерживается за счет **дистантной экспликации** недостающего глагола в одной из предшествующих ремарок.

1) *Вось што, маё дзіцятка, – сказаў старшыня. <...> І нечакана: – Кашуля ў цябе, як у пападзюкоў з Сялецкага* [8, с. 118].

Ремарка *І нечакана* является примером конструкции с синтаксическим эллипсисом глагола (например, *сказаў*), который используется дистантно в предшествующей ремарке. При дальнейшем комментировании слов персонажа автор считает необходимым употребить обстоятельственный конкретизатор речевого действия (*нечакана*), а речеводный глагол выносится в область пресуппозиции.

2) *Загаварылі неяк пра яе, я і кажу... Доўга маўчаў Вержбаловіч, а пасля так, з горыччу: «Ваўкаватая...»* [9, с. 27].

В представленном выше диалоге ремарка (*а пасля так, з горыччу*) содержит синтаксический эллипсис глагола, который восстанавливается посредством общей ремарки (*загаварылі неяк пра яе*), относящейся ко всему диалогу, т.е. к репликам обоих персонажей. В последующем комментарии

использованный ранее глагол (*загаварыць*) уже становится избыточным и не повторяется, а релевантным представляется раскрытие определенных валентных позиций (*пасля так, з горыччу*).

3) *Янка... без шапкі, ў адной кацавейцы, саскочыў з неаседланага каня.*

– *О Божя! Навошта я вас адпусціў?..*

– *Спалохаліся?..*

– *Мы? Хіба ж мы такія баязліўцы, як мужчыны?*

– *Мама! Ты яшчэ жартуеш! – І да Алены: – О, мая гасударыня!..*

[10, с. 178].

Текстовый фрагмент иллюстрирует отсутствие эксплицитно выраженного глагола в авторской ремарке (*І да Алены*). Как видно, недостающий речевой глагол (например, *звяртаецца*) не восполняется в предшествующей ремарке (*Янка... без шапкі, ў адной кацавейцы, саскочыў з неаседланага каня*), которая, однако, содержит неречевой глагол (*саскочыў*), выражающий некоторое действие персонажа, сопутствующее говорению. Поскольку чужое высказывание в рамках конструкций с ЧР может вводиться как речевыми, так и неречевыми глаголами [11], в данном случае синтаксический эллипсис речевводного глагола также находит свое выражение посредством дистантной экспликации в предшествующей ремарке. Обратим внимание, что в контексте ярко представлены и другие параметры исходной ситуации, такие как описание внешности исходного говорящего (*без шапкі, ў адной кацавейцы*), а также некоторые детали, передающие его внутреннее состояние (*саскочыў з неаседланага каня*). Вероятно, рассматриваемая эллиптическая конструкция имеет экспрессивно-усилительное значение, поскольку является отражением естественной, спонтанной речевой реакции предельно взволнованного человека. В данной связи речевводный глагол в ремарке уже не является существенно важным и восстанавливается лишь за счет дистантной экспликации неречевой глагольной лексемы.

4) – *Дурная баба, што вы хочаце, – з крывой усмешкай прыплачу кажа яна. <...> А яна памаўчала, сама сабе ўсміхнулася і зноў:*

– *Сяджу...*

Зноў памаўчала. А потым:

– *Дачка ў мяне...*

Памаўчала сумленніца. А тады:

– *Маглі б і часцей прыязджаць* [12, с. 556–557].

Текстовый материал также показывает, что степень удаленности ремарки, которая эксплицирует речевводный глагол, может быть разной. В данном случае в трех последовательно расположенных ремарках (*сама сабе ўсміхнулася і зноў; а потым; а тады*) эллиптированный глагол восполняется посредством предшествующей ремарки (*з крывой усмешкай прыплачу кажа яна*), которая содержит речевводный глагол *кажа*. Однако между последней ремаркой с эллипсисом глагола (*А тады*) и ремаркой, восполняющей этот глагол (*з крывой усмешкай прыплачу кажа яна*), разрыв составляет почти две страницы печатного текста.

В результате анализа в британском художественном дискурсе также зафиксировано несколько случаев (0,3 %) употребления авторских ремарок с дистантно эксплицированным речевводным глаголом (см. рисунок):

1) *In 'The Guardian', for example, he **had written**... And in 'the Observer'...* [13, p. 44];

2) *He just **said**, 'But –' And then finally, 'But which one?'* [14, p. 194];

3) *No, he **remarked** often... And once, infuriated, How am I meant to comment on something that is impossible to see?* [15, p. 13].

Представленные фрагменты являются примерами немногочисленных британских ремарок, где опущение речевводного глагола (*And in the Observer* 'И в «Обзервер»'¹; *and then finally* 'и затем наконец'; *and once, infuriated* 'и однажды яростно') восполняется таковым в предшествующих ремарках (*he **had written*** 'он написал'; *he just **said*** 'он только сказал'; *he **remarked*** 'он отметил').

На данном этапе исследования не меньший интерес представляют ремарки с полностью имплицированным речевводным глаголом, что предполагает его элиминацию за ненужностью и отсутствие даже дистантной экспликации. Например:

– *Быває і так, што не апазнаюць. <...> Дай Бог памяці, у 63-м ці 64-м годзе пісьменнік ваш адзін... плыў са сваякамі па Дняпры ля Рагачова. Бачыць, нешта ружовае. Падумаў, што незвычайнай велічыні глушаная рыба... Устаў на носе і **раптам стырнавому**: «Вараці!» Плыве спіною дагары жанчына ў ружовай камбінацыі* [16, с. 51].

В ремарке *Устаў на носе і раптам стырнавому* очевиден эллипсис глагольной лексемы (например, *крычыць/наказвае*). В данном случае можно говорить о полной имплицации глагола в ремарке, поскольку дистантно он не эксплицируется, а восполняется посредством активного привлечения других параметров исходной ситуации в предваряющем контексте (*бачыць, нешта ружовае; падумаў, што незвычайнай велічыні глушаная рыба* и т.д.).

Некоторые конструкции с ЧР являются дискуссионными в плане определения типа синтаксического эллипсиса в ремарке и требуют отдельного рассмотрения в каждом конкретном случае.

... shouts came from windows or behind closed doors.

'If that's the Jehovah's Witnesses...'

Or, more imaginatively, 'Sorry, love, don't you know what day it is?' [14, p. 34–35].

Текстовый пример иллюстрирует опущение речевводного глагола в ремарке (*Or, more imaginatively* 'Или более оригинально'). Безусловно, предшествующая реплика (*If that's the Jehovah's Witnesses...* 'Если там эти свидетели Иеговы...') сопровождается ремаркой, содержащей в своем составе глагольно-субстантивное сочетание со значением речи (*shouts came* 'доносились крики'), что может быть классифицировано как дистантное

---

¹ Здесь и далее перевод наш.

употребление речевводного глагола. Однако эта ремарка (*shouts came from windows or behind closed doors* ‘крики доносились из окон или из-за открытых дверей’) не согласуется с последующей репликой в стилистическом плане (*Sorry, love, don't you know what day it is?* ‘Извини, милая, ты разве не знаешь, какой сегодня день?’). Соответственно, ремарка *Or, more imaginatively* не обнаруживает четкой связи с дистантно эксплицированным отглагольным существительным (*shouts* ‘крики’).

С прагматической точки зрения тенденции, зафиксированные на языковом уровне, не являются случайными. Так, некоторое превалирование в белорусском дискурсе ремарок с импликацией либо дистантной экспликацией речевводного глагола, кажущееся противоречием на фоне тенденции к использованию полиглагольных ремарок (см. рисунок), также способствует реализации коммуникативно-прагматической составляющей в воплощении авторского замысла в рамках конструкции с ЧР. Эллиптические конструкции приносят динамичность и небанальность, позволяют избежать тавтологии, привлечь внимание читателя к другим параметрам исходной ситуации, что демонстрирует отношение соавтора актуального говорящего к передаваемой реплике персонажа.

По результатам проведенного исследования считаем возможным сформулировать следующие выводы.

1. Выявлены тенденции к полиглагольности белорусской ремарки и к одноглагольности – британской.

2. Зафиксированы ремарки с эллиптированным речевводным глаголом, которые являются достаточно редкими для представителей обоих этносов.

3. В ремарках белорусских авторов феномен синтаксического эллипсиса глагола обнаруживает несколько более высокую частотность (1,7 против 0,3 % у британцев).

4. Отсутствие вербально выраженного глагола в ремарке предполагает либо его дистантную экспликацию в предшествующих речевводных компонентах, либо полную импликацию (элиминацию), т.е. контекстуально-ситуативное имплицирование за счет активного привлечения других параметров исходной ситуации в предваряющем контексте.

5. С точки зрения прагматики использование ремарок с эллиптированным речевводным глаголом способствует реализации коммуникативно-прагматической составляющей в воплощении авторского замысла в рамках конструкций с ЧР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключенович, Т. П. Этнолингвистическая специфика авторской ремарки в конструкциях с чужой речью (на материале белорусской и британской художественной прозы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т. П. Ключенович. – Минск, 2019. – 174 л.

2. *Дари, А. С.* Импликация, эллипсис и другие смежные явления: на материале современного французского языка / А. С. Дари ; отв. ред. В. И. Банару. – Кишинев : Штиинца, 1986. – 61 с.
3. *Реунова, О. И.* Эллипсис как лингвистическое явление / О. И. Реунова. – Пятигорск : Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 2000. – 229 с.
4. *Морозова, Е. И.* Структурно-функциональные типы и прагматические характеристики эллипсиса во французском языке в сопоставлении с английским: на материале газетно-журнальных публикаций : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. И. Морозова. – Екатеринбург, 2005. – 153 л.
5. *Казарян, Л. Г.* Предложения с элиминированной формой выражения предикативного отношения: синтактика, семантика, прагматика : на материале немецкоязычных художественных текстов 19–20 вв. : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Л. Г. Казарян. – Иваново, 2010. – 330 л.
6. *Шахматов, А. А.* Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов ; ред. и коммент. Е. С. Истриной. – Изд. 2-е. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.
7. *Пешковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – М. : Яз. слав. культуры (А. Кошелев), 2001. – XXIII, 509 с.
8. *Хомчанка, В.* Выбранные творы : у 2 т. / В. Хомчанка. – Минск : Мастац. літ., 1979. – Т. 1 : Аповесць, апавяданні. – 461 с.
9. *Кудравец, А.* Сачыненне на вольную тэму : раман ; Раданіца : аповесць / А. Кудравец. – Минск : Юнацтва, 1994. – 319 с.
10. *Шамякін, І.* Вялікая княгіня : раман, аповесці / І. Шамякін. – Минск : Юнацтва, 1997. – 366 с.
11. *Ключенович, Т. П.* Экспликация речевого / неречевого действия в белорусской и британской ремарке / Т. П. Ключенович // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2020. – № 1. – С. 14–21.
12. *Брыль, Я.* Ад сяўбы да жніва : апавяданні / Я. Брыль. – Минск : Мастац. літ., 1989. – 598 с.
13. A new book of contemporary British stories / ed. K. Hawitt. – Oxford : Perspective Publ., 2005. – 204 p.
14. *Smith, Z.* White teeth / Z. Smith. – London : Penguin, 2000. – 542 p.
15. *Freud, E.* The sea house / E. Freud. – London : Penguin, 2004. – 279 p.
16. *Караткевіч, У.* Чорны замак Альшанскі : раман, аповесць / У. Караткевіч. – Минск : Мастац. літ., 1983. – 357 с.

The article focuses on structural analysis of authors' remarks in Belarusian and British fiction. As a result, relevant tendencies towards poly- and monoverbal remarks are found. The phenomenon of syntactic ellipsis of verbs within remarks is put under in-depth study. It is concluded that the above phenomenon is rarely found in both discourses, but it slightly prevails in Belarussian remarks. Two kinds of ellipsis are distinguished and certain pragmatic tendencies are revealed.

Поступила в редакцию 30.06.2020

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ МНЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННЫХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ ЖАНРАХ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются прагматические функции, которые реализуются высказываниями мнения в информационных и аналитических жанрах медийного дискурса на английском и белорусском языках. Выявляются основные прагматические функции данных высказываний, их характерные языковые маркеры и частотность. Отмечаются особенности представления мнений на обоих языках в зависимости от его характерных языковых единиц.

Понимание концепции авторского дискурса, специфики взаимоотношений автора и читателя в тексте СМИ, процесса создания публицистического текста, целей и установок отдельного автора и всего издательства в значительной мере углубляет наши представления о современном медийном тексте. Соответственно, медийный дискурс предполагает интеграцию формы и содержания беседы с текущей ситуацией взаимодействия говорящего и слушающего, и даже более – с ситуацией, обусловленной всей их жизнью до этой встречи.

В более общей форме под *дискурсом* понимают реализацию социального взаимодействия в языковой форме, т.е. коммуникативное действие [1, с. 28–29]. Доминантной характеристикой дискурса является диалогический аспект, рассматриваемый в двух измерениях – индивидуально-личностном и социальном. «Нельзя быть абсолютным хозяином смысла высказывания, история и бессознательное вносят свою непрозрачность в наивное представление о прозрачности смысла для говорящего субъекта» [2, с. 53]. Об этом же говорит и М. М. Бахтин: «Слово нельзя отдать одному говорящему. У автора (говорящего) свои неотъемлемые права на слово, но свои права есть и у слушателя, свои права у тех, чьи голоса звучат в автором слове (ведь ничьих слов нет)» [3, с. 149]. Таким образом, слово к говорящему приходит со стороны общества, уже многократно использованное и несущее разные оттенки смыслов, и структура дискурса отражает, как зеркало, социокультурную среду со всей совокупностью принадлежащих ей идей.

С одной стороны, важно учитывать, как создается и понимается дискурс отдельным участником речевого взаимодействия, а с другой – как он функционирует в социальном контексте. Иными словами, дискурс – это реализация социального взаимодействия в языковой форме. Смысл текста может быть понят индивидуумом только тогда, когда индивидуум имеет соответствующий опыт и возможность расшифровать языковую конструкцию представленного текста.

Восприятие высказываний говорящего слушающим невозможно и без интерпретации, обусловливаемой всем усвоенным до этого набором значений слов, смыслов и идей. В ходе интерпретации проясняется драматургия

всего дискурса, а интерпретатор реконструирует весь дискурс или тот мысленный мир, в котором автор описывает реальное, желаемое или нереальное положение дел [4, с. 34]. Интерпретация услышанного зависит от связности дискурса, способов организации информации, риторических приемов, особенностей лексического выбора, построения пропозиционального содержания высказываний и т.д. Интерпретация услышанного (или написанного) также является продуктом определенного дискурса и управляется множеством факторов (семантических, синтаксических и прагматических) [5, с. 94].

В связи с тем всеобъемлющим влиянием, которое оказывают СМИ на жизнь современного человека, особую роль приобретает грамотная интерпретация и понимание основ массмедиального дискурса: то, как создается массмедийное сообщение (например, текст), каким образом и с помощью каких конкретных языковых средств формируется мнение отдельного человека и общества в целом. В наиболее широком смысле под массмедиальным дискурсом понимаются «все процессы и продукты речевой деятельности в сфере массовой коммуникации, взятые во всей полноте и сложности» [6, с. 21]. Г. Н. Манаенко определяет массмедиальный дискурс как «обще-принятый тип речевого поведения субъекта (субъектов) в сфере массмедиа, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отражающих его специфику» [7, л. 153].

В фокусе нашего исследования находятся высказывания-мнения, которые функционируют в текстах СМИ и являют собой достаточно неоднородное явление, которое имеет ряд разновидностей, и тем самым представляют интерес для научного изучения.

В случае с медийным текстом под *мнением* можно понимать ряд контекстов. Так, контекстом мнения служит предложение или часть предложения, в котором функционирует маркер мнения, т.е. языковая единица, указывающая или на последующее представление точки зрения, или, собственно, на саму точку зрения. Во-вторых, контекстом мнения служат цитаты. В-третьих, – весь текст, поскольку одна из целей медийного дискурса – воздействовать на адресанта, соответственно, для достижения этой цели на этапе формирования медийного сообщения происходит отбор материала, т.е. определяется, какие факты, мнения респондентов, умозаключения автора в итоге попадут в публикацию или же останутся не освещенными. Исходя из этой позиции любой текст, представленный в СМИ, можно рассматривать как контекст мнения.

Как отмечает М. В. Всеволодова, «высказывание неотделимо от прагматической ситуации <...> и обогащается всеми объективными и субъективными смыслами, необходимыми для данного текста в целом» [8, с. 337]. Согласно И. В. Лешкевич, «каждое произведение искусства должно рассматриваться в отношении к эпохе, к исторической современности и в отношении художника к обществу», что справедливо и для медиадискурса как

для особой среды, которая представляет мгновенный снимок актуальной действительности [9, л. 95]. Соответственно, для более полного понимания особенностей функционирования мнений в медийном дискурсе необходимо включить в анализ не только характеристики языковых средств, но и коммуникативно-прагматические установки автора передаваемого сообщения.

В данной статье мы рассматриваем прагматические функции высказываний мнения, которые функционируют в информационных (новостная заметка, репортаж, инфоинтервью) и аналитических (статья, аналитическое интервью, мнения и комментарии) жанрах медийного дискурса. Практическим материалом послужили 200 текстов информационных и аналитических жанров медийного дискурса как национальных, так и региональных британских и белорусских изданий («The Guardian», «The Daily Telegraph», «The Independent», «The Scotsman», «County Times», «Evening Standard», «Звезда», «Культура», «Вечерний Брест», «Гомельская праўда»). В ходе исследования рассмотрено более 5 000 высказываний мнения, фигурирующих в информационных и аналитических жанрах медийного дискурса (2 550 высказываний мнения на английском языке и 2 311 на белорусском).

Прагматические типы высказываний мнения устанавливались на основе словаря языковых маркеров (733 единицы), сходстве значения данных лексических единиц, их частотности, а также учитывалось воздействие, которое тот или иной контекст способен оказать на адресата.

Для высказываний-мнений как на английском, так и на белорусском языке характерен ряд схожих прагматических функций в зависимости от интенции автора медийного текста. Нами выделены 8 функций высказываний-мнений и их характерные языковые маркеры: функция рационализации, представления эмоционального состояния говорящего, идееполагания, рекомендательная функция, прогностическая функция, установления дефиниционных отношений, санкционирующая функция, интродуктивная и маркирующая функция.

Авторам публицистических материалов информационных и аналитических жанров свойственно представлять мнения в рациональном ключе, предлагать поиск решений на актуальные вопросы с помощью логической аргументации, аналитики, апелляции к интеллекту, из чего следует **функция рационализации** (25,3 % высказываний мнения в англоязычном дискурсе и 19,9 % в белорусскоязычном). Высказывания-мнения представляются как продукт интеллектуальной деятельности, претендующей на достаточно высокую степень достоверности и экспертности, что находит отклик у той части аудитории, которая доверяет именно логическим объяснениям и трактовкам.

В высказываниях-мнениях данного типа встречаются такие маркеры, как глаголы, существительные и служебные слова, выражающие логические взаимосвязи: *to determine* ‘предопределять’, *to compare* ‘сравнивать’,

explanation ‘объяснение’, *reason* ‘причина’, *if* ‘если’, *thus* ‘таким образом’, *заключацца ў, залежыць ад, разважаць, довады, падстава, таму, за кошт таго, што* и т.д. Например: *If much can be done from a legal and contractual side without marriage, then marriage loses all credibility* ‘Если многое можно сделать с правовой точки зрения без брака, тогда брак теряет весь авторитет’ («The Guardian»). В данном контексте автор старается представить мнение в логическом ключе, подкрепляя свой тезис о том, что «брак теряет авторитет» именно логической аргументацией и апелляцией к интеллекту, таким образом, читатель принимает собственно тезис и уже задумывается о причинах и следствиях, повлекших такое суждение.

В противовес апелляции к логике в медиадискурсе встречается апелляция к эмоциям, к субъективному восприятию действительности – **функция представления эмоционального состояния говорящего** (6,3 % против 10,2 % высказываний мнения на английском и белорусском языках соответственно). Мнения данного типа призваны задействовать ту часть аудитории, для которых эмоции и чувства важнее «холодной» логики, аналитики, расчетов. Если определенное чувство называется, описывается, то есть вероятность, что и читатель также испытает данное чувство или во всяком случае зафиксирует, что излагаемые события вызывают именно такой отклик у автора материала, или у людей, с которыми он общался. Тем самым у читателя формируется эмоциональный ответ на данный вопрос, а высказывание-мнение воспринимается как верное.

В качестве маркеров задействуются глаголы и существительные, указывающие на эмоции и чувства: *to blame* ‘обвинять’, *complaint* ‘жалоба’, *pledge* ‘обязательство, обещание’ (как правило, эмоциональное), *выклікаць (здзіўленне, абурэнне, бурныя эмоцыі...), непакоіцца, (складаць пэўнае) уражанне* и т.д., вопросительные конструкции, прагматической целью которых является выражение сомнения, авторский комментарий, в котором представлены впечатления автора. Например: «*Кормяць нас усіх аднолькава, а грошы розныя забіраюць*», – *дзеліцца сваёй крыўдай Любоў Іванаўна Гулевіч* («Гомельская праўда»). При этом эмоциональная оценка того, что героиня материала испытывает именно обиду, исходит от автора данного материала. Это же и формирует эмоциональный ответ со стороны читателя, его сопереживание героине статьи.

Следующая прагматическая функция высказываний-мнений, которую мы установили в медийной дискурсе, – это **функция идееполагания** (6,8 % высказываний мнения на английском языке, 13,1 % на белорусском). Авторы публицистических материалов используют мнения, направленные на выдвижение идей, концепций, теорий, мечтаний, желаний, а также на постановку целей и задач, которые, по мнению автора, способны решить некую проблему, либо же такие мнения направлены на озвучивание и разоблачение существующих стереотипов и мифов.

Маркёрами выступают, в первую очередь, существительные, называющие идеи, цели и желания, например, *idea, myth, задача, гіпотэза*, соответствующие глаголы, например, *to aim, to aspire, to want, марыць, хацець*, а также ряд вопросительных конструкций: риторический вопрос, вопрос, в котором предлагаются идеи, альтернативный вопрос. Например, в тексте о передаче белорусскоязычных названий с помощью транслитерации автор предлагает следующую идею, выраженную в форме вопроса: *І чаму б не перакласці мапы на беларускую мову, калі назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь замацаваны па-беларуску..?* («Вечерний Брест»).

Следующая функция – **рекомендательная**, она предполагает высказывание рекомендаций и советов (21,8 % высказываний мнения на английском языке и 22,6 % на белорусском). Реализуется в первую очередь посредством модальных языковых единиц, императива, а также глаголов со значением рекомендации, например, *to recommend* ‘рекомендовать’, *to propose* ‘предлагать’, *рэкамендаваць, прапанаваць* и т.д.

Что касается модальных языковых единиц, то в аналитических жанрах англоязычного медийного дискурса рекомендательная функция реализуется чаще всего с помощью модальных глаголов *need* и *should* (в значениях совета и необходимости). Что касается аналитических жанров белорусскоязычного медийного дискурса, то ведущая роль в представлении мнений-рекомендаций принадлежит модальным словам с оттенком обязанности (*трэба, патрабаваць, быць павінным, вымагаць* и т.д.). Например: *Love **shouldn't** be completely unconditional* и *Менавіта гэтым якасцям [бачыць магчымасці; энтузіязм] **павінен** навучыць нас Год беражлівасці* («The Guardian», «Культура»). В первом случае мнение подается в форме ненавязчивой рекомендации, а во втором случае как настоятельный совет, из которого каждый должен почерпнуть руководство к действию.

Прогностическая функция заключается в указании на перспективу развития событий (реализуется в 8,2 % и 11,8 % высказываний мнения англоязычного и белорусскоязычного медийного дискурса соответственно). Авторы медийных текстов стремятся высказать некие предположения касательно возможного развития обсуждаемых вопросов, общественных трендов, предсказать исход ситуации в будущем. Соответственно, маркерами в данном случае выступают глаголы в форме будущего времени и условного наклонения, а также глаголы и существительные, в семантике которых содержится компонент «вероятности», например, *to expect* ‘ожидать’, *to plan* ‘планировать’, *tendency* ‘тенденция’, *trend* ‘тренд’, *чакаць, планаваць, верагоднасць, прагноз, тэндэнцыя* и т.д. Например: *Soon the only graduates carrying on their studies **will** be the sons and daughters of the very rich or those who can secure bursaries, scholarships and grants* ‘Вскоре единственными выпускниками, которые продолжают обучение, будут сыны и дочери очень богатых людей или те, кто может обеспечить себе стипендии и гранты’ или *England **will** pay a high price for such arrant selfishness* ‘Англия заплатит высокую цену за такой заносчивый эгоизм’ («The Guardian»).

Еще одна функция, которую реализуют высказывания-мнения в медийном дискурсе, – **функция установления дефиниционных отношений** (5,8 % высказываний мнения на английском языке против 3 % на белорусском в медийном дискурсе). Она реализуется в контекстах, в которых авторы с помощью формирования высказывания-мнения стремятся создать новые интерпретации, задать новые характеристики, при этом они подаются в форме определений, хотя ими ни в коей мере не являются, а скорее представляют некий социальный «ярлык». Так, в статье о проекте перевода белорусских географических названий на русский язык посредством транслитерации автор заявляет: *Такая рэформа – гэта яшчэ адзін крок да страты нацыянальнай тапанімікі* («Вечерний Брест»). Очевидно, что в данном контексте автор не ставит перед собой задачу дать строгое научное определение, его целью является представить интерпретацию проекта, добавив личную оценку, в данном случае негативную. В высказываниях-мнениях данного типа часто фигурируют такие языковые маркеры, как *to define as* ‘обозначить как’, *to mean* ‘означать’, *to refer to smth* ‘относиться к чему-либо’, *азначаць*, *з’яўляцца*, *назвацца* и т.д.

Таким образом, прагматический потенциал высказываний мнения, функционирующих в медийном дискурсе на английском и белорусском языках, обусловлен особенностями собственно медийного дискурса. Анализ показал общность прагматических функций, реализуемых высказываниями мнения (установлено 8 функций). Выбор способа представления мнения не случаен и связан с его прагматическими функциями, но способ воздействия на адресата различен для британской и белорусской медиакultur. Для британской медиакультуры более характерно делать акцент на рациональном, интеллектуальном объяснении сложившейся ситуации, представлять интерпретации и обоснования (самый частотный тип – функция рационализации, реализуется в 25,3 % высказываний мнения). Авторам текстов на белорусском языке более свойственно выдвигать рекомендации и идеи и представлять прогноз об их состоятельности (самый частотный тип – рекомендательная функция, 22,6 % высказываний мнения). Основные различия заключаются в выборе языковых единиц представления мнения, которые предпочитают употреблять авторы. В рамках реализации рекомендательной функции англоязычные авторы предпочитают модальные глаголы со значением совета и необходимости *need* и *should*, а белорусскоязычные авторы отдают предпочтение модальным словам с оттенком обязанности – *трэба*, *патрабаваць*, *быць павінным* и т.д.), что говорит о большей категоричности в представлении рекомендации в медийном дискурсе на белорусском языке. Данные особенности объясняются как различиями саморепрезентации, так и сложившимися традициями двух медиакultur в представлении речи автора и других коммуникантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Задворная, Е. Г.* Дискурс как фильтрующая система и принципы речевого общения / Е. Г. Задворная // *Методология исследований политического дискурса : актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. труд. / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой.* – М. : Издат. центр БГУ, 2008. – Вып. 5 : Дискурс в современном гуманитарном знании. – С. 28–36.
2. *Серио, П.* Анализ дискурса во Французской школе (дискурс и интердискурс) // *Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов.* – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академ. проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 549–550.
3. *Бахтин, М. М.* Автор и герой : К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 336 с.
4. *Макаров, М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
5. *Седов, К. Ф.* Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.
6. *Добросклонская, Т. Г.* Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика.* – 2006. – № 2. – С. 21.
7. *Манаенко, Г. Н.* Информационно-дискурсивный подход к анализу осложненного предложения : дис. д-ра филол. наук / Г. Н. Манаенко. – Краснодар, 2004. – 153 л.
8. *Всеволодова, М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М. : URSS, 2000. – 337 с.
9. *Лешкевич, И. В.* Структура, семантика и функционирование оценочных высказываний (на материале англоязычных газетных рецензий) : дис. ... канд. фил. наук / И. В. Лешкевич. – Минск, 2009. – 192 л.

The article considers pragmatic functions performed by the opinions expressed in the informational and analytical genres of the media discourse in English and Belarussian. The article also studies the main pragmatical functions of opinions, their frequency and most recurrent linguistic markers. The author points out some techniques to present an opinion in both languages in accordance with the most frequent linguistic markers.

Поступила в редакцию 30.07.2020

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

С. С. Ключенович

ФИНАЛЬНАЯ КОНТРАКЦИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ
С ТОЖДЕСТВЕННЫМ КОМПОНЕНТОМ
В РАЗНОТИПНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматривается синтаксико-словообразовательное стяжение сложных слов с общим определяемым компонентом. Указанное явление прослеживается на примере современной немецкой художественной прозы, прессы, а также законодательства Германии. Композитная контракция широко представлена в современной речевой практике в силу соответствующих структурных особенностей немецкого языка. Тем не менее разнотипность дискурсивных условий накладывает свой отпечаток на активность и специфику проявления этого механизма компрессирования.

«Изолированные слова, в том виде, в каком мы находим их в словарях... представляют собой абстракции, и в таком виде они имеют мало общего с подлинной живой речью» [1, с. 106]. И действительно, на поверхностном уровне могут быть представлены не все компоненты высказывания. И если одна часть компонентов выражается эксплицитно, другая может быть скрыта, например, в силу действия языковой экономии, в частности, когда имеет место «словообразовательная компрессия линейного характера» [2], т. е. происходит элиминирование тех лексем, которые в высказывании повторяются.

Следствием исключительной продуктивности словосложения в немецком языке является то, что буквально в одном предложении, или даже словосочетании, могут присутствовать несколько композитов или сложно-производных, например: *die Rußpartikelwerte in den Atemwegen* [Schor, S. 236], *das kursschonende Verkaufsveto* [Hb 1999], *der Betriebsbeauftragte für Gewässerschutz* [WHG, § 21 a]. Более того, если у сложных слов одинаковая синтаксическая позиция, то это создает предпосылки для их синтаксического совмещения: *...ein Sammelpunkt der Begabtesten der Neuromantik und des Jugendstils* ‘место, где собирались самые одаренные неоромантизма и стиля модерн’¹ [Mod. S. 140]. При наличии же тождественных компонентов в контактирующих полилексемных универбах совмещение на синтаксическом уровне может сопровождаться совмещением и в словообразовательном плане, например: *Investment- oder Pensionsfonds* ‘инвестиционные и пенсионные фонды’ [WiWo], *DIN- oder ISO-Normen* ‘нормы ИСО или ДИН (немецкие промышленные нормы)’ [StVZO, § 73], *Sach- oder Vermögenswerte* ‘материальные или имущественные ценности’ [StPO, § 100 f]. Как видим, в результате подобного «стяжения» [3, с. 88], по Х. Вельману, «контракции»

---

¹ Здесь и далее перевод наш.

(«Kontraktion», «Kompositazusammenziehung») [4, S. 46], множественного сочетания («serial combination») [5, p. 26; 6, S. 105–106] происходит, по образному выражению Н. А. Янко-Триницкой, «вынесение общей части за скобки» [7, с. 350]. При этом она говорит в подобных случаях о «разрыве частей сложного слова при употреблении рядом двух или более сложных слов с тождественными вторыми частями, сочиненных между собой» [Там же]. А. Г. Лыков также пишет о «разорванности слова как структурного целого» [8, с. 86], Б. А. Абрамов, а вслед за ним С. Ф. Носоченко и А. А. Сакулин называют это «синтаксически обусловленной деструкцией сложных слов» [9; 10; 11, с. 17–18].

Важно также отметить, что в результате контракции композитов с тождественным компонентом (вернее, конечно, говорить в таких случаях не только о стяжении, но и о деструкции, а также об элиминации) возникают «речевые образования» [9, с. 73]. А. Г. Лыков заявляет еще решительнее: «...разорванность слова – это явление целиком речевое... зависящее от непредвиденно меняющихся условий коммуникации» [8, с. 88], «...разорванность слова – это одно из проявлений его речевого (окказионального) существования, одно из речевых нарушений языковых канонов» [Там же, с. 90]. Б. А. Абрамов указывает на то, что синтаксико-словообразовательное стяжение «довольно часто встречается в современной немецкой речевой практике», объясняя это тем, что этот вид стяжения «соответствующим образом стимулируется структурными особенностями самой языковой системы – продуктивностью в ней сложных и производных слов» [9, с. 72].

С последним утверждением Б. А. Абрамова нельзя не согласиться. Однако, как свидетельствуют полученные данные, частотность этого способа компрессирования характеризуется различными показателями в зависимости от типа дискурса. В настоящем исследовании в качестве источников эмпирического материала привлекаются 36 произведений немецкой художественной прозы 21 автора второй половины XX столетия вплоть до настоящего времени, газетно-журнальные публикации за последние три десятилетия, а также тексты законов ФРГ, которые представлены в соответствующих кодексах. Объем текстовой выборки составил в нашем исследовании по 300 тыс. словоформ в каждой из трех сфер коммуникации. При этом наиболее насыщенным с точки зрения рассматриваемого в данной статье явления оказался законодательный дискурс (публичное право = 154 стяженных конструкции (–38 повторов в том же тексте), гражданский кодекс = 140 (–44), уголовный кодекс = 175 (–42). В художественной прозе показатели оказались минимальны (67). В прессе насчитывается 150 конструкций.

Наиболее распространенным типом стяжений, возникающих в результате композитной деструкции, являются субстантивные конструкции с финальным общим компонентом (*die Ginster- und Holunderbüsche* ‘кусты дрока и бузины’ [Mod, S. 39]; *die Fleisch- und Wurstwarenpreise* ‘цены на мясо и колбасные изделия’ [Naw, S. 281]; *Erst- und Zweitschlag* ‘первый и второй

(военный) удар’ [Gr, S. 130]), что подтверждает наблюдения предыдущих исследований [9, с. 76; 10, с. 15]. Говоря о субстантивных стяжениях, следует также учитывать активное действие субстантивации, в силу чего в указанную группу попадают субстантивированные прилагательные, субстантивированные причастия, субстантивированные инфинитивы:

Nur fast jeder Dritte der 15- bis 20-Jährigen... ‘Почти каждый третий в возрасте от 15 до 20 лет...’ [Hb 2014];

die Partei- und Fraktionsvorsitzenden von CDU, CSU und SPD ‘Председатели партий и фракций ХДС, ХСС, СДПГ’ [SZ 2020];

...nach jedem Schuss durch Hin- und Zurückziehen dieses beweglichen Vorderschaftes... ‘после каждого выстрела потянуть переднюю часть ствола вперед, а потом назад (о перезарядке пистолета)’ [Schor, S. 171];

Помимо субстантивных конструкций, в нашей картотеке представлены также прилагательные:

berufs- oder erwerbsunfähig ‘не способен работать по специальности или по найму’ [BeamVG, § 22];

eine gleich- oder höherwertige Sicherheitsüberprüfung ‘проверка безопасности на таком же или более высоком уровне’ [G 10, Art. 1, § 1];

handels- und steuerrechtliche Pflichten des Schuldners ‘обязанности должника в соответствии с торговым и налоговым законодательством’ [InsO, § 155].

Несмотря на одинаковую частеречную принадлежность к классу прилагательных, можно констатировать в приведенных выше примерах различную словообразовательную природу участников стяженных конструкций. В первом случае это композиты, во втором – сложнопроизводные слова, возникшие как результат одновременного действия словосложения и аффиксации, в третьем – суффиксальные дериваты, образованные от сложных существительных.

Составленная в ходе текстовой выборки картотека фиксирует также наречия:

ein- oder zweimal hörte er einen Fisch springen ‘один или два раза он услышал, как прыгнула рыба’ [And, S. 158];

land- oder forstwirtschaftlich genutzte Grundstücke ‘земельные участки, используемые в сельскохозяйственных или лесоводческих целях’ [BauGB, § 90].

Наблюдаются в исследуемых текстах и сложные глаголы с адвербиальными определительными компонентами:

Hinein- und hinausgehende Personen ‘входившие и выходившие люди’ [Schor, S. 262]. В данном случае в форме причастия I.

Сложные (точнее, сложнопроизводные) причастия представлены, как правило, с субстантивными определительными компонентами:

Die Staatsanwaltschaft hatte <...> angekündigt, rechts- und fristwährend Revision zur Überprüfung des Urteils einzulegen... ‘Прокуратура заявила о своем намерении подать с соблюдением соответствующих сроков и правовых норм кассационный протест с целью ревизии решения суда...’ [Spgl];

preis- und saisonbereinigt ‘исключая сезонные и ценовые колебания’ [SZ 2015]; *in besonderem Maße* **gesundheits-, luft- oder wassergefährdend** ‘особо опасны для здоровья, воздуха или воды’ [KrW-/AbfG, § 41].

В плане интенсивности синтаксико-словообразовательного стяжения как механизма линейного компрессирования структуры высказывания в ходе развертывания текста нельзя не обратить внимание на следующий фрагмент, возникший, как думается, вследствие использования приема повтора, характерного в гораздо большей степени именно для закона:

Die Aufhebung wegen arglistiger Täuschung über wesentliche Umstände ist ferner ausgeschlossen, wenn über Vermögensverhältnisse des Annehmenden oder des Kindes getäuscht worden ist oder wenn die Täuschung ohne Wissen eines Antrags- oder Einwilligungsberechtigten von jemand verübt worden ist, der weder antrags- noch einwilligungsberechtigt noch zur Vermittlung der Annahme befugt war ‘Отмена по причине умышленного введения в заблуждение относительно существенных обстоятельств кроме того исключена, если об имущественном положении принимающего или ребенка предоставлена недостоверная информация или если без ведома лица, имеющего право на подачу ходатайства, или лица, имеющего право на дачу согласия, был совершен обман лицом, не обладающим ни правом ходатайства, ни правом согласия и не уполномоченным на посредничество в принятии имущества [BGB, § 1760]’.

В приведенном текстовом фрагменте возникает целая словообразовательная цепочка из субстантивированных причастий *ein Antrags- oder Einwilligungsberechtigter* и собственно причастий *weder antrags- noch einwilligungsberechtigt*. Как видим, стяженные конструкции практически идентичны (лексически), за исключением их частеречного статуса и соединяющих их союзов. Именно повтор как стилевая черта законодательного текста, с одной стороны, и возможность выстраивания словообразовательных цепочек с модификацией частеречного статуса могут являться факторами, стимулирующими действие такого механизма компрессии, как синтаксико-словообразовательное стяжение.

С абсолютной очевидностью можно констатировать превалирование во всех трех дискурсах стяжения именно двух композитов в единую конструкцию. Поэтому следующий пример с четырьмя участниками является для художественной прозы рекордным исключением (в выборке зафиксировано всего два подобных случая): *klarer Apfel- oder Birnen- oder Quitten- oder Karottensaft* ‘прозрачный яблочный или грушевый, или айвовый, или морковный сок’ [Naw, S. 237]. А вот в законодательных актах это вполне действенная практика (стяжение более двух композитов в одном акте порождения). Приведем примеры синтаксико-словообразовательного стяжения трех, четырех и пяти композитов:

die Beschlagnahme von Schriftstücken, Ton-, Bild- und Datenträgern ‘конфискация документов, носителей звука, изображения, данных’ [StPO, § 97];

Vorschriften für das Lagern wassergefährdender Stoffe in Wasserschutz-, Quellenschutz-, Überschwemmungs- oder Plangebieten ‘нормы, регулирующие хранение водоопасных веществ в водоохранных, родниковоохранных районах, на затопливаемых и низменных участках’ [WHG, § 19 g];

insbesondere Kommando-, Streifen-, Mannschaftstransport-, Verkehrsunfall-, Mordkommissionsfahrzeuge ‘в частности автомобили командования, патрульные, для перевозки личного состава, комиссии по расследованию убийства, для выезда на место ДТП’ [StVZO, § 52].

Газетно-публицистический текст в этом смысле (т. е. с точки зрения количества задействованных в синтаксико-словообразовательном стяжении композитов) скорее ближе к художественному, нежели к законодательному. В прессе многочисленные стяженные конструкции являются скорее исключением, чем регулярным правилом:

Griechenland-, Portugal- oder Irlandkrise ‘(долговой) кризис Греции, Португалии или Ирландии’ [Parl].

В качестве обобщения результатов можно констатировать, что синтаксико-словообразовательное стяжение используется во всех трех исследуемых сферах коммуникации. При этом наиболее насыщенным оказался законодательный дискурс (345 конструкций после вычета повторов в том же тексте). В художественной прозе показатели оказались минимальны (67). В прессе насчитывается 150 конструкций.

Примечательно также, что именно в законодательном дискурсе наблюдаются более сложные случаи синтаксико-словообразовательного стяжения. Так, широко представлено вовлечение в этот вид линейного компрессирования не только двух композитов, но и трех, четырех и большего количества, что требует от реципиента дополнительных усилий в плане распознавания всех участвующих в стяжении композитов. Это можно объяснить тем, что юридический дискурс представляет собой особый подъязык, предполагающий наличие иного речевого опыта у участников коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Есперсен, О.* Философия грамматики / О. Есперсен / пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой ; под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша. – М. : Иностр. лит., 1958. – 404 с.
2. *Глухов, Г. В.* Прагма-коммуникативные функции словообразовательной компрессии в современном немецком языке (на материале немецкоязычной прессы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Г. В. Глухов. – Минск, 1992. – 198 л.
3. *Кукушкина, А. Т.* Особенности языковой экономии в структуре сложного слова (IV). К вопросу о плане сложного слова / А. Т. Кукушкина // Теоретические вопросы немецкой филологии (лексикология, стилистика) : сб. науч. тр. / Горьк. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол.: А. Т. Кукушкина (отв. ред.) [и др.]. – Горький, 1974. – Вып. 58. – С. 82–91.

4. Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. – L. Ortner [u.a.]. – Berlin : de Gruyter, 1991. – Bd. 4 : Substantivkomposita. – 863 S.
5. *Marchand, H.* The categories and types of present-day English word-formation: a synchronic-diachronic approach / H. Marchand. – 2nd, compl. rev. and enl. ed. – München : Beck, 1969. – 545 p.
6. *Ortner, H.* Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung / H. Ortner, L. Ortner. – Tübingen : Narr, 1984. – 406 S. – (Forschungsberichte des Instituts f. Deutsche Sprache Mannheim ; Bd. 55).
7. *Янко-Триницкая, Н. А.* Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М. : Индрик, 2001. – 504 с.
8. *Лыков, А. Г.* Случаи разорванности слова как структурного целого / А. Г. Лыков // Рус. яз. в шк. – 1970. – № 5. – С. 86–90.
9. *Абрамов, Б. А.* Синтаксически обусловленная деструкция сложных и производных слов (на материале современного немецкого языка) // Вопр. языкознания. – 1970. – № 5. – С. 69–79.
10. *Носоченко, С. Ф.* Синтаксико-словообразовательное совмещение в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. Ф. Носоченко ; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1977. – 16 с.
11. *Сакулин, А. А.* Синтагматические особенности функционирования субстантивных композитов в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Сакулин ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. – М., 1977. – 24 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- And – *Andersch, A.* Sansibar oder der letzte Grund / A. Andersch. – Zürich : Diogenes, 1993. – 159 S.
- BauGB – Baugesetzbuch // Öffentliches Recht. – 9. Aufl. – Baden-Baden : Nomos, 2000.
- BeamtVG – Gesetz über die Versorgung der Beamten und Richter in Bund und Ländern // Öffentliches Recht. – 9. Aufl. – Baden-Baden : Nomos, 2000.
- BGB – Bürgerliches Gesetz Buch // Zivilrecht: Wirtschaftsrecht. – 9. Aufl. – Baden-Baden : Nomos, 2000.
- G 10 – Gesetz zur Beschränkung des Brief-, Post- und Fernmeldegeheimnisses // Strafrecht. – 9. Aufl. – Baden-Baden : Nomos, 2000.
- Gr – *Grass, G.* Die Rättin / G. Grass. – Göttingen : Steidl, 1997. – 493 S.
- Hb 1999 – Handelsblatt. – 1999. – Nr. 186.
- Hb 2014 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.handelsblatt.com/finanzen/vorsorge-versicherung/ratgeber-hintergrund/schufa-schuldenkompass-wo-die-schlechtesten-schuldner-wohnen/8072938.html>. – Дата доступа : 09.04.2014.
- InsO – Insolvenzordnung // Zivilrecht: Wirtschaftsrecht. – 9. Aufl. – Baden-Baden : Nomos, 2000.
- KrW-/AbfG – Gesetz zur Förderung der Kreislaufwirtschaft und Sicherung der umweltverträglichen Beseitigung von Abfällen // Öffentliches Recht. – 9. Aufl. – Baden-Baden : Nomos, 2000.

- Mod – *Modick, K.* Konzert ohne Dichter / K. Modick. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2015. – 229 S.
- Naw – *Nawrat, M.* Die vielen Tode unseres Opas Jurek / M. Nawrat. – Reinbek b. Hamburg : Rowohlt, 2015. – 411 S.
- Parl – Das Parlament. – 2010. – Nr. 43.
- Schor – *Schorlau, W.* Die schützende Hand. Denglers achter Fall / W. Schorlau. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2015. – 382 S.
- Spgl – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/wulff-staatsanwaltschaft-legt-revision-gegen-freispruch-ein-a-956996.html>. – Дата доступа : 28.01.2015.
- StPO – Strafprozessordnung // Strafrecht. – 9. Aufl. – Baden-Baden : Nomos, 2000.
- SZ 2015 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/rueckgang-des-bruttoinlandsprodukts-deutsche-wirtschaft-schrumpft-1.2089874>. – Дата доступа : 28.01.2015.
- SZ 2020 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sueddeutsche.de/politik/coronavirus-news-deutschland-maskenpflicht-1.4828033>. – Дата доступа : 23.04.2020.
- StVZO – Straßenverkehrs-Zulassungs-Ordnung // Strafrecht. – 9. Aufl. – Baden-Baden : Nomos, 2000.
- WHG – Gesetz zur Ordnung des Wasserhaushalts.
- WiWo – Wirtschaftswoche. – 14.04.2008. – Nr. 16.

The article is devoted to the study of syntactical and word-formational contraction of compounds with a common right-hand component. The examination of the said phenomenon is made on the material of contemporary German fiction, press and legislation. Compound contraction is widely represented in contemporary speech practice due to certain structural features of the German language. The author comes to the conclusion that the heterogeneity of discourse conditions leaves its mark on the activity and specificity of the compression mechanism.

Поступила в редакцию 11.06.2020

Т. В. Корбачёва

КВАНТИТАТИВНЫЙ МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАЧИМОСТИ КОНСТИТУЕНТОВ ЦИКЛА

(на примере суточного и недельного циклов в испанском языке)

В статье рассматривается способ определения значимости (рангов) конститuentов циклов внутри лексического поля. Значимость каждого элемента цикла устанавливается на основании сопоставления характеристик, имеющих числовое выражение: частотность употребления, количество словарно зафиксированных значений, количество словообразовательных дериватов. Соотношение разных сторон активности лексических единиц позволяет объективно оценить место каждого элемента цикла в микросистеме.

Лексикон любого языка представляет собой совокупность многих тысяч лексических единиц, каждая из которых имеет определенный вес в системе.

Квантитативный анализ, применяемый для решения широкого спектра задач при типологическом и сопоставительном изучении языков и их подсистем и т.п. [1, с. 5–8; 2, с. 23–29] и обеспечивающий объективность получаемых результатов, используется в том числе для установления ранга единиц в лексической системе [3; 4; 5 и др.]. Одним из важнейших показателей места слова в системе языка является частота его употребления.

На употребительность лексических единиц влияют внутриязыковые факторы: «широта» использования – отнесенность слова к общеупотребительной или специальной лексике, стилистические условия употребления, т.е. установление того, является ли слово стилистически маркированным и, следовательно, употребляется ли только в определенных условиях, либо же слово нейтрально и не имеет ограничений в употреблении и т.д.

Причины неодинаковой частотности разных слов в языке также могут относиться к сфере неязыковой действительности. Частотность слов во многом определяется той ролью, которую играют в жизни человека реалии, представленные языковыми единицами. В таких случаях высокочастотные слова обозначают «явления и понятия, находящиеся в “фокусе социального внимания”» [6, с. 92]. Для лексических единиц, заключающих в себе понятия наиболее значимые и обсуждаемые в определенное время, были введены обозначения «ключевые слова» (Е. А. Земская), «ключевые слова текущего момента» (Т. В. Шмелева) [7; 8; 9]. Единицы словаря, которые под «давлением» социальных факторов выдвигаются в центр общественного сознания, получают не только высокую частотность, но и словообразовательную активность, расширение их сферы употребления и семантики [Там же]. По нашему мнению, эти же признаки – высокая частотность и деривационная активность (морфологическая и семантическая) – могут быть свойственны не только ключевым словам текущего момента, но и любым единицам, занимающим особое место в ряду подобных. Возможность числового выражения названных признаков, их наглядность и объективность определили выбор количественного метода определения значимости (рангов) конститuentов цикла внутри лексического поля.

Цикл представляет собой «семантическую таксономию особого типа» [10, р. 113], в которой лексические единицы связаны циклическими отношениями, подразумевающими их строгую очередность следования и повторяемость (П. Н. Джонсон-Лэрд, Д. А. Круз, Г. Н. Лич, Г. А. Миллер, Ч. Филлмор и др.). Наиболее очевидными примерами циклов являются названия дней недели, сезонов, месяцев года, частей суточного цикла. Эти номинации являются репрезентантами регулярно повторяющихся цепочек временных периодов, выделяемых на основании некоторых явлений, наблюдаемых в объективной реальности. Поэтому для конститuentов цикла характерно отсутствие первых и последних элементов в последовательности [11, р. 115]. Также в цикле отсутствует какой-либо салиентный признак, на степени проявления которого строится последовательность, т.е. нет такого признака *X*, из-за которого *вторник* больше *X*, чем *понедельник*, или *февраль* больше *X*, чем *январь* [12, р. 189; 13, р. 290]. Названные свойства цикла

имплицитно равное, иначе равнозначность элементов цикла. Однако с каждым временным периодом связана целая серия хранящихся в сознании людей ассоциаций, которые обогащают названия элементов лексического цикла дополнительными смыслами, нарушая таким образом их равнозначность.

Так, в испанском языке наименования дней недели, с одной стороны, равнозначны, т.к. репрезентируют круг равных по временной протяженности периодов, но, с другой стороны, оказываются противопоставленными по признакам «деятельность» и «эмоциональная оценка», и потому неравнозначны. Например, в контекстных употреблениях названий дней недели с понедельника по пятницу актуализируется признак «работа». На основании признака «работа» строится следующее высказывание: *Doy siempre el 100 % en el trabajo: 12 % lunes, 23 % martes, 40 % miércoles, 20 % jueves, 5 % viernes* 'На работе я всегда выкладываюсь на 100 %: 12 % – понедельник, 23 % – вторник, 40 % – среда, 20 % – четверг, 5 % – пятница'. Признак «отдых» характерен для двух элементов недельного цикла: *sábado* 'суббота' и *domingo* 'воскресенье'. У лексемы *domingo* 'воскресенье' семантический компонент 'отдых' эксплицируется в значении 'séptimo día de la semana, que es festivo para el cristianismo y, en general, en el mundo occidental' (седьмой день недели, нерабочий у христиан и, в целом, во всем западном мире) [14]. Наименования дней недели, обладающие признаком «работа», имеют негативную оценку, а названия с признаком «отдых» – наоборот положительную, например, *La parte más difícil después de un fin de semana son los cinco primeros días* 'Первые пять дней после выходных самые сложные' манифестирует негативную оценку всех дней недели с понедельника по пятницу; *Los mejores días están por venir... Se llaman Sábado y Domingo* 'Лучшие дни впереди. Они называются суббота и воскресенье'.

Метод семантического анализа конститuentов цикла позволяет выявить их специфические характеристики, которые обогащают и дополняют отношения в цикле, и подтвердить таким образом свойственную элементам цикла неравнозначность. Однако при установлении значимости (рангов) конститuentов цикла в микроструктуре недостаточно ограничиться методом семантического анализа. В нашем исследовании, целью которого являлось установление значимости конститuentов в цикле, мы применяли количественный метод. Для этого нами проводился комплексный анализ, конститuentы цикла сопоставлялись по нескольким параметрам: частотность употребления лексических единиц (получены из Национального корпуса испанского языка CORDE [15]), количество значений, зафиксированных в лексикографических источниках для каждой лексической единицы [Там же], количество словообразовательных дериватов у каждого члена цикла [14]. Материалом исследования были выбраны конститuentы суточного и недельного циклов в испанском языке.

Значимость конститuentов суточного цикла

Сопоставление количества значений конститuentов суточного цикла, представленных в лексикографических источниках, показало, что по дан-

ному параметру лидируют два компонента (*día* ‘день’ и *mañana* ‘утро’), у каждого из которых словарь фиксирует по восемь значений. С некоторым отрывом следуют друг за другом *tarde* ‘послеполуденная часть дня’ (5), *noche* ‘ночь’ (4) и *madrugada* ‘предутреннее время’ (3).

Однако по количеству словообразовательных дериватов явным лидером выступает *noche* ‘ночь’, у которого число словообразовательных дериватов (39) в пять раз превышает показатели следующих за ним *día* ‘день’ (7) и *mañana* ‘утро’ (7). Наименьшее число словообразовательных дериватов фиксируется у лексических единиц *madrugada* (4) и *tarde* (3).

Анализ употребительности конstituентов суточного цикла выявил значительные различия в частотности, причем соотношение конstituентов суточного цикла по этому параметру отличается от их соотношения по параметру «многозначность» и «словообразовательная активность». Здесь по-прежнему лидирует конstituент цикла *día* ‘день’, на долю которого приходится почти половина словоупотреблений (49 %). На втором месте с разрывом в 21,5 % находится *noche* ‘ночь’ (27,5 %). У конstituентов *mañana* ‘утро’ (11,5 %) и *tarde* ‘послеполуденная часть дня’ (11,5 %) показатели употребительности совпадают; частотность этих единиц более чем в два раза меньше, чем у *noche* ‘ночь’ и более чем в четыре раза меньше, чем у *día* ‘день’. Частотность употребления конstituента *madrugada* ‘предутреннее время’ с показателем 0,5 % от общего числа словоупотреблений демонстрирует радикальный разрыв с другими членами цикла. На основании этих данных можно сделать вывод о неравнозначности конstituентов цикла с явным превосходством компонентов *día* ‘день’ и *noche* ‘ночь’.

Значительный перевес в количестве употреблений лексемы *día* ‘день’ мы связываем с ее востребованностью в целях репрезентации суточного временного периода. Так, только сочетания лексемы *día* ‘день’ с числительными от 2 до 10¹ насчитывают 19 860 словоупотреблений; это равно почти четверти всех словоупотреблений конstituента *noche* ‘ночь’, занимающего второе место по частотности в корпусе.

В лирическом подкорпусе соотношение употребительности конstituентов цикла несколько отличается от наблюдаемого в общем корпусе. Хотя здесь также лидируют конstituенты *día* ‘день’ и *noche* ‘ночь’, но конstituент *día* ‘день’ (28 %) теряет лидирующие позиции, и с небольшим разрывом (3 %) его опережает конstituент *noche* ‘ночь’ (31 %). Далее частотность в лирическом подкорпусе распределяется следующим образом: *tarde* ‘послеполуденная часть дня’ (23 %) несколько опережает элемент *mañana* ‘утро’ (17 %), минимальные показатели по-прежнему у конstituента *madrugada* ‘предутреннее время’ (1 %) (табл. 1; рис. 1).

---

¹ В анализ не вошло числительное *uno* ‘один’, так как при согласовании с существительным мужского рода *día* ‘день’ его форма совпадает с формой неопределенного артикля мужского рода *un*, что нарушило бы релевантность результатов.

Т а б л и ц а 1

Количественные показатели употребительности и деривационной активности (семантической и словообразовательной) конstituентов суточного цикла

Циклическая номинация	Количество ЛСВ	Количество словообразовательных дериватов	Количество словоупотреблений в CORDE	
			Общий корпус	Лирический корпус
<i>día</i>	8	7	137,550	122
<i>noche</i>	4	39	77,762	133
<i>madrugada</i>	3	4	1,569	5
<i>mañana</i>	8	7	32,435	73
<i>tarde</i>	5	3	31,521	101

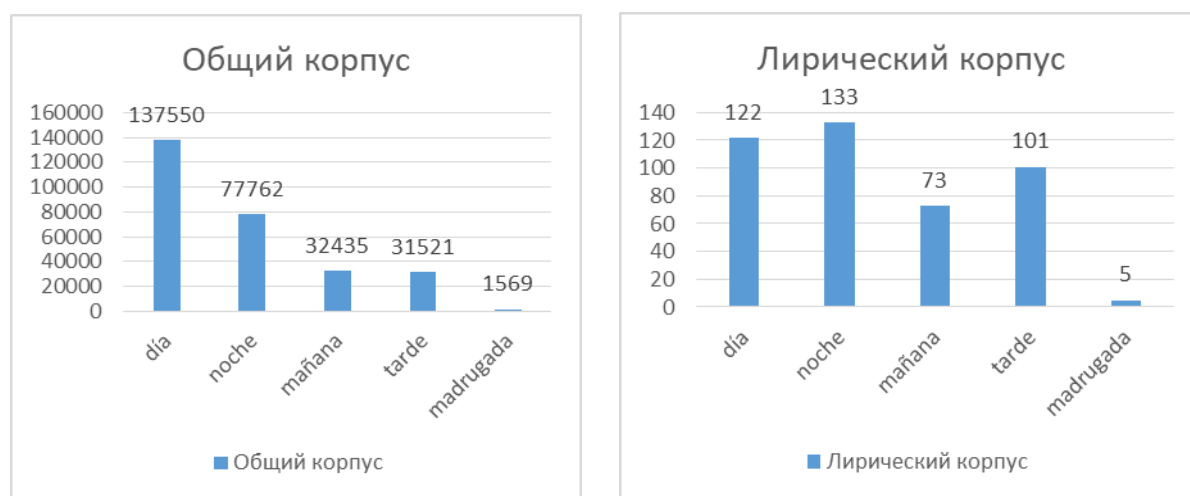

Рис. 1. Частотность конstituентов суточного цикла

Таким образом, кластерный анализ конstituентов суточного цикла позволил выявить различия в их значимости. Лидирующие позиции занимают *día* ‘день’ и *noche* ‘ночь’, за ними следуют *mañana* ‘утро’ и *tarde* ‘послеполуденная часть дня’, и наименьший вес в цикле имеет *madrugada* ‘предутреннее время’.

Значимость конstituентов недельного цикла

Согласно критерию «однозначность / многозначность» некоторая выделенность характерна для трех конstituентов недельного цикла *viernes* ‘пятница’, *sábado* ‘суббота’ и *domingo* ‘воскресенье’, у которых выделяются по два лексических значения, в то время как другие элементы цикла однозначны. Эти же единицы цикла выделяются по показателю «словообразовательная активность». Количество словообразовательных дериватов распределяется следующим образом: наибольшее количество у элемента *domingo* ‘воскресенье’ (6), в три раза меньше у *sábado* ‘суббота’ (2), минимальное число у *viernes* ‘пятница’ (1).

Сведения о частотности наименований конstituентов недельного цикла также не позволяют сделать вывод о их равнозначности. Наиболее частотной единицей является *domingo* ‘воскресенье’ (26 %), которая более чем в три

раза опережает наименее частотную единицу *miércoles* ‘среда’ (8 %). За *domingo* ‘воскресенье’ с небольшими взаимными различиями следуют *lunes* ‘понедельник’ (17 %), *viernes* ‘пятница’ (15 %) и *sábado* ‘суббота’ (14 %). В группу наименее частотных входят *martes* ‘вторник’ (10,5 %), *jueves* ‘четверг’ (9,5 %) и *miércoles* ‘среда’ (8 %).

Употребительность в лирическом подкорпусе у наименований дней недели единична и не позволяет делать какие-то выводы о соотношении конstituентов цикла по этим показателям (табл. 2; рис. 2).

Т а б л и ц а 2

Количественные показатели употребительности и деривационной активности (семантической и словообразовательной) конstituентов недельного цикла

Циклическая номинация	Количество ЛСВ	Количество словообразовательных дериватов	Количество словоупотреблений в CORDE
			Общий корпус
<i>lunes</i>	1	0	3,631
<i>martes</i>	1	0	2,238
<i>miércoles</i>	1	0	1,769
<i>jueves</i>	1	0	2,103
<i>viernes</i>	2	1	3,187
<i>sábado</i>	2	2	3,018
<i>domingo</i>	2	6	5,569

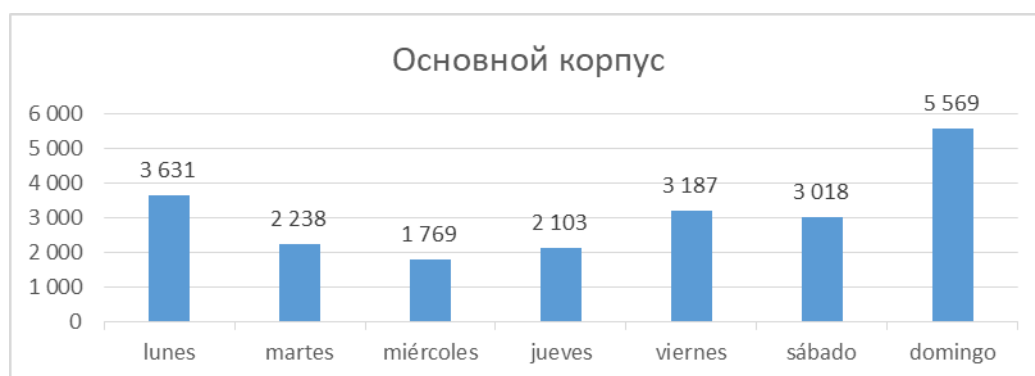

Рис. 2. Частотность конstituентов недельного цикла

Таким образом, проведенный анализ показал разную значимость конstituентов недельного цикла. Наибольшая выделенность по всем параметрам наблюдается у *domingo* ‘воскресенье’, приблизительно равное положение по значимости занимают *sábado* ‘суббота’ и *viernes* ‘пятница’. Более низкий ранг у *martes* ‘вторник’, *jueves* ‘четверг’, и наименьшие показатели у *miércoles* ‘среда’.

Подводя итоги проведенного исследования, можно констатировать, что конstituенты суточного и недельного циклов действительно имеют различ-

ную значимость для носителей испанского языка. Сопоставление количественных показателей разных сторон активности лексических единиц позволяет наиболее полно и объективно оценить место каждого элемента цикла в микросистеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коростелева, Л. В.* Высокочастотные имена существительные, прилагательные и числительные в современном русском языке (по материалам лексикографии) / Л. В. Коростелева. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. – 115 с.
2. *Левицкий, В. В.* Квантитативные методы в лингвистике / В. В. Левицкий. – Винница : Нова Книга, 2007. – 264 с.
3. *Кретов, А. А.* Проблемы квантитативной лексикологии славянских языков / А. А. Кретов, И. А. Меркулова, В. Т. Титов // ВЯ. – 2011. – № 1. – С. 52–65.
4. *Крылов, С. А.* Опыт изучения современного монгольского языка в количественном аспекте / С. А. Крылов // ВЯ. – 2013. – № 5. – С. 46–57.
5. *Титов, В. Т.* Квантитативная лексикология романских языков : введение в проблематику / В. Т. Титов // Вестн. ВГУ, Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 4–11.
6. *Земская, Е. А.* Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца столетия (1985–1995) ; под. ред. Е. А. Земской. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – С. 90–141.
7. *Шмелева, Т. В.* Ключевые слова текущего момента [Электронный ресурс] / Т. В. Шмелева // Collegium. – 1993. – № 1. – С. 33–41. – Режим доступа : <https://burago.com.ua/t-shmeleva-%E2%80%A2-klyuchevye-slova-tekushhego-m/>. – Дата доступа : 18.06.2020.
8. *Шмелева, Т. В.* Кризис как ключевое слово текущего момента [Электронный ресурс] / Т. В. Шмелева // Политическая лингвистика. – Вып. 2 (28). – Екатеринбург, 2009. – С. 63–67. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics2/shmeleva-09.htm>. – Дата доступа : 18.06.2020.
9. *Земская, Е. А.* Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / В. Л. Воронцова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – С. 90–141.
10. *Leech, G. N.* Towards a Semantic Description of English / G. N. Leech. – Bloomington; London : Indiana University Press, 1970. – xiii, 277 p.
11. *Leech, G. N.* Semantics / G. N. Leech. – London : Penguin, 1974. – xii, 386 p.
12. *Cruse, D. A.* Lexical semantics / D. A. Cruse. – N. Y. : Cambridge University Press, 1986. – xiv, 310 p.
13. *Lyons, J.* Semantics / J. Lyons. – 7th ed. – Cambridge et al. : Cambridge University Press, 1987. – V. 1. – xiii, 371 p.
14. *Diccionario de la lengua española* [Электронный ресурс]. – 23^a ed. – Режим доступа : <http://dle.rae.es>. – Дата доступа : 11.01.2019.
15. *Real academia española: Banco de datos (CORDE). Corpus diacrónico del español* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rae.es>. – Дата доступа : 11.01.2019.

The article considers methods of determining the significance (ranks) of cycle constituents within the lexical field. The significance of each cycle constituent is determined on the basis of numerically expressed characteristics: word use frequency, the number of semantic derivatives and affix derivatives. The ratio of different aspects of the lexical unit activity allows an objective assessment of the place of each element within the cycle.

Поступила в редакцию 01.07.2020

Л. Г. Крот

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье ставится задача определить условия функционирования англоязычных звукоподражательных единиц как средства создания образности в художественном тексте. Рассмотрены принципы организации художественного текста, подчеркивается несоответствие между его глубинным и поверхностным уровнями. Автор проводит семантический анализ звукоподражаний и представляет их распределение по трем основным классам. Основное внимание уделяется рассмотрению роли эстетической функции мотивации за счет агломератов звукоподражательных единиц.

Используя богатый языковой материал, автор подчеркивает роль гомогенных и гетерогенных звукоподражаний в составе агломератов. В статье обосновывается вывод о значимости мотивации в реализации эстетической функции художественного текста.

Целью настоящей статьи является изучение функционирования английских звукоподражательных единиц в художественном тексте.

Известно, что звукоподражание (ономатопея) – это закономерная произвольная фонетически немотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом) [1, с. 165].

В отличие от большинства языковых единиц, звукоподражания представляют собой иконические знаки (т.е. знаки, непосредственно воспроизводящие существенные признаки объекта). Действительно, для обычных слов характерна случайная, или произвольная связь между значением и формой: тот факт, что предмет, из которого мы пьем пиво, обозначается по-русски с помощью последовательности звуков [к р у ж к а], никак не связан с какими-либо свойствами этого предмета. Такие знаки называют немотивированными, поскольку их форма, звуковой облик, не имеет никаких мотиваций, причин для того, чтобы быть именно таковой. Напротив, звуковой состав звукоподражаний не случаен: он мотивирован соответствующим звуком внешнего мира.

Следовательно, изучение звукоподражательных слов (ономатопеи) занимает значительное место в разрешении кардинальных вопросов современного языкознания, в частности проблемы мотивированности языкового знака, и актуальность темы тесно сопряжена с исследованием употребления языковых единиц в речи.

Звукоподражательная лексика как в английском, так и в русском языках представляет огромный исследовательский интерес для лингвистов нашего времени. Изучению различных аспектов проблемы звукоподражаний посвящены труды С. В. Воронина [2; 3], М. А. Каторовой [4], Л. А. Гороховой [5; 6], Э. Г. Меграбовой [7], В. В. Фатюхина [8] и других ученых.

Материалом исследования послужили звукоподражательные единицы, извлеченные из произведений англоязычных писателей, общим количеством 392 контекста.

В научной литературе термин *звукоподражательная единица* имеет много синонимов: «подражательные слова», «образные слова», «имитатив», «звукоподражательное слово» («ономатон») и др. [9, с. 118–120]. Такое обилие терминов, используемых для обозначения звукоподражаний, может свидетельствовать о неугасаемом интересе лингвистов к этой проблеме. В данной работе под звукоподражательной единицей понимаются как собственно звукоподражания (ономатопеи), представляющие собой условное воспроизведение звуков природы и звучаний, сопровождающих некоторые процессы (дрожь, смех, свист и т.п.), а также крики животных [1, с. 165], так и звукоподражательные слова (ономатопы), т.е. слова, между формой и значением которых существует экстралингвистическая связь [Там же].

Исследователь А. Н. Тихонов отметил, что звукоподражания занимают особое место в системе частей речи и являются самостоятельными единицами. Они не имеют номинативной функции, но обладают лексическим значением. Также ономатопы относят к определенному классу слов, которые могут свободно переходить из одной части речи в другую [10, с. 122].

По мнению ученого, сами звуки являются компонентом звукоподражаний и именно этой особенностью отличаются от других слов. Таким образом, их мотивированность ясна по сравнению с другими лексическими единицами, мотивированность которых забыта. Звукоподражания имеют постоянный и одинаковый состав для носителей определенного языка, например: *meow, mew-mew* ‘мяу’ (о кошке), *quack-quack* ‘кря-кря’ (об утке), *oink-oink* ‘хрю-хрю’ (о свинье) и т.д. Таким образом, звукоподражания обладают закрепленной семантикой и звуковой формой, следовательно, они способны выступать в языке как полноценные слова. Отметим, что А. Н. Тихонов имеет в виду только звукоподражания, уже вошедшие в систему, ставшие фактом языка. В свою очередь индивидуально-авторские новообразования, по его мнению, часто отражают лишь субъективное восприятие звуковых явлений самого их создателя [Там же, с. 124].

Известно, что текст (от лат. *textus* – сплетение, соединение) – это объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. Текст всегда следует определенным закономерностям своей организации.

Структура текста обусловлена не только его содержанием, но и типом, имеет два уровня: поверхностный и глубинный, причем оба уровня являются неотъемлемой частью любого текста.

Поверхностная структура текста определяется его формальными конституентами: лексическим и грамматическим наполнением, его синтаксисом, типом текстовой связности. Кроме того, воспринимая текст на поверхностном уровне, реципиент должен приобщать к получаемой информации собственные фоновые знания и в результате данной интеракции находить смысл сообщаемого.

Пожалуй, из всех типов текста наиболее сложной структурой отличается художественный текст. Это связано с его коммуникативными задачами, с одной стороны, и первичностью эстетической функции, с другой.

При создании эстетического художественного объекта важную роль играют те свойства языка, которые позволяют повысить художественную ценность и выразительность текста. Причем в процессе повествования должен отражаться смысл, заложенный в глубинной структуре и на уровне содержания, и на уровне языковой формы в соответствии с критериями художественности.

Рассуждая о тексте как функциональной единице языка, мы не можем не обратиться к особенностям функционирования лексических средств, формирующих его смысловую структуру, а именно к явлению лексической мотивации, к условиям актуализации мотивационных отношений в тексте.

Сущность явления мотивации составляют мотивационные отношения слов, реализующие один из видов системных связей в лексике – вид ассоциативной (Ф. де Соссюр), или эпидигматической связи, представляющей собой «третье измерение» (Д. Н. Шмелев). В отличие от парадигматических отношений слов, базирующихся на общности или различии одной из сторон слова – звуковой оболочки или лексического значения, эпидигматические отношения строятся на общности обеих сторон слова одновременно (*snow – snowdrop, snowdrift, snowflake; forest – forester; silver – silvery; fox ‘animal’ – fox ‘a cunning person’*). Своим названием явление мотивации обязано тому, что в итоге двусторонних соотношений слов выявляется объяснимость, мотивированность связи звучания и значения слова или отдельных ее компонентов. Под «мотивированностью принято понимать структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональную связь значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотнесенности» [11, с. 42].

Любое изучаемое явление характеризуется многими свойствами, аспектами, объективно ему присущими, и в отношении каждого из этих аспектов могут быть выделены различные типы. Что же касается интересующей нас категории мотивированности, то в современных лингвистических теориях исследуются разнообразные ее типы, а именно: фонетическая, морфологическая и семантическая [12, л. 23]. Объектом данного исследования является фонетическая, или естественная мотивированность, выраженная звуковыми средствами языка [11, с. 43].

Проведенный анализ фактического материала показывает, что звукоподражания, основанные на источнике звучания, исключительно разно-

образны и распределяются по трем основным классам – звукоподражания, обозначающие звуки, издаваемые человеком и животными, например, *ahchoo* ‘чихать’, *plod-plod* ‘стук копыт’, *me-yow* ‘мяу’ (75 %), звукоподражания, производимые предметами, например: *crunch* ‘скрипеть’, *splash* ‘брызгать’, *pit-a-pat* ‘легкий стук’ (15,5 %) и звукоподражания, издаваемые ветром, бурей *echo* ‘эхо’, *drip-drop* ‘звук падающих капель’ (9,5 %). Отметим, что подобная классификация способствует более углубленному изучению мотивации в эстетической функции [13; 14], связанной с особым характером работы сознания и мышления, с которыми соотносится язык художественной литературы.

В силу того, что внутренняя форма служит одним из ярких средств создания образности, мотивационные пары и мотивационные цепочки, по сравнению с отдельным словом, обладают большими возможностями в качестве слагаемых образной речи.

Образность создается за счет двухкомпонентных и многокомпонентных агломератов звукоподражательных единиц. Необходимо пояснить, что, по определению Л. А. Гороховой, «агломераты – это скопление звукоподражательных единиц, то есть наличие нескольких звукоподражательных единиц (двух и более) в небольшом фрагменте текста, объединенном общей мыслью» [5, с. 93].

Простейшие агломераты звукоподражательных единиц состоят из двух ономатопов и встречаются наиболее часто, например: *He accepted and we forced our way into the buffet where we **yelled, stamped** and waved our umbrellas for a quarter of an hour* [Ch, p. 78].

В ходе исследования нами были выделены многосоставные агломераты, состоящие из четырех и более ономатопов, например: *I kept my eye on the two young students and followed them. When they **tittered**, I **tittered**; when they **roared**, I **roared*** [L, p. 132]. Следующий контекст содержит пятисоставный агломерат: *“She boxed the Queen’s ears”, the Rabbit began. Alice **laughed** out loud. “Oh! **Hush!**, the Rabbit **whispered**. The Queen will hear you! You see she came rather late and the Queen said...”. “Get to your places!”, **shouted** the Queen in a voice of **thunder*** [H, p. 91]. Имеются также контексты, содержащие более пяти элементов: *...These other people also **tittered, roared** when the young men **roared**: as the two young men **tittered** and **roared** and exploded with **laughter** pretty continuously all through the song, it went exceedingly well* [Ch, 65, p. 80].

Помимо вышепредставленной классификации, основанной на количестве ономатопов, составляющих агломерат, также возможно их деление на гомогенные и гетерогенные [6, с. 115].

Вслед за Л. А. Гороховой [Там же], мы рассматриваем гомогенные агломераты как скопление однокоренных ономатопов, например: *And she **sniffed** her usual **sniff** of displeasure* [H, p. 93], в которых образность создается за счет попарного употребления разноразноструктурных мотиватов; а ге-

терогенные как скопление ономастов, не объединенных общим корнем, например: *It is the **voice** of my child! The White Queen **cried out** as she rushed past the King, so violently that she **knocked** him over among the cinders* [Н, р. 94].

Необходимо отметить, что агломераты ономастов несут в тексте самостоятельную функциональную нагрузку. В частности, гетерогенные двусоставные агломераты, наиболее часто встречающиеся в художественной литературе, могут служить для создания у читателя яркого психоакустического образа, для отражения градации звучания, привлечения внимания читателя к определенным индивидуальным особенностям героев, для изображения мыслительных операций и т.д.

Звуковые картины выражены с помощью звукоподражательных слов. Это единицы с абсолютной мотивированностью, которая создается при соотношении слова с внеязыковыми явлениями. Звуковые комплексы используются для передачи шумовых эффектов, звуков, издаваемых живыми и неживыми объектами: *The big bare house echoes as she goes up through it. And that “**He – ee – ee – ee**”, sings Enid, her voice thinning as it spreads through the sunwarmed cavern of the house* [D, р. 42]. Благодаря имитации звука эха, мы четко можем представить себе атмосферу пустынного дома, которую пытается передать автор.

Следующий пример содержит очень яркое звукоподражание, передающее скрежет металла в тормозящем поезде: *The sun is full in Nadine’s face. She shuts her eyes and leans back against the first-class seat. Just then the brakes cone on hard. There’s a harsh **whewee** of metal and a stink of asbestor as the force of the brakes pins her back to her seat. The carriage bucks and judders, then stops. There’s a second if silence. Everyone looks out of the windows. Someone starts to shut outside, a woman screams, “Oh, no. Oh, no. Oh, no”* [D, р. 115].

Обилие звукоподражаний порождает даже развитие дублетных синонимических рядов: *...On a windy night when snow was coming from the north my grandmother would put her finger to her lips and make us listen, and she’d whisper: “**Shh. Shh.** Can you hear her? Can you hear her calling?”* [D, р. 25].

Так, повторы *“**Dah-dah-dah-dah, daaah, dah, dah...** Oh, my God, he is singing. Not loudly, admittedly – but really intently”* [K, р. 92] напоминают пение, которое удачно передается с помощью мотивационных цепочек.

Далее представим пример, в котором автор с помощью графического выражения долготы звука подчеркивает эмоциональное настроение героини, всю глубину переживаний в день, когда был убит ее муж: *...and I wasn’t married. Girls these days wouldn’t believe how they used to talk to you when you weren’t married. I was a fool not to buy a ring from Woolworth’s and say my husband had been killed on **D-D-Day**. But I didn’t. I couldn’t be bothered, really* [D, р. 135].

Как видно из примеров, особая синтаксическая организация речи, отбор словесного материала по принципу равновесия и гармонии обуславливают специфику речи как эстетически значимого явления. Эстетическая функция,

следовательно, выступает средством увеличения эмоциональности, изобразительности речи. Выполняя ту или иную функцию, мотивационные пары слов способны связывать смысловые компоненты высказывания в единое целое как по линии формы, так и по линии содержания.

Таким образом, анализ звукоподражательных единиц, наблюдение за их употреблением в текстах показывают, что звуки, производимые людьми и животными, отличаются от звуков неживой природы. Первые являются сигналом мысли, эмоционального состояния человека или живого существа и поэтому целенаправлены. В то время как наименования, обозначающие звуки неживой природы, зависят от качеств и природных свойств источника звука, а также от характеристики среды, в которой звуки возникают.

Завершая представление проведенного исследования, следует отметить, что английский язык имеет тенденцию к использованию слуховых ощущений по сравнению со зрительными. Звук – это сигнал того или иного явления действительности, поэтому воспринимать звук сложнее, чем цвет. Ведь цвет предмета мы наблюдаем, как правило, на протяжении более или менее длительного времени, часто без ограничения этого периода. Звук нами воспринимается чаще всего в течение ограниченного отрезка времени. Все это обуславливает относительную субъективность слуховых ощущений, что находит отражение в звукоподражательной лексике и в языке художественной литературы.

Звукоподражания представляют собой особую категорию слов, имеющую специфические черты и могут служить базой для образования других частей речи. Адаптируясь в словообразовательной системе языка, онома топы, как и другие элементы лексической системы, оформляются по законам определенного языка. В стилистическом отношении звукоподражательные слова характеризуются разговорной, иногда даже просторечной окраской, в результате чего практически не употребляются в официально-деловом стиле литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 683 с.
2. Воронин, С. В. Английские онома топы : Фоносемантическая классификация / С. В. Воронин. – СПб. : Геликон Плюс, 2004. – 328 с.
3. Воронин, С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании / С. В. Воронин. – Л. : ЛГУ, 1990. – 200 с.
4. Каторова, А. А. Сопоставительный анализ звукоподражательных единиц в русском, английском и итальянском языках / А. А. Каторова // Язык и текст. – 2015. – Т. 2. – № 3. – С. 59–68.
5. Горохова, Л. А. Семантико-прагматические и социолингвистические особенности функционирования онома топов в текстах : дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Горохова. – Пятигорск : ПГЛУ, 1998. – 220 л.

6. *Горохова, Л. А.* О некоторых закономерностях перевода ономастопов в зависимости от функции, выполняемой ими в тексте / Л. А. Горохова // Лингвистика. Перевод, межкультурная коммуникация. – 2000. – № 2. – С. 110–120.
7. *Меграбова, Э. Г.* Некоторые аспекты комплексного анализа ономастопов английского языка / Э. Г. Меграбова. – Владивосток : ДВГУ, 1999. – 87 с.
8. *Фатюхин, В. В.* Особенности перевода звукоподражаний и междометных глаголов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Фатюхин. – М. : МПУ, 2000. – 24 с.
9. *Ведина, Т. И.* Введение в языкознание / Т. И. Ведина. – М. : Просвещение, 2001. – 288 с.
10. *Тихонов, А. Н.* Междометия и звукоподражания – слова? / А. Н. Тихонов // Русская речь. – № 5. – М. : Наука, 1981. – С. 122–134.
11. *Блинова, О. И.* Русская мотивология : учеб.-методич. пособие / О. И. Блинова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2005. – 68 с.
12. *Крот, Л. Г.* Мотивированность лексических единиц и структура лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – Л. Г. Крот. – Минск : МГЛУ, 2002. – 105 л.
13. *Крот, Л. Г.* Особенности функциональной направленности мотивационно связанных слов / Л. Г. Крот // Вестн. МГЛУ. – Сер. 1, Филология. – № 4 (29). – 2007. – С. 37–45.
14. *Крот, Л. Г.* Эстетическая функция мотивации в художественном тексте / Л. Г. Крот // Вестн. МГЛУ. – Сер. 1, Филология. – № 3(94). – 2018. – С. 98–104.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Ch – *Chandler, R.* Playback / R. Chandler. – М. : Arcade Publishing, 2006. – 120 p.
- H – *Henry, O.* Cabbages and Kings / O. Henry. – М. : ABC-classics, 2007. – 137 p.
- L – *London, J.* The Little Lady of the Big House. A Daughter of the Snows / J. London. – М., 1993. – 528 p.
- D – *Dunmore, H.* Burning bright / H. Dunmore. – Clay Ltd., St. Ives plc., 1994. – 263 p.
- K – *Kinsella, S.* Confessions of a shopaholic / S. Kinsella. – London: Black Swan, 2000. – 317 p.

The present paper is focused on the study of the function of onomatopoeic units as a means of creating imagery in literary texts. The article presents agglomerates of onomatopoeic units based on the number of onomatopes, and reveals their division into homogenous and heterogenous.

On the basis of the analysis conducted, we come to the conclusion about the role of onomatopoeia in the realization of the aesthetic function of the literary text.

Поступила в редакцию 08.06.2020

РОМАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Авторы статьи анализируют влияние романских языков на формирование лексического состава английского языка. Устанавливается процентное соотношение заимствований из латинского, французского, итальянского и испанского языков, а также предлагается их классификация в рамках лексико-семантических групп. Обосновывается понятие латино-французских дублетов и определяются критерии, при которых возможно сосуществование романского заимствования с исконно английской лексической единицей.

По версии сайта *Global Language Monitor* [1] лексический состав современного английского языка включает 1 057 379 слов. Из них 195 095 французских ($\approx 18\%$), 112 555 итальянских ($\approx 11\%$), 105 051 латинских ($\approx 10\%$) и 97 547 испанских ($\approx 9\%$) заимствований. Заимствования из других романских языков составляют 24 117 слов ($\approx 2\%$).

В английском языке насчитывается 750 365 заимствований, или 71 % от всего лексического состава. Из них $\approx 26\%$ слов – из французского, $\approx 15\%$ – итальянского, $\approx 14\%$ – латинского и $\approx 13\%$ – испанского языков.

В ходе анализа лексических единиц, отобранных методом сплошной выборки из электронной версии этимологического словаря современного английского языка *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology* [2], установлено, что среди латинских элементов в английском языке выделяются три слоя лексем, которые отличаются между собой временем заимствования. Первый сформировался до V в. н. э. К нему относятся следующие лексические единицы:

- единицы измерения (*pound* ‘фунт’, *ounce* ‘унция’, *inch* ‘дюйм’, *toll* ‘пошлина’, *mile* ‘миля’ и др.);
- торговля (*wine* ‘вино’, *fishmonger* ‘продавец рыбы’, *ironmonger* ‘продавец скобяных товаров’, *costermonger* ‘разносчик’ и др.);
- продукты питания (*pepper* ‘перец’, *butter* ‘масло’, *cheese* – ‘сыр’ и др.);
- растения и деревья (*plant* ‘растение’, *apple* ‘яблоко’, *peach* ‘персик’, *pear* ‘груша’, *plum* ‘слива’, *cherry* ‘вишня’, *radish* ‘редька’, *beet* ‘свекла’, *turnip* ‘репа’, *peas* ‘горох’, *pine* ‘сосна’, *poppy* ‘мак’ и др.);
- предметы домашнего обихода (*kettle* ‘чайник’, *dish* ‘блюдо’, *chest* ‘сундук’, *cup* ‘чашка’, *linen* ‘белье’, *line* ‘веревка’, *belt* ‘пояс’, *sac* ‘мешок’, *sock* ‘носок’ и др.);
- строительство (*street* ‘улица’, *camp* ‘лагерь’, *colony* ‘колония’, *chester* ‘крепость’, *wall* ‘стена’, *mill* ‘мельница’, *chalk* ‘мел’, *pitch* ‘смола’, *tile* ‘черепица’, *kiln* ‘печь’, *pile* ‘свая’, *pit* ‘яма’ и др.);
- названия городов (*Colchester*, *Lincoln*, *Manchester*, *Chester*, *Winchester*, *Stratford on Avon*, *Foss Brooke*, *Fossway*, *Greenwich*, *Woolwich*, *Norwich*, *Warwick*, *Warwickshire* и др.);
- животные (*mule* ‘мул’, *dragon* ‘дракон’, *peacock* ‘павлин’, *elephant* ‘слон’, *oyster* ‘устрица’, *turtle* ‘черепаха’ и др.).

Ко второму слою можно отнести слова, которые заимствовались в VI–VII в. в. н. э. В этот период латинские проповедники принесли в Англию христианство, а вместе с ним и церковный язык, что оказало сильное влияние на культуру англосаксов. Соответственно, слова в основном заимствовались в следующих областях:

– религия (*apostol* ‘апостол’, *abbot* ‘аббат’, *angel* ‘ангел’, *cleric* ‘духовное лицо’, *nun* ‘монахиня’, *bishop* ‘епископ’, *priest* ‘священник’, *monk* ‘монах’, *shrine* ‘святыня’, *candle* ‘свеча’, *minster (mynster)* ‘монастырь’), а также такие имена собственные, как *Westminster* ‘западный монастырь’, *Eastminster* ‘восточный монастырь’ и др.);

– образование (*school* ‘школа’, *master* ‘учитель’, *canon* ‘правило’, *chronical* ‘хроника’, *grammar* ‘грамматика’, *note* ‘отметка’, *notary* ‘нотариус’ (изначально ‘переписчик’), *verse* ‘стихотворение’, *paper* ‘бумага’, *philosopher* ‘философ’, *term* ‘срок’, *title* ‘надпись’ и др.);

а также:

– животные (*camel* ‘верблюд’, *cancer* ‘рак’, *fenix* ‘феникс’, *leopard* ‘леопард’, *lobster* ‘лобстер’ и др.);

– музыка и искусство (*anthem* ‘гимн’, *chorus* ‘хор’, *fiddle* ‘скрипка’, *theatre* ‘театр’, *talent* ‘талант’ и др.);

– строительство и архитектура (*marble* ‘мрамор’, *place* ‘место’, *temple* ‘храм’ и др.).

Третий слой латинизмов формировался в XIV–XVI в. в. в эпоху Возрождения. В это время латинские слова входили в английский язык, когда в нем уже существовали однокоренные французские заимствования, восходящие к раннесредневековой народной латыни на территории Галлии. Они в той или иной степени различались в своих значениях и образовывали в английском языке латино-французские дублеты. Примерами данного явления могут служить следующие пары слов: *poor* ‘бедный’ (фр) – *pauper* ‘нищий’ (лат), *feat* ‘подвиг’ (фр) – *fact* ‘факт’ (лат), *strait* ‘узкий’ (фр) – *strict* ‘строгий’ (лат), *poison* ‘яд’ (фр) – *potion* ‘напиток’ (лат), *ray* ‘луч’ (фр) – *radius* ‘радиус’ (лат) и др.

Заимствования также появлялись из книг. В основном это были глаголы и прилагательные, а также отдельные существительные, которые принадлежали разнообразным сферам жизнедеятельности человека:

– существительные (*magnanimity* ‘великодушие’, *medium* ‘среда’, *memory* ‘память’, *locution* ‘оборот речи’, *vortex* ‘водоворот’ и др.);

– глаголы (*to illustrate* ‘разъяснять’, *to abhor* ‘испытывать отвращение’, *to absolve* ‘прощать’, *to add* ‘добавлять’, *to select* ‘выбирать’, *to hesitate* ‘колебаться’, *to collide* ‘сталкиваться’, *to act* ‘действовать’, *to discriminate* ‘различать’, *to accumulate* ‘собирать’, *to decorate* ‘украшать’, *to calculate* ‘считать’, *to indicate* ‘указывать’, *to aggravate* ‘усугублять’, *to attract* ‘притягивать’, *to create* ‘создавать’, *to accommodate* ‘приспосабливать’, *to graduate* ‘закончить образование’, *to participate* ‘участвовать’, *to appreciate* ‘ценить’, *to connect* ‘связывать’, *to protect* ‘защищать’, *to direct* ‘направлять’, *to collect* ‘собирать’, *to collapse* ‘рушиться’, *to expel* ‘выгонять’, *to divide*

‘разделять’, *to content* ‘содержать’, *to commit* ‘совершить’, *to produce* ‘производить’, *to estimate* ‘оценивать’, *to persecute* ‘преследовать’, *to congratulate* ‘поздравлять’ и др.);

– прилагательные (*manual* ‘ручной’, *accurate* ‘точный’, *obvious* ‘очевидный’, *annual* ‘ежегодный’, *continuous* ‘длительный’, *frigid* ‘холодный’, *cordial* ‘сердечный’, *lunar* ‘лунный’, *dental* ‘зубной’, *efficient* ‘эффективный’, *finite* ‘имеющий предел’, *stellar* ‘звездный’, *igneous* ‘огненный’, *latent* ‘скрытый’, *jovial* ‘веселый’, *neutral* ‘нейтральный’, *solar* ‘солнечный’, *morbid* ‘болезненный’, *tremendous* ‘очевидный’, *absent* ‘отсутствующий’, *correct* ‘правильный’, *separate* ‘отдельный’, *legal* ‘законный’ и др.).

Латинские слова продолжали пополнять словарь английского языка и после окончания третьего периода в XIX и XX вв. Однако практически все они относятся к терминологии. Некоторые из них при переходе полностью сохранили свою форму. К заимствованиям этого времени относятся следующие лексемы: *detection* ‘детектирование’, *to emit* ‘излучать’, *oscillation* ‘колебание’, *optimum* ‘оптимум’, *quantum* ‘сумма’, *ratio* ‘пропорция’, *alibi* ‘алиби’, *bonus* ‘премия’, *dictum* ‘изречение’, *formula* ‘формула’, *minimum* ‘минимум’, *stimulus* ‘стимул’, *superior* ‘вышестоящий’.

Отдельные заимствования этого времени можно отнести к областям науки:

– медицина (*anemia* ‘анемия’, *appendicitis* ‘аппендицит’, *bronchitis* ‘бронхит’, *podiatry* ‘педиатрия’, *oncology* ‘онкология’, *aspirin* ‘аспирин’, *antibiotics* ‘антибиотики’ и др.);

– физика (*atom* ‘атом’, *the quantum* ‘квант’, *theory* ‘теория’, *energy* ‘энергия’ и др.);

– техника (*radiator* ‘радиатор’, *transmission* ‘передача’, *engine* ‘двигатель’, *airplane* ‘аэроплан’, *hydroplane* ‘гидроплан’, *frequency* ‘частота’, *antenna* ‘антенна’, *radio* ‘радио’ и др.).

Таким образом, значительная часть заимствованных романских слов в английском языке приходится на слова латинского происхождения, которые можно классифицировать в рамках следующих лексико-семантических групп (рис. 1):

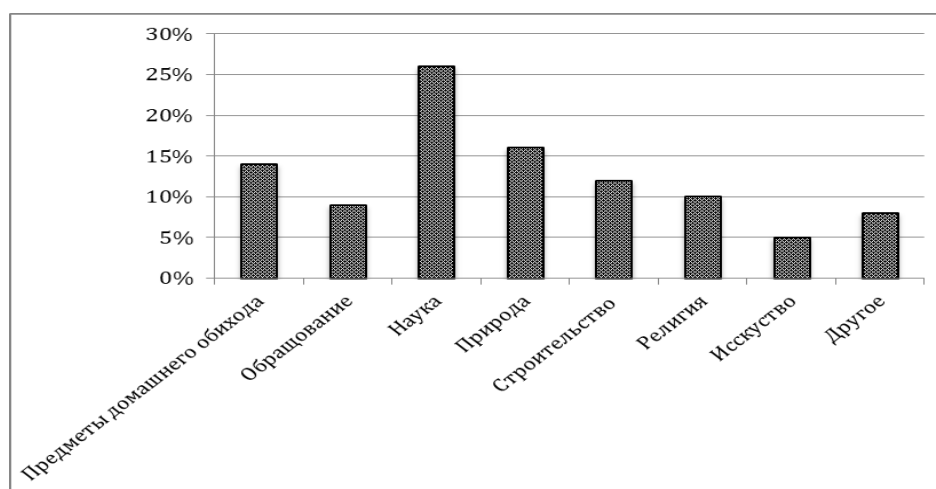

Рис. 1. Распределение латинских заимствований по семантическим группам

Как видно из диаграммы, среди латинских заимствований в английском языке преобладают лексемы, которые относятся к сферам науки, природы, предметов домашнего обихода, строительства.

Французские заимствования в английском языке можно классифицировать следующим образом:

– политика, управление государством и судебная система (*government* ‘правительство’, *judge* ‘судья’, *sentence* ‘приговор’, *court* ‘суд’, *justice* ‘справедливость’, *crime* ‘преступление’, *to accuse* ‘обвинять’, *jail* ‘темница’, *prison* ‘тюрьма’, *client* ‘подзащитный’, *defendant* ‘ответчик’, *attorney* ‘адвокат’, *feudal* ‘феодалный’, *state* ‘государство’, *parliament* ‘парламент’, *authority* ‘власть’, *liberty* ‘свобода’, *power* ‘сила’, *glory* ‘слава’, *danger* ‘опасность’, *nation* ‘нация’, *property* ‘собственность’, *police* ‘полиция’, *palace* ‘дворец’, *castle* ‘замок’, *society* ‘общество’, *aristocracy* ‘аристократия’, *democracy* ‘демократия’, *republic* ‘республика’, *regime* ‘режим’, *bourgeois* ‘буржуазия’, *ideology* ‘идеология’ и др.);

– социальные отношения (*prince* ‘принц’, *duke* ‘герцог’, *duchess* ‘герцогиня’, *baron* ‘барон’, *vassal* ‘вассал’, *noble* ‘дворянин’, *peasant* ‘крестьянин’, *sir* ‘сэр’, *madame* ‘мадам’, *to rule* ‘править’, *to serve* ‘служить’, *to command* ‘приказывать’, *to obey* ‘подчиняться’ и др.);

– армия и военный быт (*army* ‘армия’, *siege* ‘осада’, *victory* ‘победа’, *regiment* ‘полк’, *war* ‘война’, *peace* ‘мир’, *navy* ‘флот’, *soldier* ‘солдат’, *captain* ‘капитан’, *battle* ‘битва’, *enemy* ‘враг’, *defense* ‘защита’, *resistance* ‘противостояние’, *to destroy* ‘уничтожать’, *troops* ‘войска’, *battalion* ‘батальон’, *brigade* ‘бригада’, *cadet* ‘кадет’, *rocket* ‘ракета’, *barricade* ‘баррикада’, *barracks* ‘казармы’ и др.);

– торговля и общественная деятельность (*money* ‘деньги’, *merchant* ‘торговец’, *purchase* ‘покупка’, *value* ‘стоимость’, *profession* ‘профессия’, *commerce* ‘коммерция’, *manufacture* ‘производство’, *economy* ‘экономика’ и др.);

– наука и искусство (*art* ‘искусство’, *doctor* ‘доктор’, *medicine* ‘медицина’, *science* ‘наука’, *artist* ‘художник’, *ballet* ‘балет’, *baroque* ‘барокко’, *memoir* ‘мемуары’, *essay* ‘эссе’, *cartoon* ‘мультфильм’ и др.);

– быт и нравы (*pleasure* ‘удовольствие’, *fashion* ‘мода’, *present* ‘настоящее’, *dainty* ‘лакомство’, *feast* ‘пир’ и др.);

– религия и церковь (*religion* ‘религия’, *saint* ‘святой’, *to pray* ‘молиться’, *chapel* ‘часовня’ и др.);

– абстрактные понятия (*despair* ‘отчаяние’, *imagination* ‘воображение’, *chivalry* ‘рыцарство’ и др.);

– география (*country* ‘страна’, *coast* ‘побережье’, *river* ‘река’, *valley* ‘долина’, *lake* ‘озеро’, *mountain* ‘гора’, *village* ‘деревня’, *border* ‘граница’, *frontier* ‘рубеж’, *autumn* ‘осень’ и др.);

– семейные отношения (*parent* ‘родитель’, *cousin* ‘двоюродный брат/сестра’, *aunt* ‘тетя’, *uncle* ‘дядя’, *niece* ‘племянница’, *nephew* ‘племянник’ и др.);

– единицы времени (*hour* ‘час’, *minute* ‘минута’, *second* ‘секунда’ и др.);
– профессии (*barber* ‘парикмахер’, *carpenter* ‘плотник’, *butcher* ‘мясник’, *broker* ‘брокер’, *merchant* ‘торговец’, *painter* ‘художник’, *tailor* ‘портной’, *surgeon* ‘хирург’ и др.);

– продукты питания и кухня (*dinner* ‘ужин’, *supper* ‘поздний ужин’, *flour* ‘мука’, *sugar* ‘сахар’, *salad* ‘салат’, *juice* ‘сок’, *cabbage* ‘капуста’, *onion* ‘лук’, *cucumber* ‘огурец’, *biscuit* ‘печенье’, *cuisine* ‘кулинария’, *pastry* ‘кондитерские изделия’, *champagne* ‘шампанское’, *cutlet* ‘котлета’, *picnic* ‘пикник’, *canteen* ‘столовая’, *menu* ‘меню’, *restaurant* ‘ресторан’, *to boil* ‘варить’, *to broil* ‘запекать’, *to fry* ‘жарить’, *to roast* ‘прожарить’, *to mince* ‘крошить’, *to dine* ‘обедать’ и др.);

– одежда и предметы домашнего обихода (*coat* ‘пальто’, *cloak* ‘плащ’, *frock* ‘сюртук’, *garment* ‘одеяние’, *gown* ‘халат’, *fur* ‘мех’, *jewel* ‘украшение’, *button* ‘пуговица’, *mirror* ‘зеркало’, *carpet* ‘ковер’, *curtain* ‘штора’, *blanket* ‘одеяло’, *table* ‘стол’, *chair* ‘стул’, *pen* ‘ручка’, *pencil* ‘карандаш’ и др.);

– эмоциональное состояние (*ease* ‘легкость’, *joy* ‘радость’, *delight* ‘восторг’, *comfort* ‘комфорт’, *honour* ‘честь’, *grief* ‘скорбь’, *passion* ‘страсть’, *courage* ‘храбрость’, *to enjoy* ‘наслаждаться’ и др.).

Наибольшее число французских заимствований относится к существительным, далее следуют глаголы и прилагательные:

– существительные (*cattle* ‘рогатый скот’, *age* ‘возраст’, *exercise* ‘упражнение’, *affair* ‘событие’, *action* ‘действие’, *baggage* ‘багаж’, *branch* ‘ветка’, *chance* ‘шанс’, *difference* ‘разница’, *error* ‘ошибка’, *example* ‘пример’, *face* ‘лицо’, *marriage* ‘брак’, *experience* ‘опыт’, *language* ‘язык’, *question* ‘вопрос’, *air* ‘воздух’, *company* ‘компания’, *beauty* ‘красота’, и др.);

– глаголы (*to deny* ‘отрицать’, *to finish* ‘заканчивать’, *to achieve* ‘достигать’, *to attend* ‘посещать’, *to blame* ‘обвинять’, *to catch* ‘ловить’, *to cover* ‘покрывать’, *to demand* ‘требовать’, *to deserve* ‘заслуживать’, *to consider* ‘рассуждать’, *to enter* ‘входить’, *to increase* ‘увеличивать’, *to refuse* ‘отказываться’, *to arrive* ‘прибывать’, *to suffer* ‘страдать’, *to travel* ‘путешествовать’, *to approve* ‘одобрять’ и др.);

– прилагательные (*able* ‘способный’, *ancient* ‘древний’, *brief* ‘краткий’, *clear* ‘ясный’, *considerable* ‘значительный’, *different* ‘другой’, *difficult* ‘трудный’, *familiar* ‘знакомый’, *famous* ‘знаменитый’, *foreign* ‘иностранный’, *poor* ‘бедный’ и др.).

В современном английском языке заимствованная из французского языка и исконно английская лексемы часто сосуществуют – каждая со своим оттенком значения:

– для обозначения животного используется английская единица, а при указании на мясо в ситуации употребления пищи из этого животного – французская (*ox* ‘бык’ и *beef* ‘говядина’; *pig* ‘свинья’ и *pork* ‘свинина’; *sheep* ‘баран’ и *mutton* ‘баранина’ и др.);

– английское слово имеет более конкретное значение, а его французский синоним более абстрактное (*work* ‘работа’ и *labour* ‘труд’; *life* ‘жизнь’ и *existence* ‘существование’ и др.);

– значение английской лексемы отличается интенсивностью своего проявления (*to weep* ‘рыдать’ по сравнению с французским *to cry* ‘плакать’ выражает большую степень горя);

– английская и французская лексемы стилистически неоднородны (*to begin* и *to commence* ‘начинать’; *to go on* и *to continue* ‘продолжать’; *to understand* и *to comprehend* ‘понимать’) [3, с. 89].

Следует отметить, что многие французские слова дополнили список не только английской, но и интернациональной лексики (*toilet* ‘туалет’, *hotel* ‘отель’, *delicate* ‘деликатный’ и др.), что указывает на способность этого романского языка к быстрой адаптации к нормам заимствующих языков.

Таким образом, французские заимствования характерны для следующих сфер использования английского языка: политика и судебная система, армия и военный быт, кухня, социальные отношения, наука и искусство, быт и нравы, география и др.

Наглядно их процентное соотношение может быть представлено следующим образом (рис. 2).

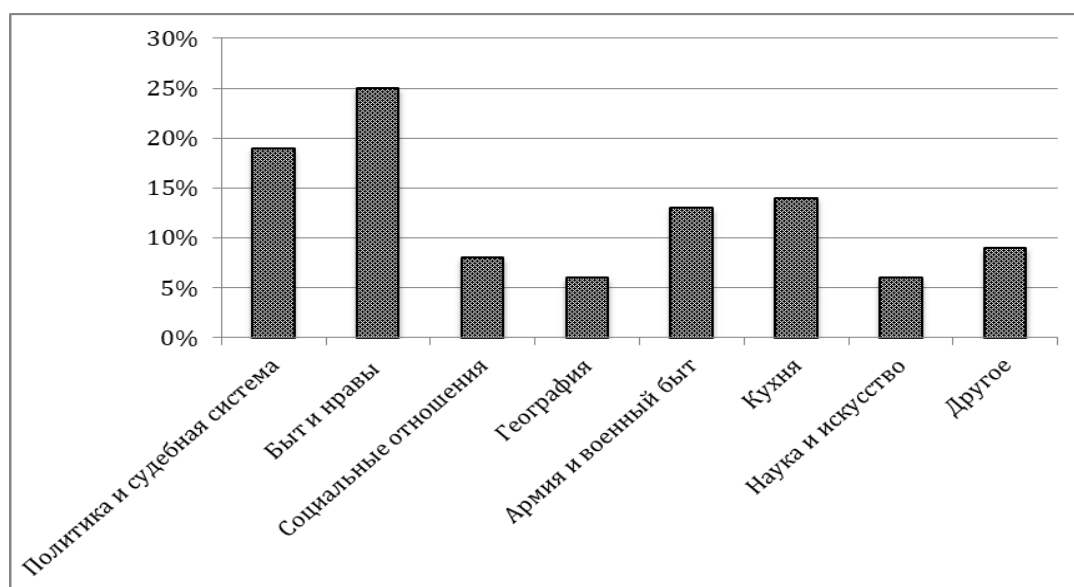

Рис. 2. Распределение французских заимствований по семантическим группам

Результатом международных контактов жителей Англии, Испании и Италии стали испанские и итальянские заимствования в английском языке. Их характерной чертой является сохранение в большинстве случаев первичных значений.

Заимствованные итальянские слова относятся к следующим сферам:

- торговля (*ducat* ‘монета, дукат’, *million* ‘миллион’, *lombard* ‘ломбард’);
- военное дело (*alarm* ‘тревога’, *brigand* ‘бандит’, *bark* ‘барка’, *battalion* ‘батальон’, *squadron* ‘эскадрон’, *citadel* ‘цитадель’, *pistol* ‘пистолет’ и др.);
- экономика (*bank* ‘банк’, *carat* ‘карат’, *porcelain* ‘фарфор’, *contraband* ‘контрабанда’, *bankrupt* ‘банкрот’, *soldo* ‘сольдо’ и др.);

– искусство (*sonnet* ‘сонет’, *stanza* ‘строфа’, *motto* ‘эпиграф’, *model* ‘модель’, *miniature* ‘миниатюра’, *madonna* ‘мадонна’, *fresco* ‘фреска’, *cameo* ‘камея’, *studio* ‘ателье’, *intaglio* ‘инталия’; *canto* ‘напев’ и др.);

– музыка и музыкальные инструменты (*adagio* ‘адажио’, *allegro* ‘аллегро’, *alto* ‘альт’, *aria* ‘ария’, *arpeggio* ‘арпеджио’, *baritone* ‘баритон’, *basso* ‘бас’, *catabile* ‘кантабиле’, *cantata* ‘кантата’, *cavatina* ‘каватина’, *contrabass* ‘контрабас’, *contralto* ‘контральто’, *fantasia* ‘попурри’, *falsetto* ‘фальцет’, *finale* ‘финал’, *impresario* ‘импресарио’, *intermezzo* ‘интермедия’, *legato* ‘легато’, *mandolin* ‘мандолина’, *trombone* ‘тромбон’, *cymbalo* ‘цимбалы’, *violin* ‘скрипка’, *violoncello* ‘виолончель’, *piano* ‘фортепиано’ и др.);

– природные явления (*volcano* ‘вулкан’, *lava* ‘лава’ и др.);

– другие слова (*traffic* ‘движение транспорта’, *fascism* ‘фашизм’, *pasta* ‘макароны’, *paparazzi* ‘папарацци’, *mafia* ‘мафия’, *casino* ‘казино’, *cicerone* ‘проводник’, *gondola* ‘гондола’ и др.).

Наглядно процентное соотношение итальянских заимствований в английском языке представлено на рис. 3.

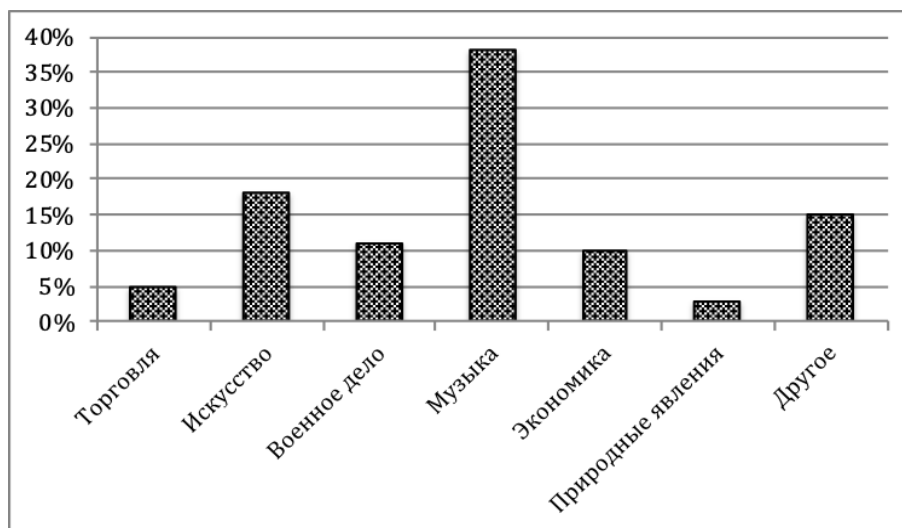

Рис. 3. Распределение итальянских заимствований по семантическим группам

Заимствованные испанские лексические единицы условно можно распределить по следующим классам:

– торговля (*cask* ‘бочонок’, *sherry* ‘херес’, *cargo* ‘груз, товар’, *embargo* ‘эмбарго’ и др.);

– кухня (*marinade* ‘маринад’, *caramel* ‘карамель’, *banana* ‘банан’ и др.);

– политика и военное дело (*grenade* ‘граната’, *escalade* ‘штурм’, *guerilla* ‘повстанец’, *renegade* ‘изменник’, *bravado* ‘бравада’, *armada* ‘армада’, *parade* ‘парад’, *flotilla* ‘флотилия’ и др.);

– музыка и искусство (*guitar* ‘гитара’, *castanet* ‘кастаньеты’, *picador* ‘пикадор’, *toreador* ‘тореадор’, *matador* ‘матадор’, *quadrille* ‘кадриль’, *tango* ‘танго’, *rumba* ‘румба’, *zenith* ‘кульминация’ и др.)

- природа (*mosquito* ‘комар’, *alligator* ‘аллигатор’, *mustang* ‘мустанг’ и др.);
- титулы (*infanta* ‘инфанта’, *don* ‘дон’, *hidalgo* ‘идальго’, *duenna* ‘дуэнья’ и др.);
- другие (*escapade* ‘эскапада’, *cotton* ‘хлопок’, *mulatto* ‘мулат’, *bolero* ‘болеро’, *cigar* ‘сигара’, *cigarette* ‘сигарета’, *lasso* ‘лассо’, *macho* ‘мужественный’, *amigo* ‘амиго, друг’, *gringo* ‘гринго’, *ham mock* ‘гамак’ и др.).

Процентное соотношение испанских заимствований в английском языке отражено на рис. 4.

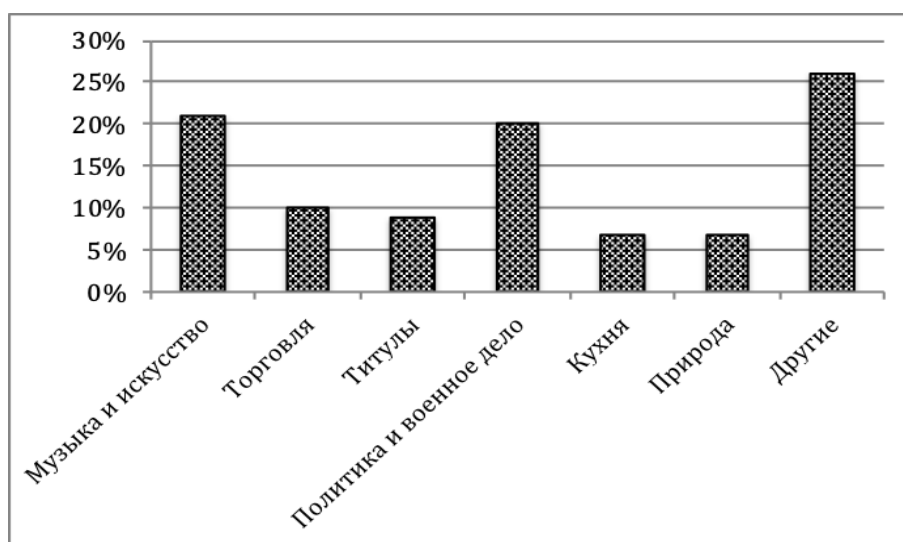

Рис. 4. Распределение испанских заимствований по семантическим группам

Как следует из рис. 3 и 4, наибольшее число итальянских заимствований пополнили сферы музыки и искусства; испанские заимствования в основном представлены в областях музыки и искусства, политики и военного дела.

Таким образом, проведенный анализ данных этимологического словаря показал, что наибольшее влияние на формирование словаря современного английского языка оказали французские заимствования: на них приходится пятая часть всего лексического состава. Далее следуют латинский, итальянский и испанский языки. Слова, заимствованные из французского, латинского, итальянского и испанского языков, составляют в общей сложности более половины всех заимствований в английском языке и почти половину всего словарного состава английского языка.

Среди латинских заимствований в английском языке преобладают слова, относящиеся к областям науки. Латинские слова также активно используются при обозначении предметов домашнего обихода. Французские заимствования преобладают в бытовой лексике и при описании нравов, в политике, судебной системе, а также в словаре английской кухни. Больше всего итальянских и испанских лексических единиц встречаются в музыке и искусстве, политике, военном деле, экономике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Number of words in english / Global Language Monitor [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access : <https://languagemonitor.com>. – Date of access : 30.03.2020.
2. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology [Electronic resource] / Hoad T. F. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – Mode of access : <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780192830982.001.0001/acref-9780192830982>. – Date of access : 03.04.2020.
3. Бейнинсон, Е. Г. К вопросу о периодизации истории развития английского языка / Е. Г. Бейнинсон // Науч. вестн. Южного ин-та менеджмента. – Краснодар, 2015. – С. 87–92.

Our analysis has indicated that Romanic languages had a great impact on building English vocabulary. French borrowings are used to denote the terminology related to custom, culinary delicacies, political and legal notions. The greatest number of Latin borrowings can be found in the fields of science and construction. At the same time, Latin words are used to denote household items. Italian and Spanish borrowings are mainly used in music, art, politics, military matters and economy.

Поступила в редакцию 19.06.2020

Н. В. Курбаленко

О МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ

(на примере каузативности, модальности и императивности)

При установлении межкатегориальных связей либо избирается определенный тип высказывания и затем изучаются реализуемые в нем взаимосвязанные категории, либо описание межкатегориальных связей осуществляется на основе определенной, как правило, базовой категории и ее отношений с другими категориями. На наш взгляд, межкатегориальные связи можно выявить также путем сопоставления оригинала и его перевода на другой язык, поскольку выбор соответствия переводимой единице обусловлен не только эрудицией и лингвистическими способностями автора перевода, но и языковой системой. Анализ перевода инфинитивных конструкций с немецким глаголом *lassen* на белорусский язык показывает, как тесно взаимодействуют категории каузативности, модальности и императивности.

Каузативность представляет собой чрезвычайно сложное явление как в силу собственной природы, так и из-за своей сопряженности с целым рядом других языковых категорий. Описания каузативности характеризуются разным терминологическим аппаратом (*каузация*, *каузативность* и *каузальность*), что свидетельствует о неоднородности данной категории и о трудностях в определении ее сущности. Четкая грань между выше названными терминами затушевывается тем, что разные типы причинных отношений часто имеют одни и те же формы языкового выражения и объединяются в общую категорию каузативности у одних исследователей (В. П. Недялков,

Г. Г. Сильницкий [1] и др.), в общую категорию каузальности у других (А. П. Комаров [2], Р. М. Теремова [3] и др.) или подразделяются на две категории у третьих (В. Ф. Веливченко [4] и др.). Имеется концепция, согласно которой данные понятия интерпретируются как родо-видовые обозначения причинно-следственных отношений, при этом каузация является наиболее обобщенным, родовым, понятием, объединяющим две качественные разновидности: каузальность как причинение через обусловленность и каузативность как причинение через побуждение [4, с. 6].

Трудность описания категории модальности заключается в том, что вследствие сложности и многоаспектности этого понятия ему сложно дать достаточно емкое определение, которое отражало бы по крайней мере основные из заключенных в нем значений. Наиболее общим определением понятия языковой модальности могло бы быть ее рассмотрение в качестве категории, выражающей отношение содержания высказывания (или действия) к действительности. Развернутое определение включает, как правило, следующие три значения: 1) отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего; 2) отношение говорящего к содержанию высказывания; 3) отношение субъекта действия к действию. Последний план модальности представляется особенно важным, так как основным средством выражения этого аспекта модальности являются модальные глаголы.

Согласно имеющимся подходам к определению побудительности данная категория рассматривается как подкатегория модальности или как самостоятельная категория (В. В. Рябенко [5], О. Г. Овчинникова [6] и др.), подразделяющаяся на императивность и каузативность. По мнению В. В. Рябенко, побудительность в широком смысле – это функционально-семантическая категория со значением побуждения к действию как со стороны говорящего, так и со стороны субъекта предложения, при этом императивность обозначает побуждение к действию со стороны говорящего и выражается формами морфологического императива и его синонимами, а каузативность обозначает побуждение к действию со стороны субъекта предложения и выражается каузативными глаголами и конструкциями [5, с. 185–186].

Цель данной работы состоит в установлении межкатегориальных связей каузативности, модальности и императивности на примере немецкого глагола *lassen* и возможности его перевода на белорусский язык.

Сочетания глагола *lassen* с инфинитивом являются ярким примером взаимодействия выше упомянутых категорий. В каузативных конструкциях (КК) с глаголом *lassen* значение собственно побуждения к действию (фактивная каузация) и значение допущения действия (пермиссивная каузация) оказываются совмещенными и актуализуются в зависимости от семантики компонентов КК и условий контекста.

Оппозиция фактивность/пермиссивность строится на причинной обусловленности различной степени, которая может иметь характер необходимости и возможности. В этом случае глагол *lassen* сопоставим с модальными глаголами, являющимися лексическим средством выражения модаль-

ности. Он может передавать возможность, при наличии разрешения, как глагол *dürfen*, а также необходимость, как глагол *sollen*. Объединяет все три глагола то, что и возможность, и необходимость обусловлены волеизъявлением другого лица. Различие заключается в том, что при глаголах *dürfen* и *sollen* субъектом предложения всегда является лицо, использующее предоставляемую ему возможность (разрешение) или выполняющее чье-то требование, трактуемое им как необходимость, в то время как само лицо, требующее или разрешающее, в предложении не называется. При использовании глагола *lassen*, наоборот, в качестве субъекта предложения фигурирует требующий или разрешающий, в то время как тот, от кого требуется или кому позволено что-то сделать, выступает в предложении в качестве объекта. В результате одна и та же ситуация действительности в зависимости от выбранного глагола может быть представлена по-разному: в случае с *sollen* и *dürfen* в центре внимания оказывается исполнитель действия, а в случае с *lassen* – его инициатор, ср.: *Ich sollte/ durfte gehen – Er ließ mich gehen*.

В семантическом отношении предложение отображает определенный отрезок реальной действительности, вычленяемый говорящим из континуума объективных явлений путем «наложения» на него некоторой дискретной семантической модели, которую Г. Г. Сильницкий называет ситуацией [7]. Она представляет собой обобщенное отображение ситуативного референта и всегда является упрощением последнего. Один и тот же отрезок объективной действительности может служить референтом нескольких различных ситуаций, отображающих его с различных точек зрения. С другой стороны, каждая ситуация может отображать свой референт с различной степенью точности.

Использование глагола *lassen* открывает гораздо более широкие возможности для отражения той или иной ситуации, чем употребление модальных глаголов *sollen* и *dürfen*, поскольку *lassen* сочетается как с одушевленными, так и с неодушевленными субъектом и объектом каузации:

1) одушевленный субъект и одушевленный объект: ... *wir lassen ihn [Harry] seinen Weg allein weitergehen* [8];

2) одушевленный субъект и неодушевленный объект: *Cipolla ... ließ von Zeit zu Zeit, halb rückwärts, die Peitsche gegen einen Zappler pfeifen...* [9];

3) неодушевленный субъект и одушевленный объект: ... *eine unruhige, von schwülen Träumen gefährdete Nacht ließ es ihn [den Baron] bald bereuen, die Minuten nicht mit hartem Griff gepackt zu haben* [10];

4) неодушевленный субъект и неодушевленный объект: ... *die [die heiligen Geschichten] über unsre Kindheit einst die erste dämmernde Ahnung einer andern Welt, eines Übermenschlichen ergehen ließen...* [8].

Кроме того, объектом каузации может быть сам субъект КК: *Nun ließ er sich gegen die Rücklehne eines nahen Stuhles fallen...* [10].

В таких предложениях возвратное местоимение *sich* показывает, что субъект может не только побуждать объект к действию, но и это действие

может распространяться на него самого. Субъектная каузация имеет место и в случае с именами существительными, связанными с субъектом отношениями притяжательности: ... *auf ihrer rauhen Fläche ließ ich bei Tage oft meine Augen ausruhen*... [8].

Еще одной интересной особенностью употребления глагола *lassen* является то, что исполнитель каузируемого действия часто вообще не называется в КК с данным глаголом: *Ich begehre ja nichts anderes als zu büßen, zu büßen, zu büßen, den Kopf unters Beil zu legen und mich strafen und vernichten zu lassen* [8].

Как известно, модальное значение возможности передается в немецком языке модальными глаголами *können* и *dürfen*, а также синтаксической конструкцией *sein + zu + Infinitiv* и сочетанием *lassen + sich + Infinitiv*. Две последние структуры выражают так называемую пассивную возможность, ср.: *Das Gerät ist noch zu reparieren; Das Gerät lässt sich noch reparieren*.

В данных примерах речь идет о том, что выступающий в качестве подлежащего объект поддается изменению, допускает возможность совершать с ним некое действие. Поэтому в этой конструкции не используются в качестве подлежащего одушевленные имена существительные.

Иными словами, конструкция *неодушевленный субъект + lassen + sich + Infinitiv* является одним из средств выражения модальности. Она имеет значение пассивности с оттенком возможности и синонимична сочетанию глагола *können* с инфинитивом страдательного залога, что подтверждается возможностью их трансформации: *Das Gerät kann noch repariert werden*.

Однако в КК с глаголом *lassen* это значение развивается и трансформируется дальше, что позволяет одушевленному субъекту выступать одновременно и в качестве инициатора, и в качестве объекта каузируемого действия: *Glaubst du, ich lasse mich einsperren im Zimmer wie ein kleines Kind!* [10].

Субъект КК с глаголом *lassen* может выступать инициатором действия и быть одновременно его адресатом, т.е. лицом, в интересах которого это действие совершается, что также оформляется при помощи возвратного местоимения *sich*: ... *während ich zwei Gläser Mineralwasser trank, ließ er sich einen halben und dann noch einen viertel Liter Rotwein geben* [8].

Отметим, что в данной статье не рассматриваются все особенности перевода КК с глаголом *lassen* на белорусский язык, поскольку это не является целью настоящего исследования. Кроме того, связанные с переводом трудности, причины и его варианты были уже рассмотрены нами ранее [11].

Поскольку в КК с глаголом *lassen* значения фактитивности/пермиссивности совмещены, при их переводе, в зависимости от реализуемого значения, используются КК белорусского языка, организуемые глаголами *прымусіць*, *дазволіць* и *даць*: *Namentlich durch diesen Sieg ... war seine Autorität auf einen Grad gestiegen, daß er [Cipolla] sein Publikum tanzen lassen konnte*... [9]; ... *менавіта дзякуючы гэтай перамозе яго аўтарытэт настолькі напрос, што ён [Чыполла] мог прымусіць публіку скакаць*... [12]; *Und nun ... lassen Sie sich*

von uns aus dem Wagen ziehen... [8]; *А цяпер ... дазвольце нам выцягнуць вас...* [13]; ... [der große gelbe Bernhardiner des Hotels] ließ sich willig lieb kosten [10]; ... [вялікі жоўты сенбернар з гатэля] ... даў сябе пагладзіць [14].

При каузативном употреблении глагол *lassen* наряду с прототипическим значением каузации, не осложненным какими-либо другими значениями (= *побудить, заставить, сделать так, чтобы...*), способен выражать и так называемую речевую каузацию, когда волеизъявление сопровождается речевым актом. Это позволяет переводчикам прибегать к перформативным глаголам типа *загадаць, патрабаваць, прасіць* и др., передающим всевозможные оттенки побуждения от категорического приказа до вежливой просьбы и являющимся лексическим средством выражения категории императивности в белорусском языке: *Wir ... ließen ... nicht nur unseren Tisch, sondern auch die Nachbartische für das bevorstehende Match im vorausreservieren* [15]; *Мы ... патрабавалі пакінуць нам на матч не толькі наш столік, але і ўсе суседнія ...* [16]; ... *als wir ... uns von dem zuständigen Kellner einen Tisch anweisen ließen* [9]; ... *калі [мы] ... напрасілі метрдатэля паказаць нам вольны столік* [12].

В белорусском языке в качестве эквивалента немецкой КК с глаголом *lassen* может также использоваться сочетание глагола *казаць* с инфинитивом, приобретающее значение речевой каузации в соответствующем контексте, при этом остается неизвестным, идет ли речь о приказе, просьбе или каком-то другом способе речевого воздействия: *Aber tanzen lernen ließen sie mich nicht...* [8]; *А вучыцца танцаваць яны мне не казалі...* [13]; *Er ließ einfach Zahlen „raten“, die er vorher unter das Blatt Parier geschrieben hatte* [9]; *Казай проста «адгадаць» лічбы, якія панярэдне запісваў пад аркушам паперы на дошцы* [12].

Употребление в таких случаях конструкций с перформативными глаголами можно объяснить, с одной стороны, стремлением переводчика прояснить каузативные отношения между компонентами той или иной ситуации, особенно в отношении ее способа воздействия, а с другой — наличием онтологических связей между императивностью и каузативностью.

В пользу такого вывода свидетельствует и возможность перевода КК с глаголом *lassen* посредством повелительной частицы *хай* на белорусский язык: *Oder wir nehmen selber einen Wagen, fahren davon und lassen andre auf uns schießen* [8]; ... *альбо сядай у якую-небудзь машыну, шуруй адсюль, і хай цябе расстрэльваюць іншыя* [13].

Таким образом, категории каузативности и императивности оказываются тесно взаимосвязанными. Их объединяет общий семантический компонент — «побуждение». Отметим также, что в побудительном предложении с глаголом *lassen* могут выражаться не только побуждение к действию или просьба о разрешении некоего действия / непрепятствовании ему, но и призыв к совершению совместного действия, ср.: 1) *Lass/ Lasst/ Lassen Sie ihn gehen!* ‘Заставь/те его уйти!’ или ‘Позволь/те ему уйти!’; 2) *Lass/ Lasst/ Lassen Sie uns gehen!* ‘Давай/те уйдем!’.

Поскольку преднамеренная каузация тесто связана с волеизъявлением субъекта, с его желанием исполнить действие, обозначенное инфинитивом, в переводах КК с глаголом *lassen* возможен модальный глагол *хацець*: *Aber Czentovic ließ sich keineswegs drängen* [15]; *Чэнтавіч, аднак, не хацеў сцяшацца* [16]; ... *Cipolla ließ auf sich warten* [9]; *Чыполла хацеў, каб яго чакалі* [12].

Как отмечалось ранее, компонент принуждения содержится в семантике модальных глаголов со значением необходимости и долженствования, это позволяет переводчикам прибегать и к такой языковой возможности при переводе: ... *ließen sie einen warten...* [15]; ... *вас вымушалі чакаць...* [16].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Сопоставление немецких каузативных конструкций с глаголом *lassen* и его переводов на белорусский язык показывает, как взаимодействуют категории каузативности, модальности и императивности. Так, при переводе каузативных конструкций с глаголом *lassen* на белорусский язык используются как средства выражения императивности (перформативные глаголы *загадаць, патрабаваць, прасіць* и др., повелительная частица *хай*), так и средства выражения различных субъектно-модальных значений, например, модальные глаголы *хацець* и *мусіць*.

Каузативное значение оказывается при этом тесно связанным с широким спектром модальных значений возможности, волитивности, необходимости, долженствования, желательности, разрешения, обещания, совета, просьбы и т.д. Важную роль играет характер отношений между каузатором и объектом каузации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Недялков, В. П. Типология каузативных конструкций / В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. – Л. : Наука, 1969. – С. 5–19.
2. Комаров, А. П. О лингвистическом статусе каузальной связи (К вопросу о системности средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке) / А. П. Комаров. – Алма-Ата: Каз. гос. пед. ун-т, 1970. – 224 с.
3. Теремова, Р. М. Функции каузальных конструкций в современном русском языке / Р. М. Теремова // Филологические науки. – 1989. – № 3. – С. 82–87.
4. Веливченко, В. Ф. Языковые средства реализации каузативно-следственных отношений в тексте (на материале современного англ. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / В. Ф. Веливченко ; Киев. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Киев, 1990. – 17 с.
5. Рябенко, В. В. Аналитические инфинитивные конструкции с глаголом *lassen* в немецком языке и глаголом *let* в английском языке / В. В. Рябенко // Вопросы романо-германского и общего языкознания. – Минск: МГПИИЯ, 1973. – С. 182–196.

6. *Овчинникова, О. Г.* Функционально-семантическая категория побудительности в современном английском языке в модальном и каузативном аспектах / О. Г. Овчинникова // Семантика и типология разносистемных языков: сб. науч. тр. – Ташкент : Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1986. – С. 32–40.
7. *Сильницкий, Г. Г.* Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов / Г. Г. Сильницкий // Проблемы структурной лингвистики, 1972. – 1973. – С. 373–391.
8. *Hesse, H.* Der Steppenwolf / H. Hesse [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://royallib.com/book/Hesse_Hermann/Der_Steppenwolf.html. – Дата доступа : 27.05.2020.
9. *Mann, Th.* Mario und der Zauberer / Th. Mann [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://epdf.pub/mario-und-der-zauberer-ein-tragisches-reiseerlebnis.html>. – Дата доступа : 27.05.2020.
10. *Zweig, S.* Brennendes Geheimnis / S. Zweig [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rulit.me/books/brennendes-geheimnis-read-266242-2.html>. – Дата доступа : 27.05.2020.
11. *Курбаленко, Н. В.* Преднамеренная/непреднамеренная каузация и ее реализация в разных языках (на материале немецкого и белорусского языков) / Н. В. Курбаленко // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2010. – № 6 (49). – С. 35–44.
12. *Ман, Т.* Марыё і штуркар / Т. Ман [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://royallib.com/read/man_tomas/naveli.html#0. – Дата доступу : 27.05.2020.
13. *Гесэ, Г.* Стэпавы воўк / Г. Гесэ [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://booksafe.net/read/gesse_german-stepavy_vouk-251936.html#p1. – Дата доступу : 27.05.2020.
14. *Цвэйг, Ш.* Пякучая таямніца / Ш. Цвэйг [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://knihi.com/Stefan_Cvajh/Piakucaja_tajamnica.html. – Дата доступу : 27.05.2020.
15. *Zweig, S.* Schachnovelle / S. Zweig [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.stefanzweig.de/arbeiten/schachnovelletext13.pdf>. – Дата доступа : 27.05.2020.
16. *Цвэйг, Ш.* Шахматная навэла / Ш. Цвэйг [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://knihi.com/Stefan_Cvajh/Sachmatnaja_navela.html. – Дата доступу : 27.05.2020.

The comparison of the German causative constructions with the verb *lassen* and their translations into Belarusian reveals how the categories of causation, modality and imperativeness interact. The analysis shows that the causative meaning is closely related to a wide range of modal meanings of possibility, volitivity, necessity, obligation, desirability, permission, request and others. Intercategory relations are determined by the nature of the relation between the causator and the object of causation.

Поступила в редакцию 29.06.2020

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ
ПЕРСУАЗИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

(на материале официальных страниц Facebook Э. Макрона и М. Ле Пен)

В статье описываются лингвопрагматические особенности реализации персуазивной коммуникации в публикациях на официальных страницах Facebook французских политиков Э. Макрона и М. Ле Пен. Установлено, что в публикациях Э. Макрона доминирует стратегия формирования эмоционального настроения адресата, а в публикациях М. Ле Пен – стратегия дискредитации оппонента. Ведущими тактиками Э. Макрона являются тактики солидаризации, обращения к эмоциям адресата, учета ценностных ориентиров адресата, а для М. Ле Пен характерно использование тактик обвинения и обращения к эмоциям адресата. Выявлен широкий арсенал языковых средств, используемых политиками для осуществления речевого воздействия, представленных как лексическими, так и синтаксическими средствами, а также риторическими приемами.

Политический дискурс играет значимую роль в формировании общественного сознания. Перед политиками стоит задача добиться расположения аудитории, убедить слушателей принять ту или иную позицию, а также заручиться поддержкой граждан. Несмотря на то, что проблема речевого воздействия в политическом дискурсе изучалась многими авторами на материале разных языков и накоплен большой фактический материал, данная тема не утратила своей актуальности. В современном обществе в условиях сменяющихся друг друга финансовых, экономических, политических и гуманитарных кризисов обостряется противостояние политических противников, что получает отражение в их публичных высказываниях.

Исторически сложившаяся, закреплённая в общественной и коммуникативной практике персуазивная коммуникация определяется как особая форма ментально-речевого взаимодействия индивидов, осуществляемая на базе определенных типов текста и реализующая попытку речевого воздействия одного из коммуникантов (адресанта) на установку своего коммуникативного партнера/партнеров (реципиента/аудитории) с целью ненасильственным путем (посредством коммуникативных стратегий убеждения и «обольщения») добиться от него принятия решения о необходимости, желательности либо возможности совершения/отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта [1, л. 23].

Персуазивность представляется как совокупность аргументативных и манипулятивных стратегий и тактик, которые тесно связаны между собой и в той или иной степени реализуются в рамках политического дискурса. Отмечается, что важной характеристикой персуазивной коммуникации является взаимодействие тактик уговоров, убеждения и переубеждения. При этом убеждение и переубеждение базируются на рациональной аргументации и обосновании, в то время как уговоры используют актуализацию иррациональности через эмоциональную сферу [2, с. 49].

Непосредственно персуазивный потенциал политического дискурса реализуют тактики положительной самопрезентации, дискредитации оппонента, интимизации изложения, создания очевидности и общеизвестности явлений действительности, обещания и предложения готового решения, которые в свою очередь осуществляются через конкретные языковые средства [3, с. 240–248].

В статье рассматриваются лингвопрагматические особенности реализации широкого арсенала языковых средств в персуазивной коммуникации на материале публикаций, размещенных на официальных страницах Facebook двух французских политиков Э. Макрона и М. Ле Пен, принадлежащих к противоположным полюсам современной политической Франции [4; 5].

Фрагменты письменной коммуникации представляют собой реакции политиков на самые острые проблемы французского общества (движение «Желтых жилетов», мигранты, европейская интеграция, коронавирусная инфекция), опубликованные с сентября 2019 г. по апрель 2020 г. Общий объем проанализированного материала составляет 100 публикаций (по 50 для каждого политика), которые в совокупности составляют 2 100 словоупотреблений для Э. Макрона и 1 766 словоупотреблений – для М. Ле Пен.

Анализ практического материала исследования позволяет установить, что в публикациях Э. Макрона доминируют стратегия формирования эмоционального настроения адресата (32 % от общего количества проанализированных публикаций) и стратегия самопрезентации (26 % от общего количества проанализированных публикаций). Стратегия формирования эмоционального настроения адресата характеризуется тактиками обращения к эмоциям адресата (12 %), учета ценностных ориентиров адресата (12 %) и единения (8 %), стратегия самопрезентации в свою очередь представлена тактиками солидаризации (16 %), отождествления (6 %) и оппозиционирования (4 %). Остальные стратегии, выраженные другими тактиками, не превышают 10 % каждая.

Соотношение речевых тактик, используемых Э. Макроном в публикациях на Facebook, представлено в относительных показателях на рис. 1.

Рис. 1. Соотношение речевых тактик, используемых Э. Макроном в публикациях на Facebook, %

Как следует из рис.1, ведущей тактикой Э. Макрона является тактика солидаризации (16 %). Данная тактика более частотна, так как используется совместно с другими тактиками.

(1) *Je condamne avec fermeté l'attaque odieuse perpétrée devant la mosquée de Bayonne. J'adresse mes pensées aux victimes. La République ne tolérera jamais la haine. Tout sera mis en œuvre pour punir les auteurs et protéger nos compatriotes de confession musulmane. Je m'y engage.*

‘Я решительно осуждаю чудовищное нападение на мечеть в Байонне. Я обращаю свои мысли к жертвам. Республика никогда не потерпит ненависти. Будет сделано все, чтобы наказать виновных и защитить наших соотечественников мусульманского вероисповедания. Я обещаю’.

В публикации от 28 октября (1) Э. Макрон использует стратегию самопрезентации (трижды используется личное местоимение единственного числа (je)). Обращаясь от своего имени к пострадавшим (j'adresse ‘я обращаю свои мысли’), политик решительно осуждает (je condamne avec fermeté ‘я решительно осуждаю’) и берет на себя обязательства (tout sera mis en œuvre ‘будет сделано все’; je m'y engage ‘я обещаю’) по защите сограждан. Прилагательное с негативной оценкой (odieux ‘чудовищный’) нацелено вызвать эмоциональный отклик у адресата. В своем обращении президент использует двойное отрицание (ne tolérera jamais la haine ‘никогда не потерпит ненависти’) для более эффектного воздействия на аудиторию.

(2) *Il nous faut désormais bâtir notre relation future avec le Royaume-Uni. Tout au long des négociations, j'aurai à cœur de protéger nos intérêts : ceux de nos pêcheurs, de nos agriculteurs, de nos industriels, de nos chercheurs, de nos travailleurs, de nos étudiants.*

‘Отныне нам нужно построить наши будущие отношения с Великобританией. На протяжении всех переговоров я буду стремиться защищать наши интересы: интересы наших рыбаков, фермеров, промышленников, исследователей, рабочих, студентов’.

Пример (2), опубликованный 31 января, представляет озабоченность президента судьбой соотечественников всех профессий вследствие Брексита. Стратегия самопрезентации является ведущей в данной публикации (преобладание личных местоимений (je, nous), повтор притяжательных прилагательных (nos)). Создавая собственный положительный имидж, политик берет на себя обязательства защищать интересы нации (j'aurai à cœur de protéger ‘я буду стремиться защищать’). Использование модального глагола с деонтическим значением (il nous faut ‘нам нужно’) направлено на реализацию тактики указания на перспективу.

(3) *La menace augmente. L'actualité des dernières semaines ne fait que le confirmer. La sécurité de la Nation, son avenir, sont en jeu. Je resterai ferme sur mon engagement : l'objectif reste de porter l'effort de défense à 2 % du PIB en 2025.*

‘Угроза возрастает. Новости последних недель только подтверждают это. На карту поставлена безопасность нации, ее будущее. Я буду твердо стоять на своем: цель по-прежнему довести оборонные усилия до 2 % ВВП к 2025 году’.

В примере (3), опубликованном 17 января, Э. Макрон дает негативную оценку событиям, которые, по его мнению, подрывают национальную безопасность, тем самым формируя эмоциональный настрой адресата. Использование метафор (*menace* ‘угроза’, *sécurité* ‘безопасность’) способствует реализации тактики обращения к эмоциям адресата. Он призывает к солидаризации, указывая на значимость национальной безопасности для будущего страны (*La sécurité de la Nation, son avenir, sont en jeu* ‘На карту поставлена безопасность нации, ее будущее’). Анонсируя свои дальнейшие действия, политик берет на себя обязательства увеличить затраты на оборону страны. Президент использует тактику положительной самопрезентации, характеризуя себя как твердого и решительного руководителя (прилагательное *ferme* ‘твердый, бескомпромиссный’).

(4) <i>C'est grâce à la science et à la médecine que nous vaincrons le virus. Je réunis aujourd'hui nos meilleurs chercheurs pour progresser sur les diagnostics et les traitements. Notre effort de recherche est totalement mobilisé dans la lutte contre le COVID-19.</i>	‘Именно благодаря науке и медицине мы победим вирус. Сегодня я собрал наших лучших исследователей, чтобы продвинуться в диагностике и лечении. Наши исследовательские усилия полностью мобилизованы для борьбы с КОВИД-19’.

Публикация (4) от 24 марта Э. Макрона направлена успокоить взволнованное опасным вирусом общество. Доминирующей становится стратегия формирования эмоционального настроения адресата. В этой связи политик дает положительную оценку своим совместным с исследователями действиям, используя прилагательное в превосходной степени (*les meilleurs* ‘лучшие’), характеризующее французских ученых, и качественное наречие (*totalement* ‘совершенно’), характеризующее процесс мобилизации всех сил, что способствует реализации тактики обращения к эмоциям адресата. Использование личных местоимений единственного (*je*) и множественного числа (*nous*), а также притяжательных прилагательных (*nos, notre*) позволяет реализовать тактику солидаризации с французским обществом. Метафоричное использование лексических единиц *la lutte* ‘борьба’, *vaincre* ‘победить’, *mobilisé* ‘мобилизованный’ усиливает воздействие на аудиторию.

Для реализации стратегий самопрезентации и формирования эмоционального настроения политик использует всевозможные языковые средства, основными среди которых являются лексические единицы с эмоциональной окраской, параллельные конструкции, личные местоимения первого лица, риторические приемы (эпитеты, метафоры, апелляция к национальным ценностям).

Анализ практического материала исследования позволяет установить, что в публикациях М. Ле Пен доминируют стратегия дискредитации оппонента (48 % от общего количества проанализированных публикаций) и стратегия формирования эмоционального настроения адресата (30 % от общего количества проанализированных публикаций). Стратегия дискредитации оппонента характеризуется тактиками обвинения (46 %) и оскорбления

(2 %), стратегия формирования эмоционального настроения адресата в свою очередь характеризуется тактиками обращения к эмоциям адресата (14 %), учета ценностных ориентиров адресата (12 %) и единения (4 %). Остальные стратегии, выраженные другими тактикам, не превышают 10 % каждая.

Соотношение речевых тактик, используемых М. Ле Пен в публикациях на Facebook, представлено в относительных показателях на рис. 2.

Рис. 2. Соотношение речевых тактик, используемых М. Ле Пен в публикациях на Facebook, %

Как следует из рис.1, ведущей тактикой М. Ле Пен является тактика обвинения, которая представлена в 46 % случаев.

(5) *Pendant plusieurs semaines, l'Etat a multiplié les mensonges. Quand ils ont commencé à dire que la France était préparée, que l'on avait des stocks de masques, ce n'était pas le cas; lorsqu'ils ont choisi de dire que les masques ne servaient à rien, c'était pour cacher la pénurie !* 'В течение нескольких недель государственная ложь множилась. Когда они начали говорить, что Франция готова, что у нас есть запасы масок, это было не так; тогда они решили сказать, что маски бесполезны, это делолось для того, чтобы скрыть их нехватку!'

Публикация от 7 апреля М. Ле Пен (5) полностью пронизана стратегией дискредитации существующей власти. Наблюдаем использование лексических единиц с негативной оценкой (*a multiplié les mensonges* 'ложь множилась', *cacher la pénurie* 'скрыть их нехватку') и полное отрицание (*ce n'était pas le cas* 'это было не так', *ne servaient à rien* 'они бесполезны'). Политик реализует тактику обвинения с целью уличить правительство во лжи.

(6) *860 euros de taxe par mètre carré pour un abri de jardin! Mais nos dirigeants perdent la raison?! Qu'ils arrêtent de saigner les Français qui n'en peuvent plus !*

‘Налог 860 евро за квадратный метр за садовый сарай! Наше правительство теряет рассудок?! Пусть французы, которые уже больше не могут этого терпеть, остановят кровопускание!’.

В примере (6) от 7 марта М. Ле Пен прибегает к тактике оскорбления (*perdre la raison* ‘потерять рассудок’), указывая на непомерные налоги. Кульминацией публикации является ее риторическое восклицание. Весьма эффектно метафорическое употребление глагола (*arrêter de saigner les Français* ‘остановить кровопускание французов’), выражающее полное возмущение и призывающее остановить экономическое «кровопускание» французов, изнуренных налогообложением.

(7) *Le déconfinement reposera sur le port généralisé du masque au sein de la population. Il y a urgence à favoriser rapidement une production nationale massive, en plus des commandes faites à la Chine. C'est un effort de guerre sanitaire !*

‘Выход из самоизоляции будет основываться на распространенном среди населения ношении маски. В дополнение к заказам, сделанным в Китае, существует срочная необходимость в быстром стимулировании массового отечественного производства. Это санитарная война!’.

В примере (7), опубликованном 3 апреля, М. Ле Пен использует стратегию формирования эмоционального настроения адресата (*au sein de la population* ‘среди населения’, *une production nationale* ‘отечественного производства’). Безличный оборот с нулевым артиклем усиливает обвинения в адрес правительства, подчеркивая необходимость оперативного сиюминутного реагирования (*il y a urgence* ‘существует срочная необходимость’, *rapidement* ‘быстро’) для успешного выхода всей нации из карантина. Политик прибегает к метафоре *une guerre sanitaire* ‘санитарная война’ для характеристики ситуации в стране, схожей с военным временем: многочисленные смерти, нехватка масок и средств защиты, что только усиливает панику среди населения. Однако политик указывает и на пути решения проблем за счет стимулирования массового отечественного производства одноразовых масок.

(8) *Après avoir, comme conseiller de Hollande puis Ministre de l'Économie, et enfin Président de la République, vendu à l'étranger beaucoup de nos fleurons industriels, Emmanuel Macron fait mine de redécouvrir le concept de souveraineté... !*

‘После того, как он, будучи советником по отношениям с Голландией, а затем министром экономики и, наконец, президентом Республики, продал за границу многие из наших промышленных жемчужин, Эммануэль Макрон пытается заново открыть концепцию суверенитета...! Зачем ему верить?’.

Pourquoi le croire ?

В публикации от 31 марта (8) М. Ле Пен использует тактику обвинения. В первую очередь она апеллирует к ценностной системе адресата (*fleurons industriels* ‘промышленные жемчужины’, *souveraineté* ‘суверенитет’), используя метафоры. Далее М. Ле Пен играет на контрасте, подчеркивая, что Э. Макрон только делает вид, что заботиться о суверенитете, а на самом деле продает успешные производства, противопоставляя прошлые действия президента (*après avoir vendu à l'étranger* ‘после того, как он продал за границу’) действиям нынешним (*fait mine de redécouvrir le concept de souveraineté* ‘пытается заново открыть концепцию суверенитета’). Свою публикацию М. Ле Пен завершает риторическим вопросом (*Pourquoi le croire?* ‘Зачем ему верить?’), звучащим как призыв к недоверию существующей власти.

Для М. Ле Пен наиболее характерными средствами персуазивной коммуникации являются лексические единицы с эмоциональной окраской, риторические вопросы и восклицания, личные местоимения, параллелизмы, полное отрицание, модальные глаголы, метафоры, а также использование значимых для французского народа различных символов.

В ходе анализа практического материала было выявлено, что политики используют широкий арсенал языковых средств для осуществления речевого воздействия, представленных как лексическими, так и синтаксическими средствами, а также риторическими приемами.

Обобщенные данные реализации языковых средств в персуазивной коммуникации двух французских политиков схематично представлены на рис. 3.

Рис. 3. Соотношение языковых средств и риторических приемов, используемых М. Ле Пен (красный) и Э. Макроном (синий) в публикациях на Facebook, ед.

Сопоставительный анализ употребления языковых средств персуазивной коммуникации позволяет установить, что для обоих политиков свойственно активное использование лексических единиц с эмоциональной оценкой (23 ед. – Э. Макрон, 36 ед. – М. Ле Пен), эпитетов (26 ед. и 45 ед. соответственно), метафор (18 ед. и 23 ед. соответственно) в публикациях на официальных страницах Facebook. Причем данные языковые средства преобладают в публикациях М. Ле Пен.

В ходе исследования установлено, что следующие языковые средства реализуются в публикациях Э. Макрона чаще, чем у М. Ле Пен. Для Э. Макрона характерно широкое использование личных местоимений (23 ед. vs 14 ед. у М. Ле Пен), апелляции к национальным ценностям (16 ед. vs 3 ед.), полного отрицания (13 ед. vs 7 ед.), политической лексики (9 ед. vs 3 ед.) и параллельных конструкций (5 ед. vs 2 ед.).

Таким образом, в ходе исследования было установлено следующее.

Общая стратегия формирования эмоционального настроения адресата характерна как для публикаций на официальных страницах Facebook Э. Макрона, так и М. Ле Пен. Однако в публикациях Э. Макрона данная стратегия является ведущей и доминирует над стратегией самопрезентации, в то время как стратегия дискредитации является ведущей в публикациях М. Ле Пен и доминирует над стратегией формирования эмоционального настроения адресата.

Для публикаций Э. Макрона характерно использование тактик солидаризации, обращения к эмоциям адресата, учета ценностных ориентиров адресата, а для публикаций М. Ле Пен – тактик обвинения и обращения к эмоциям адресата.

Широкий арсенал языковых средств для осуществления речевого воздействия, представленных как лексическими, так и синтаксическими средствами, а также риторическими приемами задействован политиками для осуществления персуазивной коммуникации (лексические единицы с эмоциональной оценкой, эпитеты, метафоры, личные местоимения, апелляция к национальным ценностям, полное отрицание, политическая лексика, параллельные конструкции и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голоднов, А. В.* Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы) : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Голоднов : – СПб: СПбГУ, 2003. – 247 л.
2. *Богомолова, Н. Н.* Современные когнитивные модели убеждающей коммуникации / Н. Н. Богомолова // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 49.

3. *Логинова, И. Ю.* Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест / И. Ю. Логинова / И. Ю. Логинова // Интерпретация. Понимание. Перевод : сб. науч. ст. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2005. – С. 240–248.

4. Emmanuel Macron : Page Facebook [Electronic resource]. – Date of access : <https://www.facebook.com/EmmanuelMacron/>. – Mode of access : 28.03.2020.

5. Marine le Pen: Page Facebook [Electronic resource]. – Date of access: <https://www.facebook.com/MarineLePen/> – Mode of access : 28.03.2020.

The article describes the linguistic and pragmatic features of implementing persuasive communication in the official Facebook pages of French politicians E. Macron and M. Le Pen. The general strategy of shaping the emotions of the recipient is typical of the posts by both politicians on their official Facebook pages. However, in the posts by E. Macron, the leading strategy is that of self-presentation, while in the posts by M. Le Pen, the dominant strategy is to blame and appeal to the recipient's emotional state.

Поступила в редакцию 30.06.2020

В. В. Сокол

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В АМЕРИКАНСКИХ СИТКОМАХ «FRIENDS» И «THE BIG BANG THEORY»

Статья посвящена изучению особенностей фонетической языковой игры в американских ситуационных комедиях. Рассматриваются понятия языковой игры и юмористического дискурса. Приводится анализ использования приемов фонетической языковой игры в популярных ситкомах «Friends» и «The Big Bang Theory». Делается вывод о частотности использования фонетических языковых средств персонажами ситкомов для достижения игрового юмористического эффекта.

Изучение языковой игры как проявления лингвокреативной деятельности человека вызывает неугасающий интерес лингвистов всего мира. Например, Д. Кристал рассматривает языковую игру как универсальную активность человека и отмечает, что людям нравится тянуть слова и воссоздавать их в новом виде, структурировать в искусные системы, находить скрытые смыслы внутри них и пытаться использовать в соответствии со специально разработанными правилами [1, р. 64].

Исследователи Е. А. Земская, М. В. Китайгородская и Н. И. Розанова рассматривают языковую игру как отклонения от языковых норм, «которые имеют место, когда говорящий “играет” с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.д.)» [2, с. 175].

В аналогичном ключе Н. Л. Данилевская трактует языковую игру как «определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [3, с. 657].

Языковая игра представляет собой неотъемлемый компонент юмористического дискурса, под которым В. И. Карасик понимает «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [4, с. 252]. К характерным признакам данного типа дискурса лингвист относит коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора, юмористическую тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты, и наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре [4, с. 252].

Одним из жанров юмористического дискурса является ситуационная комедия (ситком), представляющая собой разновидность комедийных радио- и телепрограмм, для которой характерен определенный временной формат, обычно в 20–30 минут, включая титры и рекламу, а также одни и те же основные персонажи, постоянное место действия и закадровый смех. В ситкомах изображают реалистичные повседневные события в юмористическом ключе. Изучение языковой игры в ситкомах приобретает все большую популярность ввиду особенностей самого жанра (см., например, [5] и [6]).

Исследование выполнено на материале 1-го, 6-го, 7-го и 8-го сезонов популярных по всему миру американских ситкомов «Friends» и «The Big Bang Theory». Объектом исследования является фонетическая языковая игра, а именно такие ее приемы, как аллитерация, ассонанс, внедрение диалекта в речь, метатеза, протеза, ономотопея и рифма (см. исследования В. З. Санникова [7] и Н. Е. Ковыляевой [8]).

В ходе исследования методом сплошной выборки был отобран 901 случай использования языковой игры из указанных сезонов ситуационных комедий «Friends» и «The Big Bang Theory». В результате исследования было установлено, что фонетическая языковая игра встречается в речи персонажей довольно редко: из 901 случая использования языковой игры 740 (82 %) случаев представляют собой лексическую языковую игру, 71 (8 %) – синтаксическую, 58 (6,4 %) случаев – фонетическую и 32 (3,6 %) – словообразовательную языковую игру (аналогичная тенденция наблюдается и в других ситкомах, см., например [9]).

Общее количество случаев использования фонетической языковой игры можно представить в виде таблицы.

Количество случаев использования фонетической языковой игры в речи персонажей ситкомов «Friends» и «The Big Bang Theory»

Приемы	Ситком «Friends»	Ситком «The Big Bang Theory»	Всего
аллитерация	2	1	3
ассонанс	-	-	-
внедрение диалекта в речь	-	-	-
метатеза	-	1	1
ономатопея	9	13	22
протеза	-	-	-
рифма	14	18	32
всего	25	33	58

Как следует из табл., в проанализированном материале были выделены такие приемы языковой игры, как рифма, ономатопея, аллитерация и метатеза, в то время как ассонанс, внедрение диалекта в речь и протеза обнаружены не были.

Наиболее частотным в обоих ситкомах является такой прием языковой игры, как **рифма**: 32 случая использования (из них 18 случаев в ситкоме «The Big Bang Theory» и 14 – в ситкоме «Friends»). Рассмотрим ниже несколько примеров рифмы (примеры а – е взяты из ситкома «The Big Bang Theory», примеры ж – м – из ситкома «Friends»):

а) Шелдон пробрался ночью в квартиру Пенни, так как хотел там убраться. В разговоре с Леонардом он рифмует слова *lean* и *clean*: *If you have time **to lean**, you have time **to clean*** (сезон 1, серия 2, 10:42);

б) Бернадетт приветствует по видеосвязи Говарда, который находится на МКС, и рифмует слова *astronautie* и *hottie*: *Hey, how's my little **astronautie hottie**?* (сезон 6, серия 3, 00:05);

в) Радж на свидании с девушкой рассказывает про себя и рифмует слова *name* и *game*: *So, I guess you could say, uh, Raj is **my name** and stars are **my game*** (сезон 6, серия 17, 01:06);

г) Леонард на встрече со школьниками рассказывает, что в детстве хотел стать рэп-исполнителем, но родители заставили его заняться наукой: *Yeah, no, sure, you laugh. Just like my mother did. After I **confided**, I was **derided** and **chided**, my moms and I **collided**. She said my dreams were **misguided*** (сезон 6, серия 18, 13:57);

д) Радж считает забавным, что девушку, которая дала ему свой номер телефона, зовут Иветт и при этом она ветеринар: *Oh, what should I say? Oh, I know. I'll point out her name's **Yvette**, and that she's **a vet*** (сезон 7, серия 15, 18:32);

е) Говард подбадривает Раджа, когда тот играет в пинг-понг, рифмуя слова *King Kong* и *Ping-Pong*: *Come on, Raj. You are the **King Kong** of **Ping-Pong**. You are the menace of table tennis. Put her away, 'cause I don't have a third one* (сезон 8, серия 19, 12:50);

ж) Росс рифмует слова *machine* и *fifteen* в своей речи, рассказывая, что за игрой в покер осталась одна Рэйчел Грин, которая должна ему 15 долларов: *So that just leaves the big Green poker **machine**, who owes **fifteen*** (сезон 1, серия 18, 12:43);

з) Моника спрашивает у ребят, как они попали на верхнюю площадку для танцев, где их точно снимет камера. Они ей ответили, что учились танцевать для этого. В своем ответе Моника рифмует слова *to dance* и *underpants*: *When you learned **to dance**, did you forget how to put on **underpants**?* (сезон 6, серия 10, 09:01);

и) Фиби рассказывает друзьям, что когда-то ей предлагали работать на бирже, но она отказалась, так как думала, что в жизни все должно рифмоваться: *I thought if I worked with **stocks** I'd have to live in a **box** and only eat **lox** and have a pet **fox*** (сезон 6, серия 15, 02:20);

к) Фиби репетирует песню для свадьбы Моники и Чендлера: *Twelve years old and addicted **to pork** No one thought Monica would marry She knew her way Around a knife and **a fork*** (сезон 7, серия 1, 05:07);

л) Фиби продолжает репетировать песни для свадьбы Моники и Чендлера: *First time I met Chandler I thought he was **gay** But here I am singing On his wedding **day*** (сезон 7, серия 1, 05:33);

м) Росс сообщает Рэйчел название его семейной газеты: *You've seen it, **The Geller Yeller*** (сезон 8, серия 12, 15:55).

Вторым по распространенности в речи персонажей данных ситкомов является прием **ономатопеи**: 22 случая использования (из них 13 случаев в ситкоме «The Big Bang Theory» и 9 – в ситкоме «Friends»). Рассмотрим ниже несколько примеров ономатопеи (примеры а – е взяты из ситкома «The Big Bang Theory», примеры ж – м – из ситкома «Friends»):

а) Эми рассказывает Бернадетт и Пенни, что они просто не представляют, как ей утомительно смеяться над шуткой Шелдона, которая начинается с «тук-тук-тук, Эми»: *It's exhausting. Do you have any idea how hard it is to laugh at a **knock-knock** joke that starts with **knock-knock-knock**, Amy, **knock-knock-knock**, Amy, **knock-knock-knock**, Amy?* (сезон 7, серия 12, 14:39);

б) Эми иронизирует над тем, что ее парень играет в «Угадай поезд», а не проводит вечер с ней: *See if you guys can guess this one. **Bang. Splat. Thud*** (сезон 7, серия 15, 08:08);

в) Эми разозлилась, так как Шелдон играл в поезда с каким-то незнакомцем вместо того, чтобы провести вечер Дня святого Валентина вместе с ней: *Why? Because my boyfriend's off playing **choo-choo** with some **weirdo**?* (сезон 7, серия 15, 11:17);

г) Шелдон говорит, что йоркширский пудинг противный, но ему очень нравится рассказывать людям об истории Йоркшира: *No, it's **yucky**, but informing people about the history of Yorkshire is **yummy**, **yum-yum*** (сезон 8, серия 3, 04:13);

д) Эми обиделась на слова Шелдона про ее прическу, но Шелдон говорит Леонарду и Говарду, что он был прав насчет ее прически, которая была похожа на утку и разве что не крякала: *Yeah, well, of course I am. I was also right about her hair. It did everything but **quack*** (сезон 8, серия 4, 12:25);

е) Шелдон с друзьями обсуждают, не грубо ли они поступили, когда в своем ответе молодому человеку, который плохо отозвался об их работе, упомянули его мать: *We're just standing behind her. It's not like we're gonna say **boo** and scare her* (сезон 8, серия 14, 10:25);

ж) Чендлер хочет расстаться с Дженис и объясняет ей, что они очень разные: *Here is the thing, Janice. You know, I mean, it's like we're different. You know, I'm like the **bing-bing-bing**, you're like the **boom-boom-boom**...* (сезон 1, серия 5, 19:23);

з) Чендлер приветствует свою помощницу звуком звонящего телефона: *And **burr** to you too, Helen* (сезон 1, серия 16, 05:10);

и) Чендлер рассказывает Монике про их будущее путешествие в Париж и представляет, что они будут гулять ночью по улице Ру-де-ла-бла-бла-бла: *We will take a moonlit walk on the Rue de la **blah-blah-blah*** (сезон 7, серия 1, 16:36);

к) Джоуи обсуждает с Рэйчел отношения с новым парнем и объясняет ей свою точку зрения: *All right, Rach, the big question is, does he like you? Because if he doesn't like you, this is all a **moo** point* (сезон 7, серия 8, 10:16);

л) Джоуи пытается убедить себя, что он просто влюблен в Рэйчел и сможет избавиться от этого чувства в любой момент: *All that worrying I was doing? That was crazy. Like my friend the bird here would say, "It was **cuckoo**!"* (сезон 8, серия 13, 20:58);

м) Фиби рассказывает Чендлеру, что в их первую встречу она подумала, что он ужасный болтун: *Yes, when I first met you, you were like, "**Blah, blah, blah.**"* (сезон 8, серия 21, 08:45);

В речи героев ситкомов «Friends» и «The Big Bang Theory» было обнаружено 3 случая использования **аллитерации** (2 и 1 соответственно). Рассмотрим ниже примеры аллитерации (пример а взят из ситкома «The Big Bang Theory», примеры б и в – из ситкома «Friends»):

а) Радж жалуется своим друзьям, что никто из них не ответил на его приглашение прийти на тематическую вечеринку: *So couldn't help but notice none of you RSVP'd to **my murder mystery** dinner party* (сезон 7, серия 3, 00:02);

б) Рэйчел рассказывает своему молодому человеку, что она написала в письме для него, которое случайно попало в другой отдел: *I said you were a good kisser and that I liked your **teeny tiny tushy*** (сезон 7, серия 9, 08:47);

в) Джоуи пригласили быть ведущим нового игрового шоу, и он попросил Росса и Чендлера порепетировать это шоу: *All right! Uh, umm, **Super-Speedy Speed round**!* (сезон 8, серия 20, 15:18).

Единичный случай использования **метатезы** был обнаружен в ситкоме «The Big Bang Theory». Рассмотрим данный пример:

Пенни говорит Леонарду, что ей кажется очень милым, когда он использует слово *cool* неправильно, сравнивая эту ситуацию с той, когда дети говорят слово *spaghetti*, переставляя слоги: *Aw, so cute when you use the word "cool" wrong. Like when kids say "pasghetti"* (сезон 6, серия 22, 00:46).

Таким образом, фонетическая языковая игра в речи героев ситкомов «Friends» и «The Big Bang Theory» используется редко (6,4 % случаев от всей языковой игры). Чаще всего в своей речи персонажи используют рифму и оноματοпею, реже всего – аллитерацию. Единичный пример метатезы обнаружен только в речи героев ситкома «The Big Bang Theory». случаев использования ассонанса, внедрения диалекта в речь и протезы обнаружено не было.

ЛИТЕРАТУРА

1. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. – 2nd ed. – Cambridge : Univ. Press, 2006. – 487 p.
2. Земская, Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. И. Розанова // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / под ред. Е. А. Земской. – М. : Наука, 1983. – С. 172–214.
3. Данилевская, Н. Л. Языковая игра / Н. Л. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 657–660.
4. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
5. Василенко, Е. Н. Приемы языковой игры в американском юмористическом дискурсе (на материале ситкома «Scrubs») / Е. Н. Василенко, Ю. А. Книга // Філологічні студії. Наук. вісн. Криворізького держ. пед. ун-ту. – 2017. – Вип. 16. – С. 296–303.
6. Книга, Ю. А. Гендерный аспект языковой игры в юмористическом дискурсе (на материале американского ситкома “Scrubs”) / Ю. А. Книга // Вестн. МГЛУ. – Сер. 1, Филология. – 2018. – № 2 (93). – С. 13–20.
7. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Яз. слав. культуры, 2002. – 552 с.
8. Ковыляева, Н. Е. Языковая игра как средство формирования семантики и прагматики дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Е. Ковыляева. – Нальчик, 2015. – 186 л.
9. Книга, Ю. А. Фонетическая языковая игра в американском юмористическом дискурсе (на материале ситкома «Scrubs») / Ю. А. Книга // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования – I : сб. науч. ст. I Междунар. науч.-практ. интернет-конф., Могилёв, 3–17 дек. 2018 г. / Могилёв. гос. ун-т ; под общ. ред. А. К. Шевцовой. – Могилёв, 2019. – С. 116–119.

The article considers the phonetic language play in the American sitcoms “Friends” and “The Big Bang Theory”. It presents the examples of the phonetic language play and draws the conclusions on the frequency of phonetic language means as a way to achieve a humorous effect.

Поступила в редакцию 10.07.2020

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

С. Е. Борзенец

НОВЕЙШИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ СФЕРЫ МАССОВЫХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ И ДОСУГА В БЕЛАРУСИ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, СЕМАНТИЗАЦИЯ, МЕСТО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

В статье анализируются англоязычные заимствования (лексические, семантические, синтаксические), получившие распространение в белорусских средствах массовой информации в последнее десятилетие. Выявлены типы контекстов, облегчающих семантизацию реципиентом неполностью ассимилированных заимствований. С помощью данных языкового анкетирования продемонстрировано, что семантизация новейших англицизмов вне контекста весьма приблизительна, при этом имеет место опора на языковой опыт информанта. Определено место заимствований в языковой системе.

Современный этап бытования русского языка характеризуется весьма активным проникновением иноязычных слов в его лексико-семантическую систему. Среди заимствований наиболее многочисленны и разнообразны англицизмы: некоторые лингвисты определяют сложившуюся ситуацию как «экспансию» английского языка [1]. Заимствование как языковая единица, переходящая из языка-донора в язык-реципиент в результате языковых контактов, является одним из возможных ответов на потребности номинации. Доля англоязычных заимствований в различных областях лексической системы, равно как и интенсивность их проникновения, неодинакова. Так, многочисленные исследования отмечают небывалый приток англицизмов в сфере информационных технологий и игровой компьютерной индустрии [2; 3; 4]. В последние годы наблюдается значительный прирост фонда заимствованных лексических единиц и в сфере массовых развлечений и досуга. Именно этому пласту заимствованной лексики и посвящена настоящая статья.

Источниками материала данного исследования послужили репортажи белорусского телевидения, печатные программы массовых мероприятий и статьи белорусской прессы. Методом сплошной выборки из них было отобрано 50 англицизмов. Критерием отбора материала послужил факт отсутствия активно употребляющейся в средствах массовой информации лексической единицы в фундаментальных словарях иностранных слов и энциклопедических изданиях. Наиболее многочисленными оказались следующие тематические подгруппы слов: форматы мероприятий (*опен-эйр, ивент, фест*), еда (*фудкорт, ланч-бокс, стрит-фуд*), музыка (*баттл, саунд*) и сопутствующие мероприятия (*афтепати, препати*), развлечения сорев-

новательного типа (*квиз, квест, спидкубинг*), развлечения несоревновательного типа (*бердвочинг, споттинг, скрапбукинг*), виды спорта (*рафтинг, коастеринг, кейв-дайвинг, скай-серфинг, скай-дайвинг*).

Процесс заимствования, как указывает Л. П. Крысин, предполагает перемещение из одного языка в другой единиц различных уровней структуры языка – фонемного, морфемного, лексического, синтаксического [5]. Наиболее типичным является лексическое заимствование; зачастую именно оно становится объектом внимания лингвистов [6; 7]. Среди отобранных нами новейших англицизмов сферы развлечений и досуга помимо лексических заимствований (например, *тайминг, флешмоб*), на долю которых приходится около 80 % отобранного материала, были обнаружены семантические заимствования (8 % от общего количества), иначе называемые кальками: речь идет о «появлении в слове значения “под давлением” иноязычного образца» [5]. Так, галлицизм *сезон* в дополнение к значениям ‘часть года’ и ‘время, посвящаемое определенному занятию’ (купальный ~, театральный ~) позаимствовал в английском языке значение ‘ряд телевизионных программ, шоу, серий фильма, показываемых в определенный период времени’, например: *Новый сезон популярного сериала покажут в прайм-тайм*.

Кроме этого, среди отобранного материала были замечены и структурно-синтаксические заимствования (12 % от общего количества), для которых, по определению Л. П. Крысина, свойственно приобретение синтаксических связей, присущих соответствующему исконному слову [Там же]. Исследователь приводит такие примеры аграмматизмов: *аннулировать из комсомола* (под влиянием *исключить, выгнать из*); *лидировать гонку* (под влиянием *возглавлять*). Структурно-синтаксические заимствования, обнаруженные в отобранном нами материале, несколько другого характера. На примере словосочетаний *бэби-клуб* ‘клуб для малышей’, *релакс-зона* ‘зона для отдыха’ мы наблюдаем проникновение в русский язык типичной английской синтаксической модели «существительное + существительное», в которой первое из них имеет атрибутивную функцию: *Бэби-сумка* – *готовая сумка в роддом*. Другая модель, стремительно завоевывающая популярность, – это стандартный для английского языка способ чтения числительных, обозначающих календарный год: *Во вторник олимпийский комитет объявил о переносе Игр-2020* (читается как «двадцать – двадцать»). Таким образом, мы видим, что англоязычное влияние на русский язык не ограничивается лексической системой, но затрагивает и другие уровни языка.

О неполной ассимилированности слова в языковой системе можно судить по особенностям его функционирования. Зачастую новейшее заимствование включаются в контекст, облегчающий их семантизацию реципиентом, например:

- 1) контекст, включающий русскоязычную кальку:

Стрит-фуд. Фестиваль уличной еды.

- 2) контекст, включающий слова, образующие с заимствованием одну тематическую группу:

*Набор в Школу начинающего **бердвотчера** объявил водно-болотный центр общественной организации «Ахова птушак Бацькаўшчыны». Попасть на курс может любой желающий, кому небезразличны птицы и дикая природа.*

3) контекст, включающий способствующие семантизации структуры:

***Баттл** «Хата на хату».*

4) контекст, включающий русскоязычное толкование понятия:

*В Москве состоялось светское мероприятие, предваряющее церемонию вручения музыкальной премии «Жара Music Awards». В ходе **препати** были выбраны номинанты премии, а также объявлены имена ведущих церемонии.*

***Афтепати** прошло в Лепс-баре, где вечеринку открыл сам Григорий в компании одного из артистов своего продюсерского центра.*

*Зона **буккроссинга**. Приносите книги, которые вы уже прочитали и обменяйте их на новые.*

*Здесь оборудуют **воркаут**-площадку. Первая площадка с уличным спортивным инвентарем появилась на территории комплекса в июне.*

5) композит, включающий также и русскоязычный эквивалент:

Горка-слайд.

Контекст, облегчающий семантизацию заимствования, может быть невербальным. Так, лаконичные обозначения *лаунж-зона*, *фудкорт* маркируются специальными изображениями, а фраза *Празднование Купалья в Дудутках* открывает череду купальских **опен-эйров** из телерепортажа сопровождается соответствующим видеорядом.

Заимствования могут входить в язык в своем исходном графическом варианте и по мере адаптации в языковой системе приобретать кириллическое написание. Так, ЛЕ *фэст* все еще достаточно употребима в написании латиницей, для ЛЕ *travel-блогер* используются оба вида письма. Отметим также вариативность графического отображения некоторых сложносоставных слов – слитно или через дефис (например, *стритфуд*, *стрит-фуд* и даже как два раздельнооформленных слова). Такого рода особенности графики исследованных слов подтверждают их статус новейшего заимствования.

Для анализа специфики семантизации новейших англицизмов белорусами, не владеющими английским языком, было проведено лингвистическое анкетирование. Информантам трех возрастных групп – от 13 до 18 лет, от 45 до 50 и от 70 до 75 лет – предлагалось дать толкование заимствований, предъявленных а) вне контекста; б) в контексте.

Сравнение результатов этих возрастных групп показало, что англицизмы проникают в словарный запас подростков активнее, чем у средней и старшей возрастных групп. Представители младшей возрастной группы дали правильные толкования англицизмов, предъявленных вне контекста, в 24 % случаев (например, *бердвочинг* – ‘наблюдение за птицами’), доля неправильных толкований – 18 % (например, *споттинг* – ‘официальная встреча’; правильное толкование – ‘фотографирование самолетов в полете’), ответ отсутствовал в 16 % случаев. В 42 % случаев классифицировать толкование

как правильное или неправильное представлялось затруднительным вследствие его неполноты (например, *саунд* – ‘стиль’, в то время как правильным было бы толкование ‘особенности звучания того или иного музыкального коллектива’).

Представители средней возрастной группы реже доверяли своей лингвистической догадке, определяя неполную семантизацию слова как незнание: при предъявлении англицизмов вне контекста ответ отсутствовал в 84 % случаев. Лишь в 16 % случаев было дано неполное толкование англицизма.

Ответы представителей старшей возрастной группы включали малоупотребительные в настоящее время лексико-семантические варианты слов, например, *слайд* – ‘диапозитив’, *аниматор* – ‘художник-мультипликатор’. Доля правильно истолкованных англицизмов в этой возрастной группе составляет 10 % (например, *фест* – ‘праздник, фестиваль’, *каньонинг* – ‘вид спорта, преодоление каньонов’), доля неправильных толкований – 6 % (например, *ланч-бокс* – ‘маленькое кафе’). В 14 % случаев толкование являлось неполным, а в 70 % случаев ответа получено не было.

Таким образом, даже небольшой эксперимент показал, насколько затруднена семантизация новейших заимствований вне контекста.

Говоря о неполной семантизации, отметим, что чаще всего это явление наблюдается в отношении существительных с конечным *-инг*: *параглайдинг*, *маунтбординг*, *скай-дайвинг* и т.п. Эти слова были неизвестны нашим респондентам, их верно отнесли к наименованиям видов спорта. Следует упомянуть и о неверном отнесении к таковым слова *буккроссинг* (его значение – ‘обмен прочитанными книгами между незнакомыми людьми, в который нередко привносится элемент игры: книга для обмена оставляется в условленном месте’). Еще одним примером неполной семантизации является толкование слова *travel-блогер* как ‘какой-то блогер’: полным толкованием является ‘человек, который ведет сетевой дневник, посвященный путешествиям’.

Заслуживают рассмотрения также случаи неправильной семантизации англицизмов. Так, слово *фудкорт* было истолковано как ‘теннисное мероприятие’, в то время как его настоящее значение – ‘место в торговом центре, где размещается много маленьких ресторанов’. Очевидно, что отправной точкой в выстраивании семантики для информанта послужило значение англицизма *корт*, определяемого словарем С. И. Ожегова как ‘площадка для игры в теннис’. Обретший популярность англицизм *ланч* позволил истолковать заимствование *ланч-бокс* как ‘маленькое кафе’, то есть место, предназначенное для приема пищи. Слово *буккроссинг* (значение дано выше) было истолковано как ‘чтение книг на скорость’. Этому поспособствовал наличествующий в слове элемент *кросс*, уводящий толкователя в сферу состязаний в беге на скорость. Англицизм *афтепати* (его значение – ‘вечеринка, следующая за официальным мероприятием (концертом, спектаклем, вручением премии)’) был истолкован как ‘что-то, связанное с машинами’. В данном случае элемент *афте-* в рассматриваемом слове оказался созвучен префиксоиду *авто-*. Толкование слова *супервизия*

как ‘провизия экстра-класса’ демонстрирует, что респондент увидел в этом англицизме слово-гибрид, образованное стяжением морфемы *супер-* и слова *провизия*, в то время как настоящее значение рассматриваемого слова – ‘наблюдение и контроль за правильностью осуществления деятельности’.

Что касается попыток семантизации англицизмов в контексте, то они были гораздо более продуктивными. Очевидно, однако, что правильность догадки непосредственно зависит от насыщенности контекста элементами, облегчающими семантизацию, и в этом отношении они были неравноценны:

Речь идет о сплаве по горным речкам, рафтинге – имеется русско-язычное толкование понятия.

Минский travel-блогер попал в учебник для 6-го класса по английскому – нет элементов, способствующих семантизации.

В примерах первого типа правильные толкования давались в 100 % случаев, в примерах второго типа ответ информанта совпадал с его реакцией на предъявление англицизма вне контекста.

Англицизмы, употребленные в контексте, дающем мало подсказок относительно их значения, толковались информантами с помощью гиперонимов и слов, близких по значению, например:

Но и проиграть не стыдно! Мероприятие пройдет в несколько этапов – разогрев, баттл и интерактивное голосование. Информант истолковал слово *баттл* как ‘игру’, в то время как его следует понимать в качестве ‘состязания’.

Предлагаем каталог впечатляющих развлечений и квестов для большой компании в Минске.

FSP уже успел стать настоящим брендом, по которому так и тянет мерить другие городские ивенты. И дело не только в самых разных активностях, совсем не выглядящих как «совковые» развлечения, и даже не в приличных музыкантах. Англицизмы *квест* и *ивент* были поняты информантами как ‘развлекательные мероприятия’, в то время как первый означает командно-спортивное мероприятие, а второй – музыкальное.

До центральных подъемников нужно либо идти пешком, либо добраться на ски-басе за один евро. В данном примере *ски-бас*, означающий ‘автобус, подвозящий лыжников к подъемникам’, был истолкован информантом как ‘вид транспорта’.

Данные анкетирования белорусов, не владеющих английским языком, позволяют заключить, что интерпретация ими англицизмов вне контекста неоднозначна и приблизительна, а в большинстве случаев – невозможна. При отсутствии контекста, служащего ориентиром для семантизации англицизма, имеет место опора на предшествующий языковой опыт информанта и систему наименований данного языка.

Исследовательский интерес обнаруживает себя в определении места, занимаемого заимствованием в языковой системе. Так, в последнее время можно наблюдать актуализацию слова *активность* в особом значении, призванном восполнить место гиперонима для понятий «игра», «развлечение», «соревнование», «мастер-класс»:

*Предлагаемые **активности** подойдут для детей разных возрастов.
Рекомендованный возраст для каждой **активности** указан в скобках.
Вас ждут различные спортивные **активности**.*

В отношении данного семантического заимствования из английского языка прослеживается явное сопротивление языковой системы: очевидно, что по форме оно совпадает с уже существующим в языке отвлеченным существительным, образованным от прилагательного *активный* в значении 'деятельный, энергичный', которое предполагает употребление только в единственном числе. В настоящее время можно наблюдать, как на смену ЛЕ *активность* в функции гиперонима для вышеуказанного ряда понятий приходит ЛЕ *активация* и ее дериваты:

*Площадка с **активациями** для самых маленьких.*

***Активационные** зоны начнут работать в то же время.*

Появление заимствования *слайд* в значении 'надувная горка' отражает потребность системы в расчленении понятий. ЛЕ *слайд*, таким образом, функционирует как гипоним понятия «горка для катания»:

***Слайд** – скоростная надувная горка на много полос для всей семьи!*

Стремлением к краткости и удобству, по-видимому, вызвана замена многословных понятий «зона общественного питания» и «командная интеллектуально-спортивная игра» англицизмами *фудкорт* и *квест* соответственно.

Англицизм *ивент*, обозначая, как и ЛЕ *концерт*, музыкальное мероприятие, отличается от последнего наличием в лексическом значении семантического компонента «неформальность, неофициальность».

Зачастую использование в речи заимствования отражает желание говорящего преподнести называемый объект или явление как обладающий улучшенными потребительскими свойствами, предназначенный для избранных, например, *урбан-парк*, *релакс-зона*, *тайминг мероприятия*. Слово, таким образом, получает определенную прагматическую окраску. По-видимому, стремлением указать на высокие статусные характеристики определяется написание слова *диджей* латиницей в следующем примере, в то время как оно уже ассимилировано в языковой системе в кириллическом написании:

Вас ждет дискотека с DJ.

Таким образом, данное исследование показывает, что в настоящее время язык сферы массовых развлечений и досуга весьма «проницаем» для англоязычных заимствований. Проанализированный материал демонстрирует факты проникновения в русский язык единиц разных уровней языковой системы (лексики, синтаксиса), подтверждая увеличение масштаба англоязычного влияния. Данные лингвистического анкетирования свидетельствуют, что для успешной семантизации новейшие заимствования требуют поясняющего контекста. Этот факт указывает на незавершенность процесса их семантического освоения. Появление заимствований отвечает потребностям языка в уточнении понятий, разнообразии языковых средств, их полноте и ясности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Михеева, Н. Ф.* «Экспансия» заимствований [Электронный ресурс] / Н. Ф. Михеева // Полилингвальность и транскультурные практики. – 2008. – № 2. – С. 5–9. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspansiya-zaimstvovaniyu>. – Дата доступа : 20.06.2020.
2. *Буланова, Л. Н.* Лексика ограниченной сферы употребления : источники пополнения словарного состава русского языка (на примере компьютерного жаргона) / Л. Н. Буланова, Э. М. Зиангирова, А. Р. Пятова // С.-Петербург. образовательный вестн. – 2018. – № 9–10 (25–26). – С. 12–13.
3. *Гончарова, Н. Н.* Динамика лексического состава подязыка информационных технологий на фоне эволюции компьютерной техники [Электронный ресурс] / Н. Н. Гончарова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 1. – С. 88–103. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-leksicheskogo-sostava-podyazyka-informatsionnyh-tehnologiy-na-fone-evolyutsii-kompyuternoy-tehniki>. – Дата доступа : 20.06.2020.
4. *Горбунова, И. В.* Функциональная систематика англицизмов в русскоязычном сегменте сети Интернет / И. В. Горбунова // Вестн. ИГЛУ. – 2011. – № 3 (15). – С. 141–148.
5. *Крысин, Л. П.* Русское слово, свое и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Электронный ресурс] / Л. П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 888 с. – Режим доступа : <https://sci.house/russkiy-yazyik-scibook/opredelenie-ponyatiya-zaimstvovanie-vidyi-35516.html>. – Дата доступа : 20.06.2020.
6. *Муллагаянова, Г. С.* Иноязычные заимствования в контексте экономики / Г. С. Муллагаянова, А. Е. Кривцова // С.-Петербург. образовательный вестн. – 2017. – № 1 (5). – С. 46–49.
7. *Саженина, Я. Х.* Адаптация заимствованного слова к системе языка реципиента (на примере заимствований из итальянского языка) [Электронный ресурс] / Я. Х. Саженина // Сиб. филол. журн. – 2013. – № 2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-zaimstvovannogo-slova-k-sisteme-yazyka-retsipienta-na-primere-zaimstvovaniy-iz-italyanskogo-yazyka/viewer>. – Дата доступа : 20.06.2020.

The article is devoted to the study of new Anglicisms that have penetrated the language of Belarusian entertainment industry in the last decade. The analysis unveils the types of verbal contexts which facilitate the understanding of the new borrowings. Their place in the lexical system is established.

Поступила в редакцию 22.06.2020

ВИДЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЯВЛЕНИЙ В БЕЛОРУССКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В массмедийном дискурсе широко используются прецедентные явления, которые актуализируют фоновые знания читателей белорусских изданий, расширяют их индивидуальную картину мира. Установление видов национально-прецедентных явлений в ходе сопоставления заголовков в СМИ Республики Беларусь указывает на превалирование прецедентных высказываний над прецедентными именами, текстами, ситуациями и артефактами. Их источниками выступают устойчивые выражения, пословицы и поговорки, речетикетные формулы, прозаические и поэтические цитаты, цитаты из фильмов, песен.

Отсылка к ранее созданным произведениям, предшествующим ситуациям, личностным особенностям значимых представителей человечества, т.е. обращение к прецедентным явлениям стало одной из характерных черт современного коммуникативного пространства. Развитие средств коммуникации и информационных технологий, которые предоставляют возможность распространять и получать информацию и обеспечивают доступ широкой аудитории к информации, создает предпосылки для активного применения прецедентных явлений в разных видах дискурса. Массмедийный дискурс не остался при этом в стороне. СМИ широко используют прецедентные явления для более эффективного воздействия на массовую аудиторию. В связи с этим изучение функционирования прецедентных феноменов в средствах массовой информации видится актуальным. На наш взгляд, представляется целесообразным установление специфики национально-прецедентных явлений в ходе сопоставительного анализа в соотношении центр – периферия. Известно, что прецедентные явления отражают самобытность и уникальность определенного сообщества, но насколько их употребление однородно в рамках общества авторы работы попытаются выяснить в ходе сравнения общественно-политических республиканских и региональных изданий Республики Беларусь.

Проблема воспроизведения в тексте предшествующих произведений или их частей тесно связана с интертекстуальностью, т.е. с наличием связей между различными текстами, посредством которых они ссылаются друг на друга. Использование предшествующих и/или окружающих текстов в новом авторском тексте, по мнению Р. Барта, представляет собой «новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [1, с. 246]. В результате вхождения другого текста или его части в новый изменяется смысловое пространство, появляется возможность создания новых смыслов. Между каждым создаваемым авторским текстом и

каждым предшествующим чужим текстом, по словам Т. С. Глушак, наличествует общее интертекстуальное пространство, которое вбирает в себя весь культурно-исторический опыт людей [2, с. 4].

Интертекстуальность разрабатывалась как с точки зрения литературоведения, так и с точки зрения лингвистики текста (Ю. Кристева, Р. Барт, Ю. Н. Караулов, Г. Г. Слышкин, А. Е. Супрун). В литературоведении, например, рассматриваются вопросы границ смежных понятий: цитации, реминисценции и аллюзии, а в рамках лингвистики текста освещаются вопросы связности, целостности речевого произведения, поскольку интертекстуальность отражает взаимодействие текстов и реализуется как «включение в текст либо целых других текстов с иными субъектами речи, либо фрагментов в виде маркированных или немаркированных образований» [3, с. 346].

С теорией интертекстуальности тесно связан получивший разностороннее освещение феномен прецедентности (Д. Б. Гудков, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, И. М. Михалева, Ю. Е. Прохоров, Ю. А. Сорокин, А. Е. Супрун). Как известно, термин *прецедентный текст* был предложен Ю. Н. Карауловым, который определил его как значимый для индивида в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известный широкому окружению, в том числе предшественникам и современникам, обращение к которому возобновляется неоднократно [4, с. 216]. Исследователь Д. Б. Гудков, давая дефиницию прецедентным феноменам, полагал, что они «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [5, с. 106]. Здесь следует обратить внимание на то, что за каждым прецедентным явлением стоит система ассоциаций, связей, фоновой информации, значимых не столько для отдельного индивида, сколько для целого сообщества, этноса, нации. Так, по охвату аудитории В. В. Красных выделяет следующие виды прецедентных феноменов:

1) *социально-прецедентные*; известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т.д.) и входящие в коллективное когнитивное пространство, т.е. феномены, которые могут не зависеть от национальной культуры: общие, например, для всех мусульман (конфессиональный социум) или для врачей (профессиональный социум);

2) *национально-прецедентные*; известные любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу;

3) *универсально-прецедентные*; известные любому среднему современному *homo sapiens* и входящие в «универсальное» когнитивное пространство («универсальную» когнитивную базу) [6, с. 174].

В данной статье нами рассматриваются национально-прецедентные явления, поскольку материалом исследования выступают прецедентные феномены, зафиксированные в белорусских СМИ. В целом исследование специфики прецедентных явлений в рамках одного лингвокультурного

сообщества – это активно развивающееся направление. В этой связи можно привести фундаментальные работы В. И. Карасика, В. В. Красных, В. Г. Костомарова на материале русского языка, а также исследования П. А. Лековой на материале дагестанской прессы, С. Н. Должиковой, П. С. Артемьевой на материале англоязычных текстов и др. В данной статье мы также рассматриваем прецедентные явления в рамках одной культуры, белорусской, но сопоставительный ракурс нашего исследования позволяет выявить определенные отличия в функционировании прецедентных явлений в прессе Республики Беларусь.

Существует и иная классификация прецедентных явлений. Ю. Н. Караулов к прецедентным феноменам относил цитаты, имена персонажей, авторов, а также тексты невербальной природы [4, с. 216]. Д. Б. Гудков предложил более подробное деление на прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена, прецедентные ситуации [5, с. 106–110].

Прецедентный текст понимается как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [5, с. 106–108]. К прецедентным текстам относят как вербальные (произведения художественной литературы, тексты песен и рекламы, анекдоты), так и невербальные явления (музыкальные сочинения, произведения живописи и т.д.). Прецедентное высказывание – это репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица [5, с. 106–108], но, как правило, являющаяся частью некоего произведения. По сути прецедентным высказыванием может стать любой фразеологизм, устойчивый оборот, цитата из текста, речэтикетная формула, являющаяся специфичной для данного лингвокультурного сообщества. Прецедентное имя – это широко известное имя собственное, которое используется не столько в качестве обозначения конкретного человека в тексте, сколько как символ определенных качеств, событий, судеб [5, с. 106–108]. Как подчеркивает Е. А. Нахимова, прецедентное имя есть индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, или с прецедентной ситуацией [7, с. 80]. Это сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется отсылка не непосредственно к обозначаемому, а к набору отличительных признаков, с которыми ассоциируется данное имя. Упоминание известных имен позволяет добавить в текст новые смыслы, повышает его образность. Прецедентная ситуация, как пишет В. В. Красных, понимается как «некая “эталонная”, “идеальная” ситуация, связанная с определенными ассоциациями и включающая представление о действии, событии и о его участниках. Означающим прецедентной ситуации могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя» [6, с. 183]. Таким образом, некий феномен может претендовать на статус прецедентного, если его основными признаками являются повторяемость, клишированность и имеет место тот факт, что он представляет собой свернутую ассоциативную цепочку [8, с. 32–33].

Цель нашего исследования – установить виды прецедентных феноменов в массмедийном дискурсе в сопоставительном аспекте центр – периферия на примере белорусских республиканских и региональных электронных СМИ. В ходе исследования представляется значимым решение следующего ряда задач:

- 1) рассмотреть теоретические основы изучения прецедентных феноменов;
- 2) создать корпус прецедентных феноменов, употребляемых в СМИ;
- 3) установить типологию видов прецедентных явлений в белорусских СМИ в сопоставительном аспекте;
- 4) описать источники прецедентных явлений.

В ходе исследования был проведен структурно-семантический анализ заголовков и контент-анализ статей периодических белорусских изданий в сопоставлении центр – периферия. По данным сайта Министерства информации на 1 августа 2018 г. в Беларуси было зарегистрировано 1652 печатные периодические издания, в том числе 749 газет, 862 журнала, 31 бюллетень, 9 каталогов, 2 альманаха. Периодическая печать Беларуси делится на несколько групп: республиканские общественно-политические издания, местные общественно-политические издания, а также специализированные СМИ различной тематической направленности. Для материала исследования нами были выбраны следующие общественно-политических издания: республиканские общественно-политические газеты: «СБ. Беларусь сегодня» (далее СБ) (тираж более 400 тыс. экземпляров), «Белгазета» (далее БГ) (тираж более 8 000 тыс. экземпляров) и региональные еженедельные издания «Вечерний Брест» (далее ВБ) (тираж 6 500 экземпляров), «Брестский курьер» (далее БК) (тираж 6 000 экземпляров). Газеты выходят на русском/белорусском языках и имеют электронные версии: sb.by, belgazeta.by, vb.by, bk-brest.by соответственно. Материал был отобран в период с 2019 по 2020 год.

Наиболее представительной группой в нашем материале стали прецедентные высказывания. Они объединяют цитаты из различных источников: литературных произведений, песен, кинофильмов. Заголовок «Цягнік далей ня йдзе...» (БГ, 03.03.2020) – это фраза, которую мы часто слышим в метро. Она означает, что необходимо покинуть вагон поезда, поскольку он прибыл на конечную станцию. К прецедентным высказываниям мы также относим устойчивые обороты, пословицы, поговорки, речевые формулы. В заголовке «Старый зеленый друг лучше новых двух» (БК, 21.06.2019) видоизменяется пословица: *Старый друг лучше новых двух*.

Источниками прецедентных текстов в нашей выборке стали фильмы, литературные произведения. В выборке, например, присутствует заголовок «Иллюзия обмана по-белорусски» (БГ, 10.03.2020), который связывает содержание статьи о некоторых привилегиях государственных предприятий на рынке, что указывает на отсутствие честной борьбы среди конкурентов, с фильмом «Иллюзия обмана», в котором герои используют мошеннические приемы. Еще один заголовок «Гости из будущего в страну вечного

прошлого» (БГ, 10.03.20) также ассоциируется с фильмом «Гостя из будущего». Примечательно, что именно названия этих двух фильмов встречаются еще в двух заголовках, что, несомненно, говорит о их популярности.

Прецедентная ситуация представлена в заголовке «“Индульгенция” не сработала» (СБ, 17.03.20). Как известно, в Средние века индульгенция предполагала прощение всех грехов. В статье с таким заголовком рассказывается о том, что чиновника не спасла его высокая должность – руководителя Службы безопасности президента – и он предстал перед судом за взятки.

Прецедентное имя в заголовках белорусской прессы – это имя литературного героя, исторической личности, певца, поэта (Дон Кихот, Будённый, Иосиф Кобзон, Александр Пушкин и др.): «*Дон Кихот*» из *Соболей*. В *Берёзе* открылась персональная выставка *Анатолия Желудко* (ВБ, 23.12.19); «*Конница Будённого*». Футбол от *Сарычева* (ВБ, 18.03.19). А в следующем заголовке «Хищник против Чужого» (БГ, 12.03.2020) актуализируются имена героев известного американского триллера «Чужой». В качестве Чужого в статье имеются в виду магазины секонд-хэнд, а в качестве Хищника – концерн «Беллегпром», глава которого внесла предложение ликвидировать магазины подержанных вещей в крупных городах, т.к. они препятствуют росту продаж продукции концерна.

Материал исследования также позволил выделить еще одну группу прецедентных явлений – прецедентные артефакты. В. В. Красных, не рассматривая артефакты как прецедентные явления, тем не менее, признает, что это может быть вещь, существующая в быту и использующаяся длительное время, но при этом имеющая некий скрытый смысл или значение, например, зеркало [6, с.165–166]. На нашем материале мы выделяем эту группу, поскольку считаем, что предметы, явления, входящие в нее, составляют специфику белорусской культуры, имеют для нее и ее представителей особое значение. В заголовке «“Кросны”, “жабіны вочкі”, “кажушок”: как в белорусско-украинском приграничье сохраняют древние традиции ткачества» (СБ, 14.03.20) перечисляются ткацкий станок *кросны* и технологии плетения *жабіны вочкі* и *кажушок* как неотъемлемые атрибуты старинных белорусских ремесел.

В материале анализа были также зафиксированы случаи комбинации нескольких прецедентных явлений. Мы назвали эту группу прецедентных явлений смешанными прецедентными явлениями. В заголовке «Не квадратом единым» присутствует отсылка не только к устойчивому выражению *не хлебом единым*, но и к произведению К. Малевича «Черный квадрат» при подаче интервью с внучатой племянницей К. Малевича (СБ, 15.02.2020). А заголовок «Дисней вам в хату» (БГ, 27.08.19) представляет собой сочетание имени собственного *Дисней* и ситуации, связанной с тем, что в фильмах компании «Дисней» мечты всегда сбываются, а также речевитетной формулы приветствия на белорусском языке *Мір вам у хату*. Речь в статье идет о том, что мечты сестер-близняшек из небольшого городка сбылись: они смогли сфотографироваться с президентом страны.

Приводим таблицу, где представлены данные наших исследований.

Виды прецедентных явлений и их количество
в общественно-политических республиканских
и региональных белорусских СМИ, кол-во ед. / %

Виды прецедентных явлений	Республиканские общественно-политические издания		Региональные еженедельные СМИ	
ситуация	21	10,5	13	6,5
имя	13	6,5	11	5,5
текст	28	14	37	18,5
высказывание	112	56	123	65,5
артефакт	15	7,5	7	3,5
смешанные	11	5,5	9	4,5
Итого	200 единиц	100 %	200 единиц	100 %

Данные, представленные в таблице, позволяют сделать вывод о степени репрезентативности прецедентных явлений в республиканской и региональной прессе. Так, для республиканских СМИ характерно использование прецедентных высказываний (56 %); прецедентные имена и смешанные прецедентные явления используются менее всего (6,5 и 5,5 % соответственно). В региональной прессе самой репрезентативной группой являются также прецедентные высказывания (65,5 %), их количество несколько больше, чем в республиканских изданиях. Наименее свойственно для региональной прессы употребление артефактов и смешанных прецедентных явлений (3,5 и 4,5 % соответственно). В целом, перечисленные различия можно назвать несущественными, поскольку и в республиканских, и в региональных изданиях достаточно явно прослеживается тенденция, указывающая на то, что авторы статей предпочитают обращаться к прецедентным высказываниям в подавляющем большинстве случаев (около 60 %). Каждая из остальных групп прецедентных явлений составляет около 10 % и менее. Исключением выступает группа прецедентных текстов: 14 и 18,5 % в республиканских и региональных СМИ.

Таким образом, установление специфики национально-прецедентных явлений в ходе сопоставительного анализа в соотношении центр – периферия позволило сделать следующие выводы.

1. И в республиканских, и в региональных СМИ Республики Беларусь широко применяются различные виды прецедентных феноменов: высказывания, тексты, имена, ситуации, артефакты. Прецедентные высказывания представлены почти в 60 % заголовков. Их источниками выступают устойчивые выражения, пословицы и поговорки, речевые формулы, прозаические и поэтические цитаты, цитаты из фильмов, песен. Прецедентные тексты встречаются почти в 20 % заголовков, прецедентные имена, ситуации и артефакты – менее, чем в 10 % каждый. Особый вид прецедент-

ных явлений, выделенный на нашем материале – это прецедентные артефакты, значимые объекты белорусской культуры, которые имеют не только утилитарное значение, но и знаменуют собой определенный этап развития или определенный вид деятельности.

2. Белорусский массмедийный дискурс насыщен прецедентными феноменами. В нем прецедентность имеет достаточно однородное содержание с точки зрения вида прецедентных явлений, поскольку и в республиканских, и в региональных изданиях тенденции использования прецедентных явлений чрезвычайно схожи. В целом прецедентность позволяет актуализировать фоновые знания читателей белорусских изданий, расширить их индивидуальную картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт, Р.* Риторика образа / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика; пер. с фр. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. *Глушак, Т. С.* Интертекстуальность прецедентных текстов / Т. С. Глушак // Вопросы германской филологии и методические инновации в обучении и воспитании : материалы X респ. науч. конф., Брест, 24 марта 2006 г. / Брест. гос. ун-т; редкол.: А. Н. Гарбалёв [и др.]. – Брест : Академия, 2006. – С. 3–6.
3. *Арнольд, И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / И. В. Арнольд. – СПб. : СПбГУ, 1999. – 448 с.
4. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. *Гудков, Д. Б.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Вестн. Моск. ун-та. – 1997. – № 4. – С. 106–118.
6. *Красных, В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК, 2003. – 375 с.
7. *Нахимова, Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т ; Ин-т социального образования, 2007. – 207 с.
8. *Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : Филология, 1998. – Вып. 4. – С. 5–33.*

Mass media discourse makes extensive use of precedent phenomena that update the background knowledge of readers of Belarusian newspapers and expand their individual picture of the world. The identification of types of national-precedent phenomena by comparing the headlines of national and regional newspapers of the Republic of Belarus indicates the prevalence of precedent statements over precedent names, texts, situations and artefacts.

Поступила в редакцию 30.06.2020

**МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ НА БАЗЕ
ОБЛАСТИ-ИСТОЧНИКА ‘ЖИВОТНОЕ’
В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Данная статья посвящена исследованию существительных, образованных путем семантической деривации на базе значения ‘животное’ в русском и белорусском языках. Формирование переносных значений отобранных единиц происходит на основе метафорических моделей. Данная семантическая область-источник была рассмотрена нами на материале не только видовых понятий (собака, лошадь и др.), но и родовых (хищник, птица и др.).

В статье также определены случаи сходного формального и семантического развития лексем в русском и белорусском языках в рамках метафорической модели ‘животное’ → ‘человек’, а также обозначены случаи только сходного семантического развития и примеры только формального сходства лексем в русском и белорусском языках.

Семантическая деривация – это процесс появления у слова семантически производных значений, со-значений, семантических коннотаций, т.е. процесс расширения семантического объема слова, приводящий к появлению семантического синкретизма, а потом и процесс распада семантического синкретизма (единства, слияния), вызывающий полисемию. Семантическая деривация имеет направления изменений, которые определяют основные типы самой деривации: метонимические и метафорические процессы изменений в семантической структуре слова [1, с. 36].

Исследователи говорят о необходимости создания определенных моделей окружающего нас мира, отражающих культуру народа, систему его ценностей, особенности мироощущения, мирочувствования и мировосприятия [2, с. 16–23]. Под моделью семантической деривации в данной работе понимается повторяющаяся схема развития вторичного значения, которая организует последовательные цепочки связанных между собой двух и более значений. Семантический перенос может быть представлен различным числом моделей семантической деривации.

Основная часть моделей семантической деривации относится к одному из двух крупных классов – метонимические сдвиги или метафорические переносы, образующие устойчивые механизмы связи значений. Традиционно метафорическое отношение между значениями характеризуется как основанное на сходстве, подобии обозначаемых явлений [3].

В данной статье рассматривается формирование переносных значений зоонимов на основе метафорических моделей.

Всего было исследовано 150 русских и 99 белорусских зоонимических единиц. Лексические единицы были отобраны путем сплошной выборки из следующих толковых словарей русского и белорусского языков: «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [4] и «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» [5]. Сплошная выборка

лексических единиц проводилась по ключевым семам: 'животное', 'птица', 'насекомое', 'рыба' и 'детёныш животного'. Также обязательным критерием отбора лексики выступило наличие переносных значений у выбранных лексем.

В русском и белорусском языках метафорические модели с областью-источником 'животное' охватывают 182 и 117 семантических переносов соответственно. В процессе исследования на материале двух языков нами были выделены метафорические модели 'животное' → 'человек' и 'животное' → 'артефакт', а также определены единичные семантические переносы.

Среди метафорических моделей с семантической областью-источником 'животное' в белорусском и русском языках наиболее продуктивной и частотной является модель 'животное' → 'человек'. В белорусском языке она охватывает 86 семантических переносов, в русском – 143 семантических переноса.

Степень сходства анализируемых лексических значений в русском и белорусском языках очень высока. По данным толковых словарей из проанализированных русско-белорусских вариантов была выявлена 71 пара слов, имеющих одинаковые или очень близкие лексические значения, которые содержат перенос из семантической области-источника 'животное' в целевые области 'человек', 'артефакт', а также подобные совпадения были обнаружены и среди единичных семантических переносов. Из выделенной 71 пары слов 60 пар являются дословными совпадениями в русском и белорусском языках.

Приведем несколько примеров, подтверждающих данный вывод.

Рус. **баран** разг.-сниж. 'О глупом, упрямом человеке'.

Белорус. **баран** бранное слово. 'О тупом, непонятливом человеке'. *Другі баран ні «бэ», ні «мя», а любіць гучнае імя.*

Рус. **осёл** бранно. 'О тупом, упрямом человеке'.

Белорус. **асёл** бранное слово. 'О глупом, тупом, упрямом человеке'.

В процессе исследования зоонимических единиц на материале русского и белорусского языков нами были выделены 5 групп слов в рамках каждой модели и среди единичных семантических переносов:

1) формального и семантического сходства в белорусском и русском языках;

2) только семантического сходства лексем в русском и белорусском языках;

3) разного семантического развития;

4) лексема по данным толковых словарей не обладает переносным значением в русском или в белорусском языке, однако данные корпусов текстов подтверждают обратное;

5) слово развивает переносное значение только в одном языке, что подтверждается данными словарей и корпусов текстов.

Далее в рамках первой группы рассмотрим случаи и формального, и семантического сходства лексических единиц в русском и белорусском языках, которые были выделены на основании толковых словарей.

Модель ‘животное’ → ‘человек’

Рус. *корова* перен., пренебр., бран. ‘Толстая и неповоротливая женщина’ и белорус. *карова* разг., пренебр. ‘О толстом, неуклюжем человеке (обычно женщине)’. – *А ну, варушыся, карова!*

Рус. *лев* разг. ‘О ком-л., отличающемся большой силой, храбростью, смелостью’ и белорус. *леў* перен. ‘Тот, кто выделяется мощной силой, мужеством, храбростью и смелостью’.

Модель ‘животное’ → ‘артефакт’

Рус. *амфибия* ‘автомобиль, танк и т.п., приспособленный для движения по суше и по воде’ и белорус. *амфібія* ‘самолет, который может взлететь и приземлиться на воду и землю; автомобиль, танк, который может двигаться как по воде, так и по суше’.

Рус. *слон* ‘в шахматах: фигура, ходящая по диагонали, офицер’ и белорус. *слон* ‘шахматная фигура, которая может перемещаться на любое количество клеток по диагонали’.

Единичные семантические переносы

При исследовании единичных семантических переносов также были выделены 5 пар слов, которые обладают и формальным, и семантическим сходством в русском и белорусском языках: рус. козёл и белорус. казёл (‘животное’ → ‘вещество’), рус. козёл и белорус. казёл (‘животное’ → ‘игра’), рус. ласточка и белорус. ластаўка (‘животное’ → ‘движение’), рус. медянка и белорус. мядзянка (‘животное’ → ‘вещество’), рус. червь и белорус. чарвяк (‘животное’ → ‘чувство’).

Далее рассмотрим русско-белорусские пары слов, которые относятся ко второй выделенной нами группе – перечислим случаи только семантического сходства лексических единиц в русском и белорусском языках, которые были выделены в соответствии с толковыми словарями двух языков.

Модель ‘животное’ → ‘человек’

Рус. хищник и белорус. драпежнік ‘организм, питающийся животной пищей’ → ‘безжалостный человек’;

Рус. петух и белорус. певень ‘самец курицы; домашняя птица’ → ‘задиристый, запальчивый человек’. *Не мужчина, а петух. Братья росли петухами.*

Рус. щенок и белорус. шчанюк ‘детёныш собаки’ → ‘молодой, неопытный человек’. *Набрали на стройку щенков.*

В рамках модели ‘животное’ → ‘артефакт’ подобных случаев выявлено не было.

Единичные семантические переносы

Рус. птичка и белорус. птушка ‘покрытое перьями и пухом позвоночное животное с крыльями’ → ‘пометка на полях текста или в тексте в виде двух штрихов, которые сходятся внизу острым углом’.

Несмотря на то, что русский и белорусский языки являются близкородственными, все же были выделены некоторые отличия, поэтому также рассмотрим случаи разного семантического развития, которые были определены нами в границах третьей группы слов.

В соответствии с данными толковых словарей русского и белорусского языков следующие лексические единицы обладают разными лексическими значениями. Однако во многих случаях данные корпусов текстов обнаруживают у этих единиц сходное семантическое развитие.

Модель ‘животное’ → ‘человек’

Лексическая единица **выдра** содержит перенос из сферы-источника ‘животное’ в целевую семантическую область ‘человек’ в обоих языках, но в русском языке она относится к целевой семантической области ‘внешность и физические качества человека’, в то время как в белорусском языке данная единица описывает характер человека.

Рус. **выдра** перен., прост. пренебр., также бран. ‘Худая и некрасивая женщина’. *Выдра облезлая.*

Белорус. **выдра** перен., грубое слово, грубое выражение. ‘О злой неуживчивой женщине’.

Корпус текстов содержит контексты, в которых лексема **выдра** в русском языке также используется для описания характера.

Только ты там поаккуратнее... Жена у него настоящая выдра. И заходи, если что. Чем могу... [НКРЯ].

В то же время на материале белорусских корпусов текстов не было выявлено примеров, когда лексема **выдра** описывает внешность человека.

Лексемы **хищник** и **драпежнік** также содержат некоторые отличия при переносе в область-цель ‘человек’. В белорусском языке, кроме общего с русским языком значения ‘безжалостный человек’, было выделено значение ‘чужеземные захватчики, жестокие эксплуататоры’, которое отсутствует в толковом словаре русского языка. Однако корпус текстов русского языка содержит контексты, в которых данная лексема используется в данном значении.

Империалистические хищники выбирают момент разорвать нас на части [НКРЯ].

Модель ‘животное’ → ‘артефакт’

Лексемы **паук** и **павук** содержат перенос в целевую область ‘человек’, однако на материале белорусского языка единица **павук** также была рассмотрена нами в рамках метафорической модели ‘животное’ → ‘артефакт’:

Белорус. **павук** ‘род рыболовной снасти, имеющей спицы и напоминающей паука’. *Я ніколі ў жыцці не бачыў, як ловаць рыбу павуком, але не распытваў.*

Корпусы текстов также доказывают наличие схожего лексического значения у русской лексемы **паук**, хотя толковые словари его не фиксируют.

*Он доставал из кармана мякиш белого хлеба, поплевав на него, делал лепёшку и прижимал её пальцами к середине **рыболовного паука*** [НКРЯ].

Лексема **тыгр** в белорусском языке относится к метафорической модели ‘животное’ → ‘артефакт’.

Белорус. **тыгр** разг. 'Название немецкого танка периода Второй мировой войны'. *У тым баі мы знішчылі шэсць «тыграў», астатнія адышлі.*

В русском языке лексема **тигр** по данным толкового словаря образует перенос только в целевую сферу 'человек.' Однако данные корпусов текстов обнаруживают у данной лексемы значение, которое позволяет рассматривать эту единицу в рамках модели 'животное' → 'артефакт'.

Страшно даже подумать, что было бы, если бы Me-262 и «Вассерфали» очистили немецкое небо от «летающих крепостей», «тигры» стабилизировали сухопутный фронт, а германские ядерщики успели создать для Гитлера атомную бомбу! [НКРЯ].

В рамках **четвертой** группы слов также были рассмотрены случаи, когда лексема по данным толковых словарей не обладает переносным значением в русском или в белорусском языке, однако данные корпусов текстов доказывают обратное, и данное слово обладает схожими значениями в обоих языках.

Модель 'животное' → 'человек'

По данным толковых словарей лексема **бегемот** содержит перенос в область-цель 'человек' только в русском языке. Однако данные корпусов текстов содержат примеры, где лексема **бегемот** в белорусском языке также используется для описания внешности и физических качеств человека. *Ён кінуўся да мяне з грацыяй і спрытам бегемота* [НКРЯ].

Лексическая единица **блоха** в русском языке обладает переносным значением 'ничтожный, презираемый человек'. По данным толковых словарей белорусского языка подобный перенос отмечен не был, но корпусы текстов доказывают обратное. *Каго яна можа нарадзіць, такая блыха?* [НКРЯ].

Также перечислим несколько лексем, которые содержат переносы в область-цель 'человек' только по данным корпусов текстов русского языка.

Рус. **соловей** 'маленькая певчая птица отряда воробьев, которая выделяется красивым пением' → 'человек, который славится своим чистым, красивым, в основном высоким голосом, вокальными навыками'. *Но я не могу быть просто соловьём Кремля, потому что мне надо ещё учитывать настроение населения* [НКРЯ].

Рус. **обезьяна** 'млекопитающее отряда приматов, наиболее близкое к человеку по строению тела и устройству больших полушарий головного мозга' → 'очень некрасивый человек'. *Он чувствовал, как ему становится жарко, а в душе растет злость против этой расфуфыренной обезьяны Полины* [НКРЯ].

Модель 'животное' → 'артефакт'

Далее рассмотрим лексемы, которые содержат переносы в область-цель 'артефакт' в белорусском языке только по данным корпусов текстов.

Белорус. **жаваранак** 'небольшая, обычно луговая, полевая или степная птица подотряда певчих воробьиных' → 'сдобная булочка в виде птички'. *Руплівыя гаспадыні сёння могуць парадаваць сваіх сямейнікаў, блізкіх, знаёмых адмысловай выпечкай – «жаваранкамі»* [6].

Белорус. **зебра** ‘дикая африканская лошадь, имеющая полосатую чёрно-белую окраску’ → ‘о пешеходном переходе, размеченном белыми полосами’. *Недалёка ад праезнай часткі гарэў дом, начальнік ДАІ горада па дарозе на працу вырашыў даведацца, ці патрэбна дапамога па арганізацыі руху ў месцы надзвычайнай сітуацыі, і стаў пераходзіць дарогу па «зебры»* [6].

По данным толкового словаря русского языка лексема **червяк** не образует семантического переноса в область-цель ‘артефакт’, но данные корпусов текстов содержат примеры, которые подтверждают наличие у этой лексемы в русском языке значения ‘тип винта для передачи вращения в некоторых механизмах’. *Ведущим является червяк. Вращение определяется по типу завинчивания винта и гайки* [НКРЯ].

Единичные семантические переносы

В русском языке лексическая единица **рыба** была выделена в составе единичного семантического переноса ‘животное’ → ‘игра’. В белорусском языке этот единичный семантический перенос был зафиксирован только по данным корпусов текстов. *Наколькі я ведаю, рыбай у даміно завецца такая сітуацыя, пры якой на руках у гульцоў яшчэ застаюцца косткі, але ні адна з іх не падыходзіць для таго, каб зрабіць ход. Няма патрэбнай косткі* [6].

В русском языке лексическая единица **дельфин** относится к модели ‘животное’ → ‘движение’. В белорусском языке по данным толкового словаря лексема **дэльфін** не образует подобного единичного семантического переноса, однако корпусы текстов доказывают обратное. *Батэрфляй (англ. Butterfly – мотыль, іншая назва «дэльфін») – адзін з найболей тэхнічна складаных і стомных стыляў плавання* [НКРЯ].

В границах **пятой** группы слов нами также были выделены случаи, когда слово развивает переносное значение только в русском языке или только в белорусском, что подтверждается данными словарей и корпусов текстов.

Модель ‘животное’ → ‘человек’

Рассмотрим лексемы, которые образуют семантические переносы только в русском языке.

Лексическая единица **рыба** в русском языке содержит перенос в область-цель ‘человек’, однако по данным толковых словарей белорусского языка и по данным корпуса текстов подобный перенос отмечен не был.

Рус. **рыба** ‘водное позвоночное животное с непостоянной температурой тела, дышащее жабрами и имеющее плавники’ → ‘вялый, медлительный или холодный, бесстрастный человек’. *Ленивая, слюнявая и вялая рыба в чёрно-зеленом вицмундире, дослуживающая до пенсионера* [НКРЯ].

Рус. **ястреб** ‘хищная лесная птица семейства ястребиных с коротким, загнутым книзу клювом и острыми когтями’ → ‘агрессивно настроенные сторонники усиления военной мощи государства’.

Рус. **плотва** ‘небольшая пресноводная рыба семейства карповых’ → ‘незначительные по своему общественному весу, значимости, личным качествам люди’.

Лексическая единица *жаба* обладает значением ‘презрительное или укоризненное обзывание детей’ только в белорусском языке, что подтверждается данными толковых словарей и корпусов текстов.

Модель ‘животное’ → ‘артефакт’

Далее приведем примеры лексем, которые образуют переносы в область-цель ‘артефакт’ и были встречены только на материале русского языка.

Рус. *глухарь* ‘крупная лесная, чаще таёжная, птица семейства тетеревиных с широким хвостом и тёмным оперением у самцов и пёстрым у самок’ → ‘большой винт с шестигранной или квадратной головкой под ключ’.

Рус. *рыба* ‘водное позвоночное животное с непостоянной температурой тела, дышащее жабрами и имеющее плавники’ → ‘то, что подготовлено для кого-л. в качестве предварительного или необходимого материала; заготовка’.

Следующие лексические единицы образуют перенос в область-цель ‘артефакт’ только в белорусском языке.

Белорус. *бусел* ‘большая перелетная птица с длинным прямым красным клювом и высокими красными ногами’ → ‘высокая бутылка водки’. *Тры буслы гарэлкі высока падымалі галовы над стусамі закусак.*

Белорус. *кабыла* ‘самка лошади’ → ‘доска с вырезом для шеи и рук, к которой привязывали для наказания кнутом’.

Единичные семантические переносы

Лексическая единица *кобра* в русском языке образует единичный семантический перенос ‘животное’ → ‘движение’. Рус. *кобра* ‘южная ядовитая змея, при опасности раздувающая шею капюшоном’ → ‘фигура высшего пилотажа, при выполнении которой горизонтально летящий самолёт резко тормозит и занимает вертикальное положение носом вверх’. В белорусском языке данный перенос отсутствует, что подтверждается данными толкового словаря и корпусов текстов.

В белорусском языке лексическая единица *каза* была выделена в составе единичного семантического переноса ‘животное’ → ‘фольклорный обряд’. В русском языке подобный единичный семантический перенос отмечен не был.

Очевидно, что в рассматриваемых языках есть и сходные, и различные семантические транспозиции на базе семантики ‘животное’. В русском и белорусском языках было отмечено довольно большое число сходств. Однако, несмотря на то, что русский и белорусский языки являются близкородственными, по данным толковых словарей нами все же было выделено достаточно большое количество отличий, многие из которых также подтверждаются данными корпусов текстов.

Кроме того, отметим, что в соответствии с результатами проведенного исследования, в русском и белорусском языках среди метафорических моделей с семантической областью-источником ‘животное’ наиболее про-

дуктивной и частотной является метафорическая модель ‘животное’ → ‘человек’. В силу того, что человеку свойственно познавать окружающий мир в сравнении с собой, именно антропоморфная метафора является одним из наиболее распространенных типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некипелова, И. М. К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте / И. М. Некипелова // Вестн. ТГУ. Сер. Филология № 2 (14). – 2011. – С. 33–46.
2. Вендина, Г. И. Словообразование как способ дискретизации универсума / Г. И. Вендина // Вопр. языкознания. – 1999. – № 2. – С. 16–23.
3. Рахилина, Е. В. База данных по многозначным качественным прилагательным и наречиям русского языка / Е. В. Рахилина // Диалог 2010: м-лы межд. конф. по комп. лингв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/26.html>. – Дата доступа : 15.02.2020.
4. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – 1 534 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў: 2-е выд. / уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 2016. – 968 с.
6. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : <http://bnkorus.info/about.html>. – Дата доступа : 12.01.2020.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 20.01.2020.

This article deals with the study of nouns formed by semantic derivation based on the meaning ‘animal’ in the Russian and Belarusian languages. The formation of the figurative meanings of the selected words is based on metaphorical models. This semantic source domain was considered on the material of not only species concepts (dog, horse, etc.), but also generic ones (predator, bird, etc.).

The paper contains the description of cases of similar formal and semantic development of words in the Russian and Belarusian languages within the framework of the metaphorical model ‘animal’ → ‘people’, as well as cases of similar semantic development only, and cases of just formal similarities of words in Russian and Belarusian.

Поступила в редакцию 29.06.2020

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**И. А. Меньшенина****СТРУКТУРА КОМПОНЕНТА «ВВЕДЕНИЕ» В НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ СТАТЬЯХ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье отражены результаты лингвистического анализа научных медицинских текстов на английском языке. Исследуются закономерности структурно-семантической организации раздела «Введение» данного типа текстов. Раскрываются коммуникативные задачи каждого из компонентов обозначенного раздела.

На основе анализа корпуса из 100 научных медицинских статей выявляются способы маркирования наиболее важной информации в исследуемых текстах. Определяются дальнейшие шаги для решения задачи автоматического реферирования медицинских научных текстов.

В настоящее время обработка постоянно растущего числа научных медицинских публикаций трудновыполнима без применения методов компьютерной лингвистики. Системы автоматического реферирования текста дают возможность быстро отбирать и представлять в сжатом виде наиболее значимую информацию, однако их использование для обработки текстов медицинской тематики представляется невозможным без надлежащего анализа данного типа текстов.

Для решения задачи автоматического поиска релевантной информации в научной медицинской статье необходимо исследовать закономерности структурно-семантической организации данного типа текстов. Поскольку каждый компонент семантической структуры текста вербализуется с помощью определенных слов, словосочетаний, лексических клише и синтаксических конструкций, маркирующих тот или иной фрагмент текста [1, с. 84], нужно определить способы маркирования наиболее важной информации в исследуемых текстах. В настоящей работе проводится анализ компонента «Введение» научной медицинской статьи на английском языке.

Материалом, на основании которого проводилось исследование, послужил корпус из 100 статей, опубликованных в ведущих англоязычных медицинских журналах «The Lancet», «The British Medical Journal (BMJ)», «The New England Journal of Medicine», «The Journal of the American Medical Association» и др.

Несмотря на то, что определяющими особенностями научной медицинской статьи являются информативная плотность, логичность, объективность, четкость, безэмоциональность, безличная манера изложения и другие [2; 3; 4], раздел «Введение» демонстрирует некоторое отступление от правил. Здесь автору нужно не только описать состояние проблемы на момент написания статьи, выдвинуть гипотезы и обозначить цели исследования, но и крайне

важно вызвать симпатию и доверие адресата. Необходимо утвердить в глазах научного сообщества важность самого поля исследования с целью обоснования актуальности проведенной работы, ее преемственности, ценности полученных результатов для дальнейших разработок.

Таким образом, в данном разделе для определения поля исследования используются так называемые «заявки на центральную роль» (centrality claims) [5, p. 178], при помощи которых автор призывает научное сообщество признать, что проведенное им исследование является частью бесспорно важной области науки. Вербализуется данный прием при помощи таких лексических единиц, как *important, central, interesting, indispensable, worthwhile, imperative, worldwide, significant, etc.*

Worldwide, acute ischaemic stroke is a leading cause of long-term disability and patient mortality.

Раздел «Введение» отличает также наличие так называемых «комментариев автора» (author's comments) [6, p. 26], которые реализуются при помощи модальных глаголов (*may, should, can, etc.*), наречий и прилагательных, выражающих вероятность (*possible, certainly, etc.*), выбора определенных лексем (*hypothesis, view, etc.*) и т.д.

Reperfusion can be achieved not only by recanalisation of an occluded vessel but also by enhancement of blood flow through collateral vessels.

Анализ смысловой структуры данного раздела показал, что она может включать 3 основных компонента, один из которых, в свою очередь, состоит из подкомпонентов:

1. Определение поля исследования.
2. Анализ предшествующих исследований:
  - а) обзор ранее опубликованных работ;
  - в) анализ нерешенных аспектов.
3. Представление цели исследования.

Компонент «Определение поля исследования» включает обзорную информацию по вопросу, обозначает масштаб проблемы и ее актуальность.

Несмотря на общие сведения, приводимые автором, данный компонент является обязательным и встречается в 100 % исследуемых статей. Это объясняется тем, что адресат, близкий автору как в социокультурном, так и в профессиональном плане, читая знакомую и не вызывающую сомнений информацию, проникается доверием к автору и его работе.

Нередко для привлечения особого внимания читателя используется эмоциональный призыв (emotional appeal), который представлен процентом смертности либо осложнениями, к которым приводит описываемое заболевание. Частыми маркерами, которые реализуют данное намерение, выступают единицы *is acute, is common, is a leading cause, is usual, is associated with, complications, mortality, morbidity, health risk, etc.* Данный прием наблюдается в 62 % исследуемых статей.

High blood pressure is common in acute stroke and is a predictor of poor outcome.

Выделить семантический компонент «Определение поля исследования» позволяют глаголы мнения *consider, believe, associate, regard, etc.*, а также глаголы других семантических групп *recommend, use, perform, accept, advocate, etc.*, которые в большинстве случаев употребляются в форме страдательного залога.

С целью подчеркнуть особую важность описываемой проблемы автор в ряде случаев использует глаголы каузации количественных изменений *increase, predisposes, reduce, accelerate, etc.* в форме активного залога.

*The prevalence of atrial fibrillation **increases** with age, and advancing age **predisposes** to a higher risk of thromboembolic events in patients with this arrhythmia.*

Грамматические маркеры, отличающие данный компонент, – это грамматические времена глаголов Present Simple (в 92 % исследуемых статей) и Present Perfect Simple (в остальных случаях), а также превосходная степень прилагательных (*the most common, the most frequent, etc.*).

*Percutaneous coronary intervention for the treatment of obstructive coronary artery disease **is the most commonly performed** cardiovascular procedure and one of **the most frequent** interventions in medicine.*

Компонент «Анализ предыдущих исследований», как и предыдущий компонент, не сообщает нового знания, но связь с более ранними исследованиями подчеркивает значимость и преемственность работы. Автор статьи встраивает новую информацию в уже имеющуюся систему, так как системность знания подразумевает наличие так называемого критерия истинности, который признается в конкретный момент определенным научным сообществом [7, с. 63].

Данный компонент содержит критический анализ полученных ранее знаний и выводов.

Семантический компонент «Анализ предыдущих исследований» включает субкомпоненты *обзор ранее опубликованных работ* и *анализ нерешенных аспектов*.

Основной коммуникативной целью субкомпонента *обзор ранее опубликованных работ* является завоевание доверия адресата посредством демонстрации интереса других ученых к исследуемой проблеме.

Определяющими принадлежность текстового сегмента к данному субкомпоненту являются дискурсивные маркеры *a study/studies/a trial/trials/findings/data/efforts, a meta-analysis/meta-analyses/guidelines/research, etc. ... showed/demonstrated/suggested/established/made/indicated/etc.*, которые часто употребляются вместе с наречиями времени (*in 2017/2018/in the past 5 decades/in the past decade, etc.*), реже – с наречиями места (*in Europe, Asia, etc.*), а также с названиями баз данных, журналов, университетов, в которых были проведены либо опубликованы данные исследования.

In the past decade, efforts have been made to quantify the burden of disease attributable to specific dietary factors.

The findings of the Cochrane review suggested that SSRIs might reduce post-stroke disability, although this estimate was based on a metaanalysis done across various measures of function and greater effects were seen if studies with increased risk of bias were retained and patients with depression were included.

Автор использует маркеры, отсылающие читателя к источнику информации как обобщенному, так и конкретному [8, с. 161] (*according to, in the work of, in the research made by, etc.*), иногда – к собственным более ранним исследованиям (*in our previous study ... is proved, as it was showed earlier, etc.*).

Актуальность направлений исследования на данный момент подчеркивается дискурсивными маркерами *current, currently, to date, in recent years, recently, etc.*

In the current American College of Cardiology and American Heart Association (AHA/ACC) guidelines, the use of drug-coated balloons is not recommended at all.

Субкомпонент *анализ нерешенных аспектов* отличается наличием активного авторского мнения, оценки, комментария относительно вышеприведенных исследований.

Особенностью, характеризующей данный субкомпонент, является употребление отрицательных конструкций (*not known, have not...been any..., there is/are no..., no previous trials/data/consensus, etc.*) а также слов, имеющих значение с отрицательным оттенком (*absence, shortage, lack, limitations, limited (data), poor, insufficient, fail, complexity, restricted, underused, unable, uncertain, etc.*).

There is an absense of prospective data investigating treatment withdrawal in patients with recovered dilated cardiomyopathy and consequently no consensus among experts or clear recommendations in guidelines.

В данном подкомпоненте широко используются придаточные предложения противопоставления с союзами *though, although, despite, etc.*

Despite this evidence, vitamin K antagonists (VKAs) are underused in elderly patients with atrial fibrillation, mainly because of safety concerns related to a higher bleeding risk.

Наиболее часто встречающаяся лексема *however* вводит дискурсивную последовательность в рамках авторской аргументации:

However, there are limited data on the implementation of Mobile Health technology for the management of patients with atrial fibrillation, particularly in relation to its feasibility, efficacy, and safety [AmJ 12].

Нередко встречается имеющая рестриктивное значение лексема *only*.

Additionally, endovascular thrombectomy requires intracranial vessel imaging, neurointerventional facilities, and neuroendovascular medical expertise, which are available only in a small proportion of hospitals worldwide.

Компонент «Анализ предыдущих исследований» отличается особой протяженностью – может включать от 1 до 6 предложений. В предложениях, описывающих предыдущие работы, встречается и грамматическое время глагола Past Simple, и время Present Perfect, тогда как замечания о нерешенных вопросах даются во времени Present Perfect.

Анализ текстов научных медицинских статей демонстрирует осторожность автора в высказывании своих гипотез и формулировании новых научных положений. Поэтому в качестве средств реализации компонента «Представление цели исследования» нередко выступают вводные дискурсивные маркеры *probable, probably, therefore, hence, provided, accordingly, apparently, etc.*, указывающие на логическую вероятность, а также выражающие мнение автора *in our opinion, we hypothesize(d), our hypothesis (is), etc.*

Accordingly, we aimed to do a pilot study to examine the effect of treatment withdrawal in patients with clinical, imaging, and biochemical evidence of recovery from dilated cardiomyopathy.

Сделать высказывание менее категоричным позволяет употребление модальных глаголов, выражающих возможность, неуверенность, предположение (*could, might, etc.*).

*Intravenous thrombolysis **could** potentially treat a broader range of patients.*

В сегментах текста, определяющих цели исследования, появляется местоимение первого лица *we* и притяжательное местоимение *our* в маркерах *we aim/ aimed, we did, we designed (a trial), we assess, we extracted, our aim, we did (collaborative) meta-analyses, we sought (to use), we postulated, we report (results), we provide (direct estimates), our analysis, etc.*, вместе с которыми часто встречается наречие места *here*.

Here, we report results from a randomised trial comparing treatment observation with asynchronous VOT versus in-person DOT for supporting treatment adherence in patients with active tuberculosis in England.

Следующими этапами нашего исследования являются:

1. Построение алгоритма поиска семантических компонентов раздела «Введение» в научной медицинской статье на английском языке на основе полученных данных.

2. Сокращение отобранных фрагментов исходного текста с последующим их преобразованием в целях построения текста реферата.

Рассмотренный метод, основанный на закономерностях структурно-семантической организации научной статьи, в сочетании с методами маркирования информации делает возможным составление алгоритма для поиска семантических компонентов раздела «Введение» медицинского научного текста с помощью компьютера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпилович, Т. П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста : когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск : Изд-во МГЛУ, 2003. – 226 с.

2. Антонова, Н. Ю. Коммуникативная точность специального текста : на материале инструкций по применению лекарственных препаратов : дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Антонова. – Волгоград, 2011. – 197 л.
3. Какзанова, Е. М. Сокращения в медицинских текстах и особенности их перевода / Е. М. Какзанова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22, Теория перевода. – 2014. – № 3. – С. 80–88.
4. Костяшина, Е. А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. А. Костяшина. – Томск, 2009. – 29 с.
5. Swales, J. The writing of research article introductions / J. Swales, H. Najjar // Written communication. – 1987. – Vol. 4, № 2. – P. 175–191.
6. Adams Smith, D. E. Medical Discourse: Aspects of Author's Comment / D. E. Adams Smith // The ESP Journal. – 1984. – Vol. 3. – P. 25–36.
7. Баженова, Е. А. Научный текст и среда / Е. А. Баженова // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Рос. и зарубеж. филол. – 2010. – Вып. 2 (8). – С. 60–64.
8. Когут, С. В. Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе / С. В. Когут // Сиб. филол. журн. – 2016. – № 2. – С. 157–163.

The article discusses one of the approaches to the formal presentation of the Introduction section of English scientific articles in medicine. The structural-semantic organization of the section is described in the article. The communicative purposes of each component are discussed and their linguistic markers are identified.

Поступила в редакцию 20.07.2020

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И. К. Кудрявцева

ГИБРИДНЫЙ ХАРАКТЕР НОВЕЛЛИСТИКИ ФЛАННЕРИ О'КОННОР (на примере рассказа «Озноб»)

В статье исследуется феномен гибридизации в литературе на примере малой прозы Ф. О'Коннор, представительницы «южной школы» литературы США XX века. Анализ образно-символической системы и сюжетно-композиционного построения рассказа «Озноб», избранного в качестве репрезентативного, позволил выявить в нем коммуникативные стратегии и элементы поэтики двух жанров словесности – анекдота и религиозно-дидактического «примера», и такая гибридизация художественных кодов определила стилевое своеобразие этого и других произведений писательницы и специфику их рецепции.

В развитии литературных жанров и формировании поэтических систем отдельных авторов важную роль играют процессы жанрового синтеза и гибридизации. В отличие от жанрового синтеза, при котором разные жанровые модели взаимодействуют в произведении, создавая органическое единство, литературная гибридизация подразумевает, что в пределах одного произведения может устанавливаться взаимосвязь между элементами не только разных жанров, но и видов, родов литературы, а также жанров литературных и нелитературных, при этом в художественном целом «сохраняются свойства (и/или память) исходных составных частей» [1, с. 8].

Цель данной статьи – рассмотреть феномен гибридизации в литературе на примере малой прозы американской писательницы Фланнери О'Коннор (Flannery O'Connor, 1925–1964), автора двух романов и более 30 рассказов. Писательница родилась и прожила большую часть своей жизни на Юге США, в штате Джорджия, и ее эстетическая система сформировалась под влиянием двух ключевых факторов – католицизма как мировоззренческой основы ее творчества и регионального социокультурного контекста как источника тем, образов и сюжетов. В частности, в творчестве писательницы обнаруживается связь с южной традицией устного комического рассказа, получившей отражение в XIX в. в «небылицах» и «анекдотах» юмористов Юго-Запада и в творчестве Марка Твена, а в XX в. – в произведениях У. Фолкнера и Ю. Уэлти. Чувство комического проявилось у Ф. О'Коннор уже в юности – во время учебы в колледже она прославилась своими шаржами и карикатурами, а впоследствии знакомство с трудами католи-

ческих философов и теологов лишь укрепило ее убежденность в том, что юмор, ирония, сатира являются органичными для католической этики и эстетики.

Создавая образы героев, О'Коннор подвергала сатирическому осмеянию человеческие пороки – гордыню, тщеславие, эгоизм, прибегая к парадоксальным сравнениям с животными, птицами, растениями, неодушевленными предметами, наделяя героев телесными недугами, которые призваны указать на их нравственную неполноценность, либо «говорящими» именами, которые зачастую отражают то, как воспринимает себя сам герой, и иронично контрастируют с его внутренней сущностью, выявляющейся в мыслях, поступках, речи. Избитые фразы, которые автор вкладывает в уста героев (*Несчастье одного – счастье другого, Деньги – корень всех зол* и др.), указывают на их мещанскую ограниченность, лицемерие, обывательское равнодушие, при этом реальный смысл этих фраз парадоксальным образом актуализируется по мере развертывания сюжета рассказа. Кроме того, писательница активно использовала разнообразные формы иронической инверсии, когда герой оказывается в ситуации другого героя, добрые намерения приводят к плачевным результатам и т.п., и такое обилие контрастов, парадоксов, инверсий придает ее рассказам стилевое качество *анекдота*, создает картину мира, которую можно определить как «окказиональную», где главенствуют «игра случая, непредсказуемое стечение обстоятельств, столкновение индивидуальных инициатив», где функцией персонажа оказывается «самообнаружение его характера» [2].

Вместе с тем комическое начало в малой прозе писательницы было подчинено религиозно-философской доминанте ее творчества. О'Коннор была убеждена в просветительской, воспитательной миссии искусства, говорила о писателе как о «пророке», который в своих произведениях должен напоминать читателю о неотвратимости смерти и реальности зла, о существовании нравственных законов, установленных не человеком, а Богом, и о последствиях нарушения этих законов, причем «глухим надо кричать, а почти слепым – рисовать преувеличенные и устрашающие фигуры» [3, р. 34]¹. Представляется, что такая установка на дидактизм и иллюстративность сближает рассказы О'Коннор с одним из жанров средневековой словесности Западной Европы – религиозно-дидактическим «*примером*» (*exemplum*). «Примерами» называли краткие повествования о нравоучительных и подчас необычных явлениях, которые включались священнослужителями в проповеди, чтобы продемонстрировать конкретные результаты соблюдения или нарушения религиозных установок и нравственных

---

¹ Здесь и далее при ссылке на англоязычный источник перевод на русский язык осуществлен автором статьи.

норм. Как правило, деятели церкви пользовались готовыми «примерами» из специально составлявшихся сборников либо черпали материал из христианских легенд, античной и восточной литературы, при этом они могли изменять детали или переносить акценты, таким образом, как указывает исследователь средневековой культуры А. Гуревич, «пример» «жил обычной для средневековой литературы жизнью в серии вариантов, и с ним обращались, как с общей собственностью» [4, с. 159]. Ученый также отмечает, что, не будучи собственно литературным жанром, «пример» обладал своей поэтикой, в частности, особым хронотопом, предполагающим совмещение двух миров: земного и потустороннего, при этом при вторжении «сил мира иного» в мир людей создается «небывалая, экстремальная ситуация, подчас роковым образом воздействующая на героя “примера”, меняющая весь ход и содержание его жизни либо вообще ее завершающая» [4, с. 147].

Подобным образом для героев, которые не соотносят свои поступки с системой морально-этических категорий христианства, О'Коннор средствами сюжета создает кризисную, пороговую ситуацию, которая выполняет функцию «корректирующего божественного вмешательства», составляет резкий контраст с обыденностью исходной сюжетной ситуации и может быть связана с физическим насилием, беспристрастно изображенным О'Коннор со множеством деталей (что создало ей репутацию мастера «южной готики»). Такой финал оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя, заставляет его «пережить внезапное духовное потрясение, раскрывающее перед ним факт существования иных, истинных моральных ценностей, о которых он – современный человек, приверженец рационализма – либо позабыл, либо вовсе не подозревал» [5, с. 14]. Как видим, творческие установки О'Коннор, которая прекрасно знала труды средневековых христианских мыслителей, в частности Фомы Аквинского, перекликались с задачей средневекового проповедника – с помощью «примера» представить человеку, не способному самому осмыслить свой жизненный опыт, его отражение в форме повествования и оценку с позиций христианской (католической) церкви.

Для иллюстрации процесса гибридизации в творчестве Ф. О'Коннор, проявляющегося в совмещении комического и религиозно-дидактического начал, анекдота и «примера» и их поэтических систем, обратимся к ее рассказу «Озноб» («The Enduring Chill») из сборника «На вершине все тропы сходятся» («Everything That Rises Must Converge», 1965). Его фабула заключается в том, что начинающий писатель Эсбери Фокс возвращается из Нью-Йорка на Юг, где в городке Тимберборо, штат Джорджия, живут на ферме его мать и сестра. Эсбери считал, что отсутствие интеллектуальной жизни в южной провинции вкупе с авторитарным материнским контролем не дают

проявиться его таланту, однако и в Нью-Йорке он не создал ничего значительного и сам уничтожил свои «два скучнейших романа, несколько лишенных действия пьес, увечные стихи и недоделанные рассказы» [6, с. 178]. В последнее время здоровье резко ухудшилось, появились лихорадка, потливость и слабость, из книжного магазина его уволили, и теперь он вынужден возвратиться на Юг, чтобы, как он считает, умереть здесь в страданиях физических и моральных. О'Коннор высвечивает эгоизм Эсбери и его гипертрофированные интеллектуальные претензии, сатирически изображает презрительное отношение героя к попыткам его «неинтеллектуальной», но доброй и заботливой матери приободрить его и чудаковатого, но опытного местного врача – выяснить причину его болезни, а также к его незамужней старшей сестре-учительнице и даже к коровам, вокруг которых построена вся жизнь на ферме.

Эсбери считает, что в больнице «его накачают чужой кровью и лишь бессмысленно продлят страдания» [6, с. 192], и поэтому, принимая смерть как неизбежность, наделяет ее символическим смыслом: «Он не преуспел в служении своему богу – искусству, но он был верным слугой и потому в награду ему ниспосылается смерть» [6, с. 187]. Кроме того, его смерть должна стать наказанием для близких, которые не оценили такой тонкой артистической натуры. В письме, которое мать Эсбери должна будет прочесть после его смерти, он прощает ей «все зло, которое она ему причинила», ведь именно она «подрезала ему крылья» [6, с. 177]. Однако перед смертью Эсбери хочет получить некий значимый духовный опыт и просит всерьез обеспокоенную мать найти и пригласить к нему священника-иезуита, что на преимущественно протестантском Юге сделать совсем не просто. В Нью-Йорке у Эсбери был опыт общения с католическим священником, которое тогда показалось ему полным высокого смысла, однако католик-иезуит отец Финн, которого приводит к нему мать, – с широким красным лицом, слепой на один глаз и глухой на одно ухо – не знает ничего о Джеймсе Джойсе или о мифе об умирающем Боге. Он отчитывает Эсбери за то, что он не молится и не ходит в церковь, засыпает героя вопросами из катехизиса и в конечном итоге заявляет: «Святой дух не явится тебе, пока ты не увидишь себя таким, каков ты есть – ленивым самодовольным невеждой» [6, с. 191]. Комизм этого эпизода и его фарсовая окраска создаются путем контрастных сопоставлений – ожиданий Эсбери и реальности, добродушным настроением священника в начале разговора и его гневом и возмущением в финале, а также за счет гротескной образности: зрячий глаз священника вспыхивает «лютым огнем», и Эсбери начинает беспорядочно двигать руками и ногами, «словно этот жуткий глаз пришили к постели» [Там же].

На следующий день слабеющий Эсбери снова пытается найти способ пережить «последнее самое важное откровение» [6, с. 192]. В прошлый свой приезд, когда писал «пьесу про негров», Эсбери пытался наладить контакт с двумя темнокожими работниками фермы, в которых он тоже видел жертв расистского общества и экономической эксплуатации со стороны своей матери. Он тогда предложил им покурить вместе в коровнике, что категорически запрещалось правилами миссис Фокс. Однако если сигареты настороженные работники все же взяли, то на последовавшее за этим предложение Эсбери выпить свеженадоенного молока (также в нарушение правил) ответили отказом, и это сделал лишь сам Эсбери. В этот раз общения «на равных» также не получилось; работники, напуганные болезненным видом Эсбери, лишь повторяли, что он отлично выглядит и скоро выздоровеет (*Денек-другой полежите и, глядишь, встанете*) [6, с. 194]. Так и не получив значимого духовного опыта, Эсбери готовится умереть, однако в этот момент прибывает местный врач, которому все же удалось установить причину его болезни – это бруцеллёз, которым можно заразиться, если пить сырое коровье молоко, и от которого Эсбери не умрет, хотя и будет долго лечиться. Такое разрешение исходной сюжетной ситуации соотносится с анекдотическим «пуантом», который определяет остроту, парадоксальность, «исключительный динамизм» произведений этого жанра [7, с. 39].

Вместе с тем на жанровую матрицу анекдота писательница налагает ряд символических образов и деталей, указывающих на присутствие божественного начала и обозначающих переход от бытового к бытийному: «удивительное, бледно-золотое солнце», залившее «странным светом» дома рядом с железнодорожной станцией [6, с. 169], корова на поле рядом с фермой, которая уставилась на Эсбери, «как будто почувствовала в нем нечто родственное» [6, с. 174] и др. Лаконичные и прямолинейные вопросы отца Финна – «Кто тебя создал?», «Что есть бог?», «Для чего бог создал тебя?», «Как святой дух снизойдет в твою душу, если она полна скверны?» – адресованы не столько Эсбери, сколько читателю, а ответы на них, которые отец Финн сам дает растерявшемуся Эсбери, и составляют ядро идейно-смысловой структуры рассказа: «Бог есть дух бесконечно совершенный. <...> Бог создал тебя, чтобы ты знал его, любил его, служил ему в этой жизни и радовался ему в будущей!» [6, с. 190].

«Мне кажется, что все хорошие рассказы – об обращении в веру, о трансформации героя», – писала О'Коннор, отмечая, что для этого нужна «некая мощная вспышка света», высвечивающая истинное положение дел [8, р. 275, р. 427]. В финале рассказа «Озноб» эта мысль писательницы получает художественную реализацию в эпифаническом откровении, которое переживает герой после ухода матери и доктора Блока. Эсбери видит, как

в окне «безмятежно выплыло слепящее, червонного золота солнце», затем чувствует, как вновь подступает озноб, «но озноб такой странный, такой легкий, словно теплая рябь на поверхности холодных морских вод» [6, с. 196]. Наконец, ему представляется видение, в котором пятно на потолке его комнаты, всегда напоминавшее птицу с сосулькой в клюве, вдруг оживает, свирепая птица взмахивает крыльями и начинает стремительно спускаться к нему, и в этот момент Эсбери остро ощущает присутствие некой высшей силы, которая сурово и неотвратимо вершит судьбы людей: «Эсбери побелел от ужаса, и с глаз его будто вихрем сорвало последнюю пелену заблуждения. Он понял, что до самого конца, измученный и хилый, покорно влача череду дней, он будет жить в этом всеочищающем страхе» [6, с. 196]¹.

Такие «эпифании» являются важным элементом смысловой структуры произведений О'Коннор, который обозначает возможность «со-бытия» человека и Бога в соответствии с ключевым для ее мировоззрения концептом «Божественная милость» (*grace*). Иногда «прозрение» приходит к герою слишком поздно (*На вершине все тропы сходятся*), иногда в момент смерти (*Хорошего человека найти не легко*), а в рассказе «Озноб» это и есть то самое «важное откровение», которое герою суждено пережить.

Таким образом, в заключительной части рассказа тональность повествования ощутимо меняется, в нем обнаруживаются элементы поэтики средневекового «примера» – «двумирность», изображение личности как зависимой от сверхличных сил и рассмотрение явлений в ценностной иерархии грехов /добродетелей [10, с. 77, с. 252]. В своей классификации средневековых христианских «примеров» Л. Хант выделяет три их типа: *positive exemplum* (изображает поведение, которому следует подражать, и его положительный результат), *negative exemplum* (изображает поведение, которого следует избегать, и его нежелательные последствия), *quest exemplum* (изображает становление героя, включающее страдания, ошибки и неудачи) [11, р. 35]. На наш взгляд, «Озноб» можно соотнести с третьим типом «примера». Это созвучно высказыванию самой писательницы о том, что этот рассказ – о самопознании, которое является первой ступенью процесса приобщения человека к Богу [8, р. 299]. Примечательно, что религиозный дискурс выявляется в рассказе и на уровне его лексической организации: в нем неоднократно фигурируют лексемы *priest*, *God/god*, *Holy Ghost*, *salvation*, *revelation*, *spirit*.

Можно заключить, что задаваемый в начале рассказа «Озноб» комический модус, а также острота и парадоксальность сюжетного развития,

---

¹ Согласно учению Римско-католической церкви, страх Божий – один из даров Святого Духа (традиционным символом которого является птица – голубь), он стоит у истоков добродетели смирения и «рождается из духа любви и познания величия Божия» [9].

гротескно-сатирическая обрисовка героя являются чертами поэтики анекдота, в то же время воплощенные в финале рассказа идеи «наказания», «прозрения» выводят на религиозно-символический уровень повествования, сообщают рассказу иллюстративность и дидактизм, характерные для средневекового «примера». Такая гибридизация в «Ознобе» и других рассказах автора определила особое стилевое качество малой прозы О'Коннор, а также специфику ее рецепции. С одной стороны, произведения писательницы, а также статьи, посвященные ее творчеству, включаются в антологии юмора («Humor in America: An Anthology» (1976), «Make 'em Laugh! American Humorists of the 20th and 21st Centuries» (2015) и др.), с другой – рассматриваются как литература религиозного содержания («The Catholic Imagination in American Literature» (1997), «Exploring Catholic Literature: A Companion and Resource Guide» (2003) и др.). Сама О'Коннор подчеркивала, что привержена католической догме и ее творчество преследует морально-назидательные цели, однако отмечала значимость поэтики комического для их осуществления: «все забавное, что я написала, скорее ужасно, чем забавно, или забавно только потому, что ужасно, или ужасно, только потому, что забавно» [8, р. 105]. В результате гибридизации художественных кодов ей удалось в увлекательной форме и без явного морализаторства воплотить свою этико-эстетическую позицию и отобразить драматизм отдельных этапов пути человека к осознанию своей греховности, к покаянию, искуплению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Злыднева, Н. В. К типологии гибридности: человек-птица в поэтике авангарда / Н. В. Злыднева // Гибридные формы в славянских культурах : сб. ст. / отв. редактор Н. В. Злыднева. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2014. – С. 8–18.
2. Тюпа, В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса : «Архиерей» А. П. Чехова / В. И. Тюпа [Электронный ресурс]. – Тверь, 2001. – Режим доступа : <http://my-chekhov.ru/kritika/tupe/tupe3.shtml>. – Дата доступа : 20.04.2020.
3. O'Connor, F. Mystery and manners : occasional prose / F. O'Connor ; ed. S. Fitzgerald, R. Fitzgerald. – N. Y. : Farrar, Straus a. Giroux, 1970. – 237 p.
4. Гуревич, А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1990. – 396 с.
5. Юргайтене, К. В. Южная школа в литературе США после 1945 года : проблема художественного своеобразия : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / К. В. Юргайтене ; Ин-т мировой лит. АН СССР. – М., 1990. – 16 с.
6. О'Коннор, Ф. Хорошего человека найти не легко : рассказы / Ф. О'Коннор ; предисл. М. Тугушевой. – М. : Прогресс, 1974. – 285 с.

7. Курганов, Е. Анекдот как жанр русской словесности / Е. Курганов. – М. : ArsisBooks, 2014. – 264 с.
8. O'Connor, F. The habit of being: letters of Flannery O'Connor / F. O'Connor ; ed. Sally Fitzgerald. – N. Y. : Vintage Books, 1980. – 617 p.
9. Пятидесятница: о дарах и плодах Духа Святого [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://katolik.life/rus/news/tserkov/item/2484-pyatidesyatnitsa-o-darakh-i-plodakh-dukha-svyatogo.html>. – Дата доступа : 10.05.2020.
10. Мелетинский, Е. М. Историческая поэтика новеллы / Е. М. Мелетинский ; Ин-т мировой лит. АН СССР. – М. : Наука, 1990. – 279 с.
11. Hunt, L. Secrets of divine wisdom: the use of the figura and exemplum in medieval epistemology / L. Hunt. – Athens: Univ. of Georgia Press, 2001. – 202 p.

In the given article, F. O'Connor's short story "The Enduring Chill" is analyzed as an illustration of the phenomenon of hybridization in literature. Two genre paradigms are identified – those of the anecdote and the exemplum, and these aesthetic choices are linked to O'Connor's Catholic worldview and her sense of humor as an important ingredient of her faith.

Поступила в редакцию 10.08.2020

Л. В. Первушина

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПРОЗЕ М. СЛОУКИ: ЭМИГРАЦИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРНЫЙ ОПЫТ

В статье рассматривается проблема художественного воплощения культурно-исторической памяти в прозе Марка Слоуки (1958) – известного американского писателя чешского происхождения. Культурно-историческая память подчеркивает значимость переключек между Старым и Новым Светом и является ключевым феноменом в сборнике рассказов *«Потерянное озеро»* (*Lost Lake*, 1998). В произведении *«Изгнание»* (*Exile*) акцентируется значимость этнического опыта и гибридной культурной идентичности через художественную репрезентацию процессов ассимиляции, индивидуализации, американизации, социальной и языковой адаптации. Подчеркивается важность синтеза документального и художественного, а специфика культурно-исторической памяти выявляется через образно-символическую систему, архетипы, а также через концептуальные сферы (например, эмиграция, ассимиляция, аккультурация).

Интенсивные процессы вынужденного географического перемещения больших групп людей актуализируют необходимость всестороннего научного исследования феномена эмиграции в разных ее проявлениях: историко-культурном, социально-политическом, национально-этническом, литературно-автобиографическом, художественно-эстетическом, гендерном, психолого-

психиатрическом и др. Сам термин «эмиграция» приобретает особую значимость, характеризуется исключительно высокой частотностью и становится одним из ключевых компонентов современной культуры. Данный термин широко представлен в средствах массовой информации и активно обсуждается в периодической печати и онлайн-публикациях. Он приобретает все большее значение в философии, социологии, политологии, культурологии, психологии, литературоведении и других областях науки и культуры. В специализированных трудах, изданных в разных странах, постигается специфика эмиграции, открывается и анализируется новейшая информация о данном феномене. Однако несмотря на богатый фактический материал, предоставляемый самой реальностью XX – начала XXI в., исследователями разных стран все еще отмечается малая разработанность вопросов эмиграции и ее литературного осмысления. На данном этапе расширяются векторы освоения проблем эмиграции, вырабатываются новые концепции и создается комплексный мультидисциплинарный подход к осмыслению данного феномена. Обновляются и дополняются уже существующие теории, принимаются попытки для создания структурированной, концептуально и методологически обоснованной репрезентации эмиграционных процессов.

В настоящее же время основное внимание сосредоточено на выявлении специфики *этнических составляющих*, на репрезентации многоликой американской литературы, состоящей из различных этнических литератур. Большое значение имеет исследование в литературной жизни США славянского компонента, который является наименее изученным и еще не получил достаточного освещения, хотя литературы, созданные славянскими писателями-эмигрантами и их потомками – писателями второго и третьего поколений, представляют собой весьма значительную часть культурного пространства США. Известно, что именно в творчестве писателей второго и третьего поколений эмиграции категория культурно-исторической памяти занимает центральное положение в структуре эмигрантского дискурса. Для них характерно увеличение мемуарных и глубоко личных повествований, усиление автобиографического начала в прозе, обращение к исповедальным формам художественной репрезентации. Очевидно расширение темы осмысления личностью своей национальной идентичности, поэтому в произведениях писателей – потомков эмигрантов – на первый план выходят проблемы передачи культурного наследия последующим поколениям.

Культурно-историческая память является феноменом, связанным с формированием индивидуальной и коллективной идентичностей личности эмигранта. Именно она позволяет человеку осмыслить значимость личного бытия человека и рассмотреть особенности мировосприятия, мироощущения и менталитета национальных и этнических групп в американском обществе

плюрализма. Культурно-историческая память отличается особенностью превращать события в основу нравственной рефлексии для передачи данного знания будущим поколениям. Известно, что в качестве одного из основных антропологических факторов «историко-культурная память служит для литературы неисчерпаемым источником мотивов. Память создает как мифы про прошлое, так и фантасмагории, выступая при этом и как способ презентации истории, и как инструмент психоанализа: она моделирует внутренние процессы, формирующие личностную идентичность» [1, с. 169].

Так как культурно-историческая память связана с проблемой индивидуальной и коллективной национальной идентичности, то литературный текст становится носителем интенсивной памяти о реальной жизни. Известно, что часто реально-вымышленные или фиктивные воспоминания становятся источником более важной информации, более аутентичной и исторически детерминированной, чем определенные факты, рассказывающие об исторических событиях, имевших место в действительности.

В данном исследовании рассматривается проблема художественного воплощения культурно-исторической памяти в прозе Марка Слоуки – известного американского писателя чешского происхождения, рожденного в США, ученика выдающегося теоретика Вернера Соллорса, который посвятил многие свои труды исследованию этнических компонентов американской литературы. Марк Слоука – автор романов *Brewster*, *God's Fool* (2002), *The Visible World* (2007), его перу принадлежат мемуары *Nobody's Son* (2016), ряд публицистических произведений, несколько сборников рассказов *The Lost Lake* (1998), *All That is Left Is All That Matters* (2018), многочисленные эссе: *Essays from the Nick of Time* (2010), *War of the Worlds: Cyberspace and the High-Tech Assault* (1995). Он ярко и активно заявил о себе в конце XX – начале XXI в., добавив новые штрихи к палитре современной американской литературы. Его рассказы и эссе представлены в антологиях *The Best American Essays* и *The Best American Short Stories*. М. Слоука – профессор Чикагского университета и редактор журнала «*Harper's*». Его произведения переведены на 16 языков мира.

Эстетические принципы М. Слоуки связаны с мировоззренческой и эстетической установкой автора «возродить культурно-историческую память, исследовать свое прошлое, свое европейское и чешское культурное наследие» [2]. Важными задачами являются осмысление своей национальной идентичности, изучение формирования сложной гибридной идентичности эмигрантов, включающей славянскую компоненту, а также реконструкция опыта жизни чешских этнических сообществ, семей, отдельных личностей, эмигрировавших в США. Поэтому повествования автора корнями уходят в жизнь и традиции этнических общин, в ту сложную действительность, где жили

рабочие из славянских стран, в том числе и чешские эмигранты. Таким образом Слоука исследует проблему сохранения этнической идентичности эмигранта в мульти-культурном американском обществе.

Сборник рассказов М. Слоуки *«Затерянное озеро»* включает 12 историй, объединенных темой возрождения чешской идентичности и имеющих единого повествователя по фамилии Мостовски – сына чешских эмигрантов, который, с одной стороны, «восстанавливает свои воспоминания детства – реальные и архетипические» [1, с. 24] а с другой – воспроизводит быт, обычаи, праздники и традиции чешского сообщества в США. Он проникает во внутренний мир героев, высвечивает чувства и движение их мыслей, работу сознания и глубоко скрытые подсознательные импульсы. В образе Мостовски настойчиво проявляются характерные черты самого автора.

Особенностью повествования М. Слоуки является органический синтез богатого исторического документально-фактического и художественного материала, включающего фиктивный, вымышленный, реконструированный историко-культурный компоненты. Переключки реального и вымышленного, факта и фантазии становятся методом художественно-эстетического моделирования мира писателя. Факт и вымысел воплощаются в повествовании, сходятся в одной точке, конвергируются, сводятся воедино, сливаются, сближаются, становясь художественным фактором. Линии между вымышленным и действительным, фактом и придуманным материалом интеллектуально и изящно размываются.

Название сборника рассказов *«Затерянное озеро»* содержит интертекстуальную ссылку на книгу Генри Дейвида Торо *«Уолден или Жизнь в лесу»*. Уолден-понд (Walden Pond) – реально существующее озеро, у которого Г. Д. Торо жил 2 года, 2 месяца и 2 дня (в Конкорде, штат Массачусетс), надеясь получить трансцендентальный опыт и обрести объективное понимание общества. Озеро символизирует духовную значимость природы в жизни универсума и индивидуального человека. М. Слоука, как и Г. Д. Торо, акцентирует бесконечную возможность природы обновлять жизнь и подниматься до новых духовных высот, а в новом глобализованном мире умерять свои растущие потребности и жить в гармонии с природой. Вода – многозначный символ, образ-архетип, присутствует во всех рассказах как знак рождения и перерождения, обновления «я» в эмигрантском окружении, нахождения внутренней силы, возрождения и в то же время преодоления травмирующего воздействия памяти, расставания с прошлым.

Рассказы построены на острых контрастах, противоречиях жизни, конфликтности бытия. Так, лирические эпизоды воссоздают счастливые моменты жизни трех поколений эмигрантов у озера и представляют информацию

о ловле рыбы, ее разделке, о вязании морских узлов. Однако спокойные эпизоды, медитации героев, счастливое время для осмысления настоящего и ощущения естественного дыхания природы сменяются тяжелыми воспоминаниями повествователя о грязи и зверствах Второй мировой войны, о темных, трагических эпизодах жизни, о «солдатах, повешенных на вишнях на центральной алее города, искалеченных людях, неизвестных захоронениях пропавших людях и т.д.» [3, р. 39]¹.

Мостовски (как и сам автор) восстанавливает автобиографические воспоминания, рассказы, истории, предания, повествования, письма, краткие разговоры, которые он слышал или представлял, вообразил или сочинил о причинах появления Затерянного озера (*Lost Lake*) в штате Нью-Йорк в начале столетия, о трагедиях военного времени. Немало размышлений представлено автором о политических интригах и кровопролитии в его родной стране, которую пришлось насильственно оставить его семье. Воссоздаются исторические факты оккупации нацистами Чехословакии, выявляются примеры вынужденной эмиграции в США, воспроизводятся семейные драмы, рассказывается история о потерянном ребенке.

Эти истории повествуют о жизни маленькой чешской общины, расположенной на берегах Затерянного озера (*Lost Lake*, штат Нью-Йорк), но их значение расширяется, а смысл этой информации приобретает универсальное звучание. Таким образом, автор восстанавливает память об исторических коллизиях, политических и социально-экономических потрясениях XX века не только в Чехословакии, но и в других странах Восточной Европы, которые вызвали волны эмиграции и разделили людей на своих и чужих, а национальные литературы – на творчество метрополии и эмиграции.

Литературным шедевром М. Слоуки является рассказ «*Изгнание*» (*Exile*) – центральный в книге «*Затерянное озеро*» по смысловому наполнению. В нем поднимаются вопросы, связанные с особенностями эмиграции как важного общественно-политического института. Подчеркивается, что вынужденная эмиграция связана с геополитическими кризисами и сопровождается масштабные исторические потрясения, конфликты, войны, социальные и культурные катастрофы. Выявляются различные модели ассимиляции и адаптации людей к новым реалиям принимающей их страны. Так, М. Слоука повествует о предпринятой не по своей воле эмиграции Джозефа Кесслера и его супруги Марии. Через судьбу реально-вымышленных персонажей автор восстанавливает вехи истории Чехословакии. Так делаются ссылки «на Первую Чехословацкую Республику, созданную Национальным Чехословацким советом в 1918 году в Праге, первым президентом

---

¹ Здесь и далее перевод наш.

которой стал Томаш Гарриг Масарик в 1920 году. После ухода в отставку, его сменил Эдвард Бенеш. Президент Бенеш во время немецкой оккупации находился в эмиграции и руководил оттуда Соппротивлением, создав Правительство Чехословакии в изгнании» [4].

Как пишет М. Слоука, «...к 27 годам Кесслер был советником президента, к 35 – одной из наиболее значимых интеллектуальных фигур в Первой Республике, а еще позже, после шести лет нахождения в изгнании с семьей – одним из наиболее влиятельных и уважаемых людей в Чехословакии – человеком неоспоримого мужества и такта» [3, р. 125]. Его супруга еще в студенчестве имела репутацию талантливого мыслителя среди студентов и преподавателей философского факультета, ее отличала удивительная увлеченность своим делом и глубина мышления. Их свадьба «была главным событием во всех газетах Праги. Все остальное было как в жутком сне. Через год странная темная фигура нанятого контрабандиста вывела их ночью из дома через темный лес, сквозь черные силуэты южных лесов, пересекая австрийскую границу. Она лишь помнила снег, разорванную сеть забора, странный расплывающийся силуэт мужа и человека, который двигался с повадками кота. Супруги оказались в Париже, затем в Нью-Йорке» [3, р. 118].

В произведении М. Слоуки *«Изгнание»* представлены два различных варианта осмысления идентичности и мировосприятия эмигранта. Известно, что каждая модель репрезентации «себя» на чужбине меняет свои контуры и отличается уникальностью, оригинальностью, неповторимостью. Согласно классификации известного теоретика, профессора Ю. Б. Борева, в которой обобщается разнообразие форм жизненного и духовного опыта людей в изгнании, «эмигранты живут по одной из трех моделей: 1) ностальгической, сохраняющей традиции покинутой родины; 2) космополитической, предполагающей осознание “себя” гражданином мира, который вбирает в себя особенности цивилизации XX в.; 3) адаптационной, при которой человек адаптируется, гибко приспособливаясь к новой действительности новой родины» [5]. Безусловно, в каждом конкретном случае каждая модель будет обогащаться новыми компонентами, но как базовая, рабочая модель для анализа ситуации эмиграции, она является вполне эффективной.

Предчувствие Джозефом Кесслером будущей жизни в эмиграции было позитивным, он убежденно верил в возможность реализации своего потенциала в новой стране, в необходимость построения нового дома, а затем и в выполнимость последующей репатриации, реэмиграции. Для политика новый культурный опыт был самопознанием, самоисследованием, самоорганизацией. Его сознание приняло новую реальность, а опыт эмигранта, в свою очередь, обострил внимание к проблемам национальной идентичности и культурного плюрализма, размывающего границу бинарной оппозиции

«свой» – «чужой». Кесслер беспрепятственно, быстро адаптировался к новой реальности США, «быстро заменил музыку Дворжака композициями Дьюка Эллингтона, свое любимое кафе “Малая страна” он поменял на услуги Хорна и Хардarta» [3, р. 127]; он создал новую жизнь в стране, которая стала его второй родиной, приняв многие ее атрибуты: скотч, виски, американский бейсбол, американские газеты, новости, журналы. Кесслер стал известным писателем. Модель полной ассимиляции в американскую культуру представлена на примере его эмиграционного опыта. Пережив сильную историческую и культурную травму, испытав мощный психологический стресс от переезда на чужбину, Кесслер не смог воспринимать родной дом как безопасное место без конфликтов и противоречий, что вызвало изменение его мировосприятия и сознания, а определенное отчуждение от места своего рождения привело к расширению опыта и созданию сложной гибридной национальной идентичности. Для него характерна четко выраженная адаптационная модель с гибкой гибридной идентичностью, которая продолжала формироваться под влиянием историко-культурных, социальных, национальных, лингвистических факторов, превращая его в американского гражданина. Способ вхождения Кесслера в доминирующую американскую культуру основан на принятии социальной, национальной и культурной адаптации, на ассимиляции и американизации. Для Кесслера не существовало трудностей аккультурации в новой среде, несмотря на радикальное изменение социокультурного окружения, не было отмечено состояния интенсивного психологического и эмоционального напряжения и разочарования от встречи с американской культурой и трагизма вследствие отрыва корней от родной земли. Ему не пришлось пережить болезненную трансформацию ментальных, психологических и духовных процессов в творческой работе в обществе плюрализма культур.

Для Марии же процесс эмиграции был трагичным. Разрыв жизненно необходимых для нее связей стал пограничной, трагедийной ситуацией, глубокой непреодолимой травмой, величайшим душевным потрясением, при котором женщина не смогла преодолеть разорванность своего сознания, фрагментарность модусов прошлого, настоящего и будущего, разобщенность личности и мира. В условиях изгнания, отдаления от своего дома, от культурных традиций, при насильственном географическом, пространственно-временном перемещении, она мучительно переживала утрату своих корней, связывающих ее с родной землей. Мировосприятие женщины-эмигранта, грубо вырванной из естественной этнической почвы, сохранило глубокую привязанность к родине, а культурно-историческая память еще настойчивей актуализировала архетипический образ дома, место этнических истоков беженца. Этническое своеобразие Марии Кесслер как эмигранта проявилось через болезненное, невероятно трагическое восприятие действительности в принявшей ее стране, в изгнании, в отдалении от родины. А ее чешскость

нашла проявление в ностальгической модели вхождения в новую культуру принимающей ее страны. Сознание женщины постоянно возвращалось на родину в течение двадцати лет, которые прошли в эмиграции; «...она продолжала стоять на снегу у Австрийской границы, она застыла, глядя в сторону дома. Застыли ее чувства, ее память, и она взяла их с собой как тяжелый груз, который никто не помог ей нести все эти годы. Она превратилась в призрак... Она все более увядала» [3, р. 132]. Авторский анализ мыслей и действий Марии выявляет глубокую ностальгию, а система символов произведения включает многочисленные образы родной природы (поля, дороги, птицы, растения, небо, солнце, снег и т.д.). Высокую частотность имеют образы-архетипы дома, семьи, близких людей. Ностальгическая модель, сохраняющая отчетливый национальный колорит и образы родной Чехословакии, актуализировала определенное отчуждение от культуры новой страны проживания и неприятие многих установок американского общества в процессе адаптации Марии к новым условиям.

Таким образом, две различные модели мировидения эмигранта (космополитическая/адаптационная и глубоко ностальгическая), представленные в произведении М. Слоуки *«Изгнание»*, раскрывают особенности национального самосознания личности и многосторонней этнорасовой идентичности. Эмиграция представлена автором и как благо, данное во спасение жизни, и как сила, которая ломает человека, лишает смысла жизни, испытывает его на прочность.

Говоря о художественных достоинствах произведения, необходимо отметить существенные признаки повествований Слоуки:

- тонкое, филигранное и правдивое воссоздание настроения, тональности, модальности, которые присутствуют в эмигрантском письме, воспроизведение особого переживания, связанного с утратой родины, страны, дома. Произведения М. Слоуки можно охарактеризовать как деликатно переданные и тонко организованные повествования, т.е. можно говорить об особом стиле авторского письма и глубоком проникновении во внутренний мир личности. Его проза «элегантна и богата неожиданными метафорами, к которым он обращается в процессе исследования разнообразных форм и проявлений экспатриации» [6];

- художественная игра автора с фактом и вымыслом, с помощью которой М. Слоука открывает и расцветчивает узлы бытия, где границы между памятью и историей, правдой и выдумкой, фактом и фиктивным материалом, настоящим и прошлым становятся проницаемыми. Его можно причислить к ряду таких авторов «non-fiction novelists», как Норманн Мейлер, Труман Капоте и, главным образом, Эдгар Лоуренс Доктороу, который настойчиво и инновационно расширяет литературную территорию, граничащую с историей и включающую художественный вымысел;

▪ наличие концептуальной основы повествований М. Слоуки – рассмотрение вопросов эмиграции как важного политического института общества. А, следовательно, для произведений автора характерна определенная философская основа: писатель, безусловно, придерживается определенных философских идей, связанных с осмыслением культурно-исторической памяти, хотя они выражены в неявном виде;

▪ историчность, преемственность и динамизм; художественная картина мира формируется в определенных конкретных исторических условиях, а содержание повествования во многом обусловлено социальными, национальными, культурологическими и др. факторами;

▪ авторская субъективность, так как художественная картина мира выражает глубоко личное и четко выстроенное автобиографическое отношение автора к реальности;

▪ особая, тонко очерченная образность, так как художественная картина мира, представленная в книгах, основывается на системе художественных символов и архетипов, т.е. на фундаментальных образах как носителях художественного знания; особый хронотоп, ретроспективное восстановление эпизодов действительности, смешение модусов времени прошлого, настоящего, будущего в зависимости от остроты постановки проблем. Для автора также характерно аксиологическое, эстетическое и этическое освещение действительности;

▪ единство универсального и единичного: художественная картина мира М. Слоуки отражает универсальное через основные категории эстетики: прекрасное, низменное, трагическое, обыденное. Всеобщее представлено через частные истории реально-вымышленных героев, которые приобретают важное просветительское и аксиологическое значение.

Таким образом, репрезентация историко-культурной памяти в творчестве М. Слоуки подчеркивает значимость национальной, этнической идентичности принимающей страны, выявляет своеобразие чешской культуры в мультикультурном американском обществе. В повествованиях М. Слоуки представлены индивидуальное этническое своеобразие человека, коллективная идентичность и уникальность чешских эмигрантских общин, которые, как и многие другие культуры и народы, вносят свой вклад в развитие не только американской литературы, но и мировой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рахнянский, В.* Метафора голод памяти в автобиографии Ричарда Родригеза «Голод памяти: воспитание Ричарда Родригеза» / В. Рахнянский // *Американские и европейские исследования : 2008–2009* / под ред. Ю. В. Стулова. – Минск : МГЛУ, 2010. – С. 168–171.

2. Carroll, S. P. An Interview With Mark Slouka / S. P. Carroll [Electronic Resource]. – Mode of Access : bookslut.com/features/2013_09_020279. – Date of Access : 23.09.2019
3. Slouka, M. Lost Lake / M. Slouka. – N. Y. : W.W. Norton & Company, 1998. – 192 p.
4. История Чехии. Чехословакия. Образование нового государства. Первая Республика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : / knedlikov.net/istorija/pervaja-respublika. – Дата доступа : 23.09.2019.
5. Боров, Ю. Б. Глобализация и культура / Ю. Б. Боров // Академические тетради. – Вып. №. 14. – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://independentacademy.net/science/Tetradi/14/borev.html>. – Дата доступа : 15.05.2017.
6. Lost Lake by Mark Slouka Editorial Review from Publishers Weekly [Electronic Resource]. – Mode of Access : <https://www.amazon.com/Lost-Lake-Stories-Mark-Slouka/dp/0375402152>.

The paper deals with the problem of cultural and historical memory in the fiction by Mark Slouka (1958) a well-known American-born writer of Czech origin who belongs to the second generation of emigrants. The phenomenon of cultural and historical memory becomes the central notion in the collection of stories *Lost Lake* (1998). The traces of cultural and historical memory in the story *Exile* are represented with the help of the system of images, symbols and archetypes, as well as through the conceptual fields (emigration, assimilation, and cultural adaptation). The literary material is analyzed through the synthesis of the artistic and the documentary components. The autobiographical fiction by Slouka contributes to the multicultural American literature and raises important interconnected problems of exile, emigration, and homeland.

Поступила в редакцию 20.08.2020

НАШИ АВТОРЫ

Борзенец Светлана Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычного речевого общения МГЛУ. Тел. (+375 29) 392-92-96.

Егоров Николай Викторович – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. (+37529) 173-89-06.

Завацкая Валентина Валерьевна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ, ст. преподаватель кафедры компьютерной лингвистики и лингводидактики БГУ. Тел. 209-58-67.

Зуевская Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Иванов Артур Эдуардович – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Ильичева Инна Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии БрГУ им. А. С. Пушкина. Тел. (+375 29) 724-87-42.

Ключенович Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Ключенович Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычного речевого общения МГЛУ. Тел. 294-75-74.

Ковалихина Анастасия Анатольевна – студент МГЛУ. Тел. 284-43-86.

Кестер Маргарэт Михельевна – выпускник магистратуры МГЛУ. Тел. 284-47-48.

Козлова Вероника Викторовна – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. (+375 29) 174-82-61.

Корбачёва Татьяна Валерьевна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. (+375 29) 364-54-13.

Крот Лариса Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английской речи МГЛУ. Тел. 260-50-42.

Крючкова Анна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 284-47-48.

Кудрявцева Ирина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Курбаленко Наталия Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Меньшенина Ирина Александровна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Витебского государственного медицинского университета. Тел. (+375 44) 793-98-90.

Овсейчик Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой фонетики и грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Первушина Любовь Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Свистун Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 294-71-14.

Сокол Виталина Владимировна – преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Могилёвского государственного университета им. А. А. Кулешова. Тел. (8 0222) 28-28-89.

Тимофеева Вероника Михайловна – выпускник МГЛУ. Тел. (+375 29) 322-03-55.

Хомцова Екатерина Валерьевна – аспирант филологического факультета БГУ. Тел. (+37533) 613-24-73.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 4 (107), 2020

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 28.08.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 8,60. Уч.-изд. л. 9,41. Тираж 100 экз. Заказ 27.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172